

Юрий КРАСАВИН

ВЕЛИКИЙ МОСТ

Роман

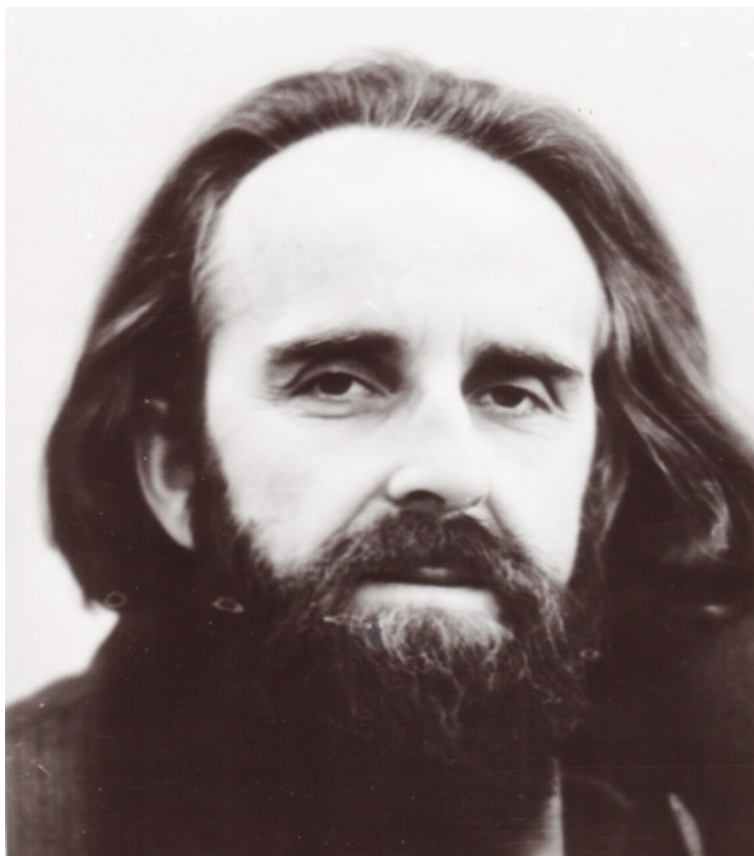
2018 г.

ББК Р6
К 78

Текст печатается по изданию:

Красавин Ю.В. Великий мост. - М.: Современник, 1990.

© Красавин Ю.В., наследники. 2018 г.

Новгород 1980 год.

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРАСАВИН

Родился 7 января 1938 года в селе Мелковичи Солецкого района Новгородской области. Детство прошло в деревне Ремнево Калязинского района. Закончил Калязинский машиностроительный техникум в 1959 году. Работал конструктором на Конаковском фаянсовом заводе, учителем в школе рабочей молодежи г. Конаково, собственным корреспондентом газеты «Калининская правда».

В 1969 году закончил Литературный институт им. Горького в Москве.

Член Союза писателей СССР с 1972 года.

В 1975-1984 гг. жил в Великом Новгороде, до 1982 года руководил Новгородской писательской организацией.

С 1984 по 2013 год проживал в г. Конаково Тверской области. Печатается как прозаик с 1958 г.

Книги Юрия Красавина в «советский» период выходили массовыми тиражами в издательствах: «Молодая гвардия», «Московский рабочий», «Советский писатель», «Современник», «Советская Россия», «Детская литература», «Лениздат».

Автор более тридцати романов и повестей, множества рассказов, стихотворений, публицистики. Произведения Ю.Красавина публиковались журналах: «Новый мир», «Знамя», «Наш современник», «Роман-газета», «Октябрь», «Нева», «Звезда», «Север», «Волга», «Москва», «Дальний Восток», «Дон», «Подъём», «Русская провинция».

Лауреат Всесоюзной премии им. Н.Островского за роман «Мастера» (1984).

ВЕЛИКИЙ МОСТ

Роман

1.

В полдень прошел короткий шумный ливень, после которого тотчас выглянуло солнце, веселое, словно лик некоего божества, учинившего в городе сумятицу с дождем и вихревыми набегами ветра.

Парил асфальт, пузыри плавали в лужах; шумели ручьи на мостовой, падая сквозь решетки водостоков; чирикали обезумевшие воробьи.

Возле цветочной клумбы на тротуаре черная жижа - перед дождем высыпали грудой землю, и вот ее размыло, она сползла на асфальт, под ноги проходим. Солнечный зайчик взблеснул искоркой почти под ногами; Мережников нагнулся и вдруг поднял мокрое стеклянное колечко, розовое, мутноватое, со свежим сколом величиной со спичечную головку, с налипшими крохами черной земли.

Он нагнулся снова, старательно поворошил влажный, набухший перегной: нет ли еще чего. Да где там! Уж и то сказочное везение - найти эту стеклянную драгоценность в древней, не раз перетряхнутой и размятой в руках, пропущенной сквозь пальцы земле. Ополоснул колечко в теплой луже, волнуясь, примерил - оно влезало лишь на мизинец. Владимир Андреевич набрал воздуху в грудь, словно собираясь крикнуть, но только радостно улыбнулся.

Невдалеке, разбрызгивая лужи, проехал и остановился самосвал, кузов его стал косо подниматься.

- Поберегись, подруга! - раздался крик.

Девушка, шедшая по тротуару, отступила подальше, оглянулась на крикнувшего ей шофера, помахала рукой: видно, были знакомы.

Мережников поравнялся с самосвалом.

- Откуда земля?

- С Троицкого раскопа, - ответил веселый шофер, провожая девушку взглядом.

Троицкий... Это Людин конец, бывшие Черницына и Добрыня улицы. Там же Пробойная и Редятина.

- Хотите на дачу вам привезем? - предложил шофер, видя, что прохожий рассматривает землю.

- Спасибо, у меня нет дачи.

- Была бы земля! А дача приложится.

С шофером в кабине сидел еще кто-то, они засмеялись.

Мережников шел, лаская в пальцах колечко. Сердце билось, словно получил телеграмму с сокрушительно радостным известием. Этой немудрящей стекляшке сколько веков? Новгородская экспедиция археологов берет сейчас в Троицком раскопе тринадцатый век. Может, и колечко именно из тринадцатого? Скорей всего так.

Как же это вы, уважаемые, пропустили? Этак у вас и берестяные грамоты меж пальцев пройдут и на клумбу угодят. Набрали себе в подсобные рабочие школьников, а с тех известно какой спрос! Много ли они понимают! Ладно бы просто были рассеяны да легкомысленны, а случается и того хуже: прошлым летом знакомая Мережникову девочка-семиклассница нашла и утаила золотой перстень, несколько монет, частый костяной гребешок и еще что-то. Когда Владимир Андреевич узнал об этом - все уже растащили у нее подружки, все пропало без следа, и перстень как в воду канул. То-то было досады! Иванину рассказал - тот пожал плечами: бывает, мол, за всеми не уследишь! А с девчонкой этой, соседкой Мережникова, не затевать же уголовное расследование!

Иванину надо нынче же позвонить, сказать о кольце: «Вы что, граждане ученые-археологи! Ненайденное означает потерянное. А ведь вы не картошку копаете!»

К удивлению встречной женщины, Мережников улыбнулся именно ей, а ему понравилось: «Не картошку копаете!». Именно так и следует упрекнуть археологов. Прекрасный повод пощекотать их самолюбие! А то заносчивы очень: они-де профессионалы, у них-де фундаментальные знания, а все прочие - просто любители, нахватались верхушек.

Есть там одна археологиня, Владимир Андреевич видел ее в экспедиционной лаборатории да и на раскопках тоже - разговаривать с нею невозможно! То ли со старшего курса она, то ли первого года аспирантуры - бойка, смела, напориста: все знает, все ей ясно, видит насквозь не только землю, но и тысячелетия истории вплоть до дня сотворения мира. Когда Мережникова знакомили с нею и представили как местного историка, она с невыносимо невинной миной спросила:

- Вы небось придерживаетесь своей собственной точки зрения о месте возникновения Новгорода? Признайтесь, у вас своя гипотеза на этот счет?

Владимир Андреевич, несколько огорошенный, промедлил с ответом. Девушка была хороша собой, да уж больно умна. Каково ироническое кривление губ! Да каков тон! И в глазах что-то не то чтобы враждебное, но - чужое, отстраняющее.

- Все предлагают гипотезы, - притворно вздохнув, объяснила она, - не больше и не меньше. Как раз нынче приходил один знаток... Очень интересно толковал насчет Гостомысла, которого он считает основателем Новгорода. Неужели вы ничего нам не предложите?

Иванин только хмыкнул, он не был расположен к легкомысленному разговору: не за тем они зашли в лабораторию. Иванину не терпелось показать гостю берестяную грамоту, найденную накануне. Еще сырая, она лежала под стеклом, придавленная чугунной гирькой. То было послание, адресованное Олисею Гречину,

жителю Черницыной улицы, от некоего попа: поп заказывал Олисею икону.

Иванин был убежден, что хозяин усадьбы на Черницыной улице - живописец. Теперь необходимо сделать сравнительный анализ найденных на Троицком раскопе красок и остатков фресковой живописи из иных мест - может оказаться, что Олисей Гречин был одним из авторов росписи не только Пречистенской церкви, разрушенной в 1745 году, но и всемирно известной церкви Спаса-на-Нередице. Перспектива заманчивая, что и говорить! Во-первых, будет открыто имя древнейшего русского художника, одного из создателей художественной славы Новгорода; а во-вторых, устанавливается авторство дошедших до сегодняшнего времени живописных произведений двенадцатого века.

Мережников, склонившись, с трудом разбирал угловатые буквы. Письмо-заказ можно было перевести на современный русский примерно так: «Напиши мне двух шестикрылых ангелов на две иконки, на верх деисуса. И целую тебя. А Бог вознаградит».

Удивительная грамота! Крайне любопытный текст. Иванин старательно скрывал свое волнение - мирно и тихо улыбался. И только.

Берестяное послание надолго потом завладело думами Владимира Андреевича, однако осталась от того визита на базу археологов в бывшем Знаменском монастыре вместе с чувством радостной взбудораженности некая досадная заноза внутри. Уж больно пренебрежительно говорила с ним девушка в лаборатории! Как ее зовут-то? Иванин величал вроде бы Татьяной Григорьевной. Таня, значит.

Увлечшись разговором с руководителем новгородской экспедиции, он тогда ей ничего не ответил. А жаль. Столь дерзкое выступление, к тому же ничем не вызванное, прощать не следует. Ну ладно, еще будет случай потолковать. Таня работает как раз на Троицком, а туда следует заглядывать почаще.

«Стеклянный-то перстенок прозевала, - упрекнул ее теперь Мережников и легонько повернул его на мизинце. - Подобаet ли такому быть, а? Небось не картошку копаете!»

Он, жалеючи, поглядывал на встречных: они не знали, что у него есть! Ни один взгляд не задержался на его руке и не вспыхнул ни интересом, ни завистью. Никто не подозревал, какой он шел богатый и как наполнен был радостью. А исток этой радости далеко, далеко...

Старый мастер склонялся над глиняным тиглем, дышащим алым и синим, вытягивал тугое естество... Чуть закрутил, обрубил, сомкнул концы. Старый мастер был внимателен и сосредоточен, капли пота созрели у него под головным платком; что-то шепча, он отодвинул остывающую поделку: так родилось колечко, чтобы дожить до этого солнечного дня - вот оно, на пальце. Ему шесть веков. Оно валялось возле груди земли на тротуаре, и он, Мережников, мог раздавить его ногой, не взблесни солнце на сколоте краешке.

2.

Придя к себе, Владимир Андреевич внимательно через лупу стал осматривать находку: колечко цельное, без трещин, только изрядно потертое снаружи; сквозь сетку мельчайших царапин пробивается изнутри живой розовый цвет и... на внутренней стороне едва-едва заметно и косо-криво нацарапаны некие буквы.

«Заговорное, что ли?» - всполошенно удивился Мережников. Щурясь, не без усилия прочитал: «Полюби мя».

- Полюби меня, - явственно прозвучало в ушах, и легкий шелест возник и растаял в его кабинете, как бы уличный ветерок прокатился, хотя окно было закрыто, или невидимая большая птица взмахнула крылами.

- ...любви мя... - и надеялся, и умолял, и ожидал - голос, предначиненный неведомо кому.

Мережникову вдруг неловко стало, словно подсмотрел что-то тайное, чему не должно быть свидетелей; словно распечатал ненароком чужое любовное письмо или действительно услышал такое, что говорится лишь наедине.

Колечко обрело одушевленность; чье-то дыхание было за ним, чей-то взгляд, чья-то смутная живая тень.

Откуда оно закатилось в Новгород и когда? Здешние ремесленники таковых не делали... «Полюби мя»... Ишь ты!.. Да кто же это, и кому - как вздох, как заклинание, как мольба одинокого человека: полюби? С чьего это пальца сронилося и схоронилось на несколько веков? С бревенчатой мостовой, на которую глядели бычьими пузырями окна домов, угодило в кузов самосвала, потом на асфальт, и вот лежит на столе рядом с фигурной пластмассовой авторучкой в виде взмывающего космического корабля. Чудно!

- Полюби, - дохнуло снова и нежно, и печально, и снова пролетела, удаляясь, неведомая большая птица.

Голос был явно женский. Только женщина могла войти и удалиться столь неслышно. Она не страдала, нет! Она просто надеялась и ждала.

Вот чье это колечко. Уж верно плакала неутешно, когда потеряла. А может, сама кинула в сердцах? Не любишь, и не надо!.. И ты постыл, и кольцо постыло...

Что ж, может быть, и кинула, хотя не бросовая это вещь для тех дней. Это нынче из стекла пивные бутылки делают, а тогда стеклянный перстенок дорогого стоил.

Владимир Андреевич полюбовался своей находкой. Как теперь с нею расстаться! Иванову звонить - надо и ее отдать. Пронумеруют, положат в ящик вместе с другими, и снова долго лежать ему неодушевленно. «Потом отдам. Потом...» - уговаривал себя Мережников, то кладя кольцо на холодное настольное стекло и откидываясь в кресле, то согревая его на ладони и склоняясь над ним низко.

Буковки нацарапаны были неровно, и между словами краткой надписи нет должного просвета. Непривычен был к письму человек, умолявший полюбить его. Тесно словам, неудобно вкось поставленным буквам, и, наверно, тесно было сердцу того, кто писал, как нынче теснило дыхание живущего человека.

3.

День пошел своим чередом.

Ему звонили из газеты, просили ознакомиться с рукописью статьи, в которой утверждалось, что некогда здесь, в Новгороде, насчитывалось ни много ни мало, а четыреста тысяч жителей.

Его приглашали непременно присутствовать при беседе с известным немецким археологом в обкоме партии.

Главный режиссер областного драмтеатра звал посмотреть декорации к «Вадиму Новгородскому» Княжнина.

Кто-то из студентов педагогического института, пишущих курсовую, спрашивал по телефону, что означают слова «горончар», «блазень», «веверица» и как понимать выражение «продал есми в дернь без выкупа и гаровные воды промеж волощан во всех рыбных ловлех поллука и пожни морские».

Юные историки-следопыты из школы интересовались, когда в Новгороде бывали солнечные затмения, о которых упоминается в летописях, и как именно упоминается.

Книжный магазин советовался с ним: выходит в издательстве новая монография о декоративном оформлении древнерусских книг - велик ли будет спрос на нее, сколько экземпляров заказывать?

Почти каждый день его звали выступить то в общежитии строителей, то на конференции медиков, то на совещании группы лекторов и докладчиков, то перед гостями из холодной Якутии или солнечного Узбекистана. Все это также были его обязанности, возложенные на него неизвестно кем и когда, обязанности довольно обременительные, отнимавшие много времени, с чем в его родном учреждении давно примирились и считали их даже естественными и законными. Впрочем, с этим никак не мог согласиться сам директор; Алексей Викторович Балин не раз говорил, что каждый человек должен честно выполнять ту работу, за которую он получает от государства зарплату. При этом директор довольно выразительно поглядывал на своего заместителя, ибо Мережников был весьма и весьма волен в своих занятиях, поз-

волял себе чересчур многое. Директор мирился с независимостью своего зама лишь потому, что в свое время получил на этот счет твердые указания от начальства, но ясно было, что отступил он временно, выжидал, скрепя сердце, надеялся на перемены: не всегда же к Мережникову будут благоволить вышестоящие люди, когда-нибудь да споткнется! «Долго ждать будешь, Леша», - мысленно поддразнивал понимавший это Мережников и улыбался снисходительно, совсем не сердясь.

Из Алексея Викторовича Балина мог бы выйти неплохой председатель колхоза или заведующий бытовой мастерской средней руки: швейной или сапожной. А как он оказался на нынешнем своем посту - этого Мережников не знал, ибо случилось сие задолго до его прихода. Способности Балина на этом поприще использовались лишь наполовину. Это был хозяйственный и обстоятельный человек. Вернее так: обстоятельный и хозяйственный, потому что рачительная, со сметкой, с хитрецей обстоятельность во всем первенствовала в нем.

Балин - крепкий мужчина среднего роста, с широкими прямыми плечами, тяжеловатый в походке, с мужественным лицом и твердым густым голосом. Он постоянен в одежде, пристрастиях, манере держать себя, в отпускаемых шуточках, словно взятых однажды напрокат (ему хочется быть демократичным!). Просто невозможно вообразить себе Балина меняющимся! Казалось, директор и во младенчестве был таким квадратненьким мужичком, солидно насупленным, с баском.

Неторопливость, уверенность в решениях, особая вескость, которую он умел придавать своим словам и поступкам, пусть даже незначительным, - все это в определенной степени нравилось окружающим и, наверное, неизменно наводило начальство на утешительную мысль, что Балин - человек надежный, занимает «свое место», что кадровый вопрос в данном случае разрешен удачно. Нельзя не признать в то же время, что директор своей повадкой, манерой общения создавал себе определенный вес и у своих сотрудников.

Мережников, например, с удовольствием наблюдал, как сегодня во время утренней планерки директор, солидно кашлянув,

встал, окинул сидевших перед ним сугубо серьезным взглядом, выдержал паузу и произнес:

- Товарищи!

Кто смеялся, кто говорил, кто просто подремывал - вдруг словно упругим ветерком опахнуло всех: сотрудники отомобилизованы, готовы слушать речь своего руководителя, как откровение. Впрочем, произнесение речей не было сильной стороной Балина. Мережникову с трудом удавалось сохранять достаточно серьезную мину, когда тот глубококомысленно говорил:

- В последнее время стало заметно некоторое расхолаживание в деятельности организма нашего учреждения. Налицо симптомы явного равнодушия - этой страшной болезни любого коллектива, как производственного, так и культурно-просветительного, каковым являемся мы с вами. Подобное положение недопустимо, и мы не должны с ним мириться...

Балин опирался прямыми руками о столешницу, суставы согнутых пальцев побелели, лицо было исполнено значительности. Именно так, по мнению Мережникова, неторопливо и веско, помужички солидно председатель колхоза должен делать отчет по итогам года.

Речь свою Балин строил этак блоками, готовыми платформами: «культурный уровень советских людей обязывает нас», «руководствуясь последними постановлениями по активизации и усилению», «партия и правительство ждут от нас новых достижений по повышению», «могучий созидательный порыв нашего народа», «претворение в жизнь социально-экономической программы диктует»...

Ничего особенного в учреждении, конечно, не случилось, ничего из ряда вон выходящего не произошло, просто директор считает нужным таким образом (а никаких иных способов он не знает) «подтянуть гайки». Все, что он скажет далее, известно и Мережникову, и остальным сотрудникам по прошлым его ораторским упражнениям. Крупноблочное строительство своей речи на обыкновенной планерке Балин может вести и час, и полтора, и более. Все это пустое балаболство, его, разумеется, в заслугу

директору не поставишь, но зато как он встал! Как он произнес первое слово: «Товарищи!». Как он сразу возвысился над столом, над сидевшими в кабинете! Даже стол, и тот вроде бы приподнялся. Как хотите, а это уже само по себе чего-то стоило, такое не всякому удается.

Культурно-просветительный коллектив, встрепенувшийся было от веско произнесенного обращения, постепенно распускался: инструктор что-то прошептал инспектору, заведующая библиотекой подавила то ли смешок, то ли зевок, две бухгалтерши мирно беседовали. Владимир Андреевич, вдруг словно вспомнив о чем-то, тихонько встал и вышел.

4.

Как обычно, часам к одиннадцати секретарша директора принесла Владимиру Андреевичу почту. Не было дня, чтобы Мережников не получил письма; иногда он выуживал из послания какого-нибудь самодеятельного архивариуса такие факты и такие известия, каких не почерпнешь нигде, поэтому к частной переписке Мережников относился очень серьезно и с должным старанием, независимо от того, был ли его корреспондентом знаменитый ученый или безвестный старичок-краевед, подчас плохо знакомый с грамматикой.

Секретарша Зоя нынче вместе с письмами и прочими бумагами принесла тяжелый пакет - этакий кирпич, завернутый в грубую почтовую бумагу.

- Явилась очень красивая молодая женщина, сказала, что это подарок для вас, Владимир Андреевич, - бойко отрапортовала Зоя. - Она не назвала себя, как я догадываюсь, в целях конспирации.

- Какая же конспирация, коли она имеет дело с вами! - отшутился Мережников. - От вас ничего не скроешь.

- Это уж точно, - удовлетворенно подтвердила та. - Мне кажется, я ее встречала. У нее муж в облпотребсоюзе работает. Кстати, очень видный из себя мужчина, килограммов этак на де-

вяносно. Имейте это в виду и не попадайтесь ему на узенькой тропинке. Он не будет смотреть на ваши шашни сквозь пальцы.

- Очень легкомысленно с вашей стороны подозревать меня, - заметил Мережников.

А ту смех разобрал:

- Меня не проведете!

- Я не играю в эти игрушки, Зоя Павловна!

- Зато она играет. Этого достаточно, чтобы опасаться мужа.

Повернулась Зоя и ушла, хлопая сверх всякой меры расклеванными брюками. С Балиным она себе такое никогда не позволит - тот фамилльярности не допустит, нет.

В пакете оказались две книги: одна - «Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описанию библиотек графа Ф. А. Толстого и купца И. Н. Царского», издание 1841 года, - ей Мережников очень обрадовался; вторая - новейший выпуск «Трех мушкетеров» - ну, эту можно кому-нибудь и отдать. В «Мушкетерах» записка от Виталия, он поздравлял «с прошедшим Новым годом» - это его обычные шуточки; можно не сомневаться, что толстенный том Дюма отправлен в Москву Славе Фирсановскому.

Избави боже показывать Виталию найденное нынче кольцо, он потребует его себе в качестве ответного дара, и отказать ему было бы просто невозможно.

«Как хочешь, а долг чести повелевает», - сказал бы Виталий.

Мережников улыбнулся и поднял телефонную трубку, набрал номер - ему ответил знакомый женский голос. После взаимных приветствий Владимир Андреевич спросил:

- Давно вы видели моего лучшего друга?

- Позавчера! - весело ответила женщина и чему-то засмеялась.

- Как он поживает? Почему мне не звонит?

- Мы ездили в Суздаль!

- Было что-нибудь серьезное?

- Охотились!

- Надеюсь, вы никого не убили?

- Охотовед клятвенно уверял, что там обитает то ли глухарь, то ли тетерев, я не очень разбираюсь. Виталий говорит, осенью мы его непременно настигнем.

- Охотоведа?

- Глухаря, глухаря!

- Что говорил мой друг по поводу обещанного приезда в Новгород?

- Он чего только не обещал! - женщина, не сдерживаясь, снова засмеялась.

Она уже съездила с Виталием и в Боровичи «на кабана», и в Осташков «на медведя», и в Старую Руссу «на уток». Как только Виталий отъезжал от своей семьи за пределы родного ему Ленинграда, возле него тотчас появлялась жена новгородского торгового работника. Как ей удастся объяснить свои отлучки из дому собственному мужу, остается загадкой и для Виталия. Он охотно о ней рассказывал, и, судя по рассказам, спутница его по командировкам и поездкам на охоту - в высшей степени эмансипированная женщина...

- Когда он спихнет своего старичка?

- Старичку оформляют персональную. А Виталия вызывали в управление для предварительной беседы. Уже можно считать, что он заведующий лабораторией. Растет ваш друг!

- Если не будет увлекаться охотой...

- Охота способствует карьере, Владимир Андреевич. Советую и вам заняться...

Она очень приятно смеется, у нее прямо-таки музыкальный смех.

Зовут ее Злата Максимовна. Работает она в некоей проектной организации, а кем, Мережников не интересовался. Да и саму Злату Максимовну он в глаза не видел, вот только по телефону разговаривали несколько раз: Виталий просил ее что-нибудь передать или сообщить другу. Владимир Андреевич представлял эту женщину непременно полной, с улыбочивыми глазами, с пышными волосами...

Странное чувство уязвленности, даже обиды было при этом

у Мережникова: словно друга пригласила на вальс красавица, а вот сам он стоит у стенки, никому не нужный, никому не интересный, всеми забытый.

«Охота способствует карьере»... Что она хотела этим сказать?

5.

Надпись со стеклянного колечка Владимир Андреевич скопировал на обрывок бумаги, сунул под стекло на столе. Там у него лежало множество всяких бумажек со случайными записями. Владимир Андреевич любил выудить откуда-нибудь из архивного моря свидетельство вроде: «В полунощную сторону пожня Погорелка, а межахъ она з глубника с сенокосами... с полунощника межа той пожни Погорелки лыва и в ней лесъ», - выписывал на клочок бумаги, сохраняя начертания старых букв, и совал под стекло без всякой определенной цели. Подобная записка странным образом волновала и радовала сердце. В самом деле, где она ныне, эта пожня Погорелка, что с полунощной стороны? Какой трактор ее пашет? Или легло по ней асфальтовое шоссе? Или заросла она лесом, да и не в первый раз? И небось так же дует над той пожней глубник - теплый ветер.

«Бонякъ же разделися на полкы и сбиша угры в мяч яко соколь галице сбиваетъ и побегоша угре...». Это старый знакомый Мережникова половецкий хан Боняк, волчий полководец. Как образно и точно написал о нем летописец! Поистине талантливый военачальник этот хан Боняк! Окружил, сбил в кучу полки угров, и те в панике бежали.

Одна из последних бумажек, подсунутых под стекло недавно, мозолила и бередила глаза и служила ему, Мережникову, укором: «Арабский писатель Аль-Хаддаси пишет, что русы появились на Каспийском море в 780 году на ста судах по сотне воинов в каждом. Князем у них - Доброслав». Весть эта дошла до Мережникова через три перевода - с арабского на греческий, с греческого на немецкий и с немецкого на русский. Кто этот князь? Какого рода? Откуда вдруг приплыла на Каспий русская рать чис-

лом в десять тысяч человек? Ничего этого он не знал. Печально, печально... Возможно, Аль-Хаддаси преувеличивает, возможно; однако факт появления русов на Каспийском море замечателен. Где, в какие розыски пуститься, чтоб выудить из океана забвения деяния князя Доброслава и его дружины?

Он рылся в приходо-расходных книгах и описаниях церквей, в кабальных записях городов и текстах посольских наказов, в приказных грамотах и во врачебниках, в прениях вероотступников и праведных богоборцев, в протоколах допросов и в текстах берестяных грамот, в житиях епископов и юродивых и отчетах царских воевод...

Он погружался в некую пучину времени, и нынешний мир отступал от него; в ушах звучали голоса плачущих и ликующих, поверженных и вознесенных, довольных и страждущих. Летописцы, паломники, князья, полоняники, монахи, волхвы, бояре, мирные жители новгородских концов, воины, купцы, ярыги - все толпились вокруг него, и каждый имел свой голос.

- От каменного удара ребро переломлено, и в том месте нарос пузырь великой и от того вздохнуть не дает...

- Испортили жену его и до ныне кричит и бьет ее об землю...

- Придете благочестия любители и целомудрия рачители, чистоте же убо и премудрости взыскатели...

- Ответчик Гришка выслушал челобитную, в ответе сказал: не бивал я того Софронка и не бранивал, дело-де он, Софронко, заминает, клеплет, а мне де на него, Софронка, самому, государь, бити челом в бране...

Припаду я ко могилушке,
Я послушаю, несчастная,
Ночь не стонет ли сыра земля...

- Полюби мя...

6.

- А тот Григорей выкрал бочюрку винную дубовую, полтора ведра, да две бочюрки галинные дубовые, - проговорил он, входя.
- Здравствуйте!

Эту комнату, заставленную тесно столами, стеллажами, шкафами, сами хозяйки ее называли бабьим царством, хотя заходили сюда, а подчас и работали, не одни только женщины. Мережников пользовался здесь справочными данными, которые подбирал для него сам заведующий Григорий Павлович, имевший составную фамилию - Часовников-Сушко. За рядом стеллажей - низенькая, как раз по макушку, дверь в «закуточек», где сидел этот тихий и кропотливо работающий человек, сухонький, седенький, но с удивительно черными живыми глазами.

- А тот Григорей... - заговорщицки улыбаясь, повторил Владимир Андреевич и направился прямо к двери.

С хозяином закуточка они были приятели. Тот жил одиноко: жена померла, дочки разъехались - и отношениями с Мережниковым очень дорожил.

- А Григорь Павлыча нету, - предупредила поспешно Вера Станиславовна.

- Куда же вы его дели?

- В отпуск ушел.

- Разве ему полагается отпуск? - удивился Мережников. - За что? А главное, зачем! Он занеможет от безделья, занедужит и захворает.

Перед его приходом женщины были заняты скучным разговором и скучным делом, а теперь отложили в сторону свои занятия, заулыбались, приготовились к своеобразному развлечению, каковым был для них приход всякого постороннего человека, а Владимира Андреевича - в особенности.

- Что вам наш повелитель Григорий Павлович! Побудьте с нами. Али мы хуже?

Женщины знали: если Мережников рассеян и озабочен, то лучше с ним и не заговаривать, толку не будет - он просто не

услышит или ответит невпопад. Но иногда, вот как сегодня, он бывал совсем иным: и смешлив, и разговорчив, и даже глуповат - такой он им и нравился.

- Почему вчера не зашли, и позавчера, и третьево дни? - допрашивали его.

- Не гневайтесь, ваши величества.

- Мы так ждали!

- Не велите казнить, велите слово молвить.

- Молвите.

- Занят был.

- Чем же это?

- Расследовал преступление некоего Григороя, который украл две бочюрки еще в пятнадцатом веке. Думаю, не он ли? - кивок в сторону закуточка.

Тоне Митрофановой много не надо: она уже киснет от смеха. А вот Веру Станиславовну рассмешить трудно.

- Подозреваете? - спросила она деловито. - Грех...

- А как иначе? Справедливость должна восторжествовать? Должна. Даже через полтысячи лет. Ишь, почуял опасность и ушел в отпуск. Ничего, я его достигну, разоблачу. Он предстанет перед нами в своем истинном обличье, злодей...

- Вечно вы расследуете какие-то страсти-мордасти тысяче-летней давности, - проворчала Валентина.

Она всегда сумрачна и одеваться любит в темные тона, во что-нибудь вязаное, что не всегда сидит на ней хорошо. В самые веселые минуты, когда все хохочут, Валентина только усмехнется да, дивясь, покачает головой. Она и шутит с тем же сумрачным видом.

По образованию Валентина агроном, но ни в каком колхозе или совхозе не работала и недели, разве что, пока училась, так посылали на практику! А теперь вот мирно подшивает и нумерует документы, складывает в папочки, поглядывает в окно на ветки ближнего клена, за которым видны подстриженные кусты. Фамилия у нее очень славная - Ранимова.

- В прошлый раз рассказывали про то, как во Смоленске

явился волк гол, шерсти не было на нем, а людей ел. Это подумать только! Дрожь берет.

- Что делать! Вся история состоит из несчастий, - серьезно заметил Владимир Андреевич. - Войны, землетрясения, моровые поветрия, голод, наводнения, распятия на кресте, сожжения на костре... В общем-то не очень веселая эта наука, Валентина! А я ею как раз занимаюсь.

- А я вот когда свою собственную историю вспоминаю - детство, девичество, - мне и светло, и радостно. Никакого горя словно и не бывало! Почему же история всего народа невесела?

- Это уж слишком серьезный разговор, - вмешалась Тоня Митрофанова. - Его нам только и не хватало! Вы сейчас затеете, как в прошлый раз. Давайте поболтаем просто так. И про страшное можно, я страшное люблю. Чем ужасней, тем лучше.

- Волком же страшно всю ночь выошим... - скороговоркой произнес Мережников, - и враны грающе и кричаще, и орлы клекочуще страшно зело всю ночь...

- Вот-вот... вам от этого весело, а я всю ночь не спала - голый волк снился, - ворчала Валентина.

- Да полно, волк ли то был! - усомнилась Вера Станиславовна, и в бабьем царстве сразу стало веселее.

Пожалуй, самой приметной женщиной здесь была Вера Станиславовна - этакая матрона, неторопливая, любящая сказать: «Да у меня уж внуки скоро!», - хотя лет ей не так много, небось не более тридцати пяти. К ней то и дело приходят сюда то дочка - девушка лет шестнадцати, то один из сыновей-школьников.

На Веру Станиславовну приятно смотреть - спокойное доброе лицо, которое, казалось, совсем не способно выражать гнев или злобу - только улыбку; удивительно белые, пухлые руки, явно предназначенные стряпать, пеленать младенцев, вязать курточки и носочки; доброжелательный взгляд - Вера Станиславовна и на взрослых глядела снисходительно, как на детей. Вся она - олицетворение благополучного материнства, мирного домашнего счастья. И еще одну способность знал за ней Мережников: любое происшествие она готова была истолковать в благоприятном

духе. Роль ее в этом женском коллективе, надо полагать, умиротворяющая.

Григорий Павлович - давний страдалец от их обсуждений, о которых сам он, кстати, был прекрасно осведомлен - в закуточке все слышно. Если уж насмешки над ним принимали особо острый характер, он выходил оттуда, довольно улыбаясь и потирая руки: «Злословие, дети мои, есть худший из пороков». Ему приятно было всякое внимание, обращенное на него, лишь бы вообще не забыли!

- Вы хоть его навещаете? - спросил Мережников.

- Эх! Был бы он лет на пятьдесят помоложе! - бесцеремонно заявила Валентина.

Тоня так и фыркнула.

- Навещаем, навещаем, - поспешила Вера Станиславовна, увидев огорчение гостя. - Вчера Валя ходила: пол мыла, блинов напекла, приласкала.

- Вы его не забывайте. Как-никак он ведь голубых кровей. Его мама - потомственная тульская дворянка, бабушка воспитывалась в Смольном, а дед в русско-турецкую был генералом, орден получил.

- «Знак Почета»?

- Точно не знаю. Вроде бы Андрея Первозванного - это очень важный орден. Вы должны обращаться с Григорием Павловичем весьма и весьма почтительно. Сидит он тут у вас еще с пятнадцатого века - бессмертный человек, не ведающий покоя во трудах своих.

- Мы вообще старичков любим и уважаем, - сказала Валентина. - Помним, что каждый старичок был когда-то мужчиной.

Тоня упала головой на стол, худенькие плечи ее вздрагивали.

- Не всегда же Григорий Павлович был такой смиренный, - поддержала игру Вера Станиславовна. - Он иногда нет-нет да и вспомнит: были, мол, когда-то и мы рысаками! На ладошки поплюет и шевелюру пригладит. Она у него куда как густа!

- Тихий-тихий, а вот завел же себе гарем, - Мережников решил постоять за честь дворянского сына Часовникова-Сушко. -

Должно быть, это и есть причина его долголетия и трудоусердия, а?

- Кто гарем? Мы? - пылко возмутилась Тоня, тотчас переставшая смеяться. - Да он у нас в услужении, как этот... гномик у лесных русалок. Как мы повелим, так он и...

- Ага... «гномик» и «в услужении», очень мило. Я ему передам. Считайте, что прогрессивки у вас нет.

Разговор продолжался в этом же роде, то и дело прерываемый смехом. Но что-то беспокоило Мережникова, чего он сам не осознал сразу. Потом понял: один из столов занимала незнакомая ему женщина с фигурным гребнем в густых волосах. Она смотрела на него, как ему показалось, изумленно: серьезный, мол, человек, а гордит такие глупости! Хоть бы она ушла, что ли...

- Говорят, вашему директору хотят дать орден, - сказала Вера Станиславовна. - То ли «Знак Почета», то ли, бери выше, Трудового Красного Знамени.

- Андрея Первозванного, - подсказала Валентина.

- Мне об этом не докладывали, - Мережников состроил недоуменную гримасу. - Странно, почему не доложили! А откуда у вас такие сведения?

- От человека, заслуживающего доверия.

Наградной лист и прочие необходимые документы на Балина Мережников готовил сам, и сам отнес все это в обком партии, сказал, где надо, необходимые похвальные слова о своем директоре, но на какую конкретно награду может претендовать Балин - этого Мережников не знал.

- Несомненно, Алексей Викторович достоин ордена.

- А вы? - хихикнула Тоня.

- Мой юбилей еще далеко! Я до своего пятидесятилетия столько раз согрешу, что и похвальной грамоты не за что будет дать, не говоря уж об ордене.

- Не скромничайте, - сказала Вера Станиславовна. - Эта скромность уже от вашей гордости. Грех.

- Ой, у вас колечко! - заметила Тоня. - Какое славное! Что это - нефрит?

Мережников глянул на кольцо и прикрыл его ладонью.

- Дареное? - хитренько, как только она это умела, спросила Тоня.

- Дарёное.

- От женщины?

- Возможно.

- Она вас очень любит?

- Я в эти игрушки не играю, Тоня Хитровановна! - шутиливо рассердился Владимир Андреевич. - Я очень серьезный человек, почтенный отец семейства и даже депутат горсовета.

- А колечко-то откуда?

- Не скажу.

- По-моему, это нефрит. Только почему он розовый?

У Тони три передних зуба золотые. Пожалуй, именно они придают ее остренькому личику беличье выражение. Сама она вся худенькая, маленькая, с жидким пучком льняных волос - почти девочка. А вот мужа нашла себе крупного, широколицего здоровяка - он шофер городского автобуса, и Мережников часто видел Тоню стоящей на остановке возле центрального телеграфа: Тоня не хочет ехать на «чужом» автобусе, ждет «своего».

- Дайте посмотреть, - сказала женщина с гребнем в волосах, вставая из-за стола. - Меня тоже заинтересовало ваше кольцо.

7.

Она была в той поре, когда во всем облике здоровой и еще цветущей женщины уже заметна некоторая усталость, даже блеклость: и навсегда осевшие морщинки у глаз, и тяжеловат подбородок, и - увы! - не так легка походка. Однако губы румяны, и румяны щеки, и глаза горят молодым, живым огнем - еще не осень, разве что преддверие золотой осени.

Она проработала здесь всего неделю и за этот срок примирилась с мыслью, что вот так и будет приходиться сюда и вместе с этими женщинами, которые были ей вовсе не интересны, заниматься скучным делом день за днем, месяц за месяцем. Обычная

конторская работа, без особых треволнений; ничего примечательного или занимательного случиться здесь не может - так, ничтожные разговоры, мелкая суета, и не более.

И вдруг вошел он...

Потом уже, перебирая мысленно, как это случилось, она вспомнила все до мелочей. А было так: пришла очередная инструкция из министерства, Людмила Романовна не без усилия вчитывалась в отпечатанный на ротаторе текст и тут услышала тихий всхлип входной двери и незнакомый голос, весело и уверенно выговаривавший непонятные слова; голос заставил ее тотчас глянуть на входившего. «Здравствуйте!» - произнес он, обращаясь ко всем сразу, и Людмила Романовна почти машинально ответила ему.

Словно будоражащий ветерок ворвался вдруг в бабье царство и опахнул всех, прошелестел и замер в напряжении. Толстая Вера откинулась корпусом на спинку стула, одергивая платье на груди и на коленях, хмурая Валентина озабоченно поправила волосы, Тоня встрепенулась вся и тоже заохорашивалась - все это, запечатленное вторым зрением, Людмила Романовна вспомнила уже потом, а в ту минуту еще не сознавала, что к чему, и только одно поняла: случилось что-то радостное, праздничное, и это «что-то» связано с только что вошедшим человеком.

«Кто это? Кто это?» - изумленно и обрадованно забеспокоилась Людмила Романовна, спрашивая глазами у женщин.

«Мережников», - одними губами подсказала Тоня, но это ничего не объяснило ей.

Голос его как бы наполнил эту комнату - несколько странный голос, словно бы недооформившийся баритон, чуть-чуть хрипловатый, мягкий. «Не уходи», - мысленно попросила она, когда Мережников направился было в кабинет заведующего. И он остановился, продолжая веселые препирательства с женщинами. Довольно высокий, с оживленным, почти юношеским лицом, веселый, но несколько скованный и неловкий в жестах и в шутках, он напомнил вдруг ей кого-то очень знакомого, очень близкого; впрочем, это было конечно же первое и ошибочное впечатление

- ни на кого он не похож! Никогда ей не встречался человек, похожий на него даже отдаленно.

Ей приятно было услышать его имя - Владимир Андреевич - и приятно видеть смущение, которое он постарался скрыть, когда встретил ее взгляд.

Он явно был здесь своим человеком, а вернее, желанным гостем: расхаживал по комнате и шутил, шутил...

Всем своим обликом, манерой разговаривать, улыбаться, откидывать рукой непослушные волосы он сразу располагал к себе, хотя при всем этом держался все-таки отстраненно, немного холодно. Эта своеобразная сдержанность, которую сам он не мог превозмочь, особенно понравилась ей.

«Очень милый, - подумала Людмила Романовна. - Очень милый и скромный, и... необыкновенный!»

Одет он был добротнo, опрятно, хотя и несколько небрежно: из пиджачного кармана слишком высовывалась авторучка и узел галстука чуть съехал, так что над ним выглядывала пуговица рубашки. Людмила Романовна вдруг почувствовала прилив нежности к нему, захотелось подойти, поправить галстук, смахнуть невидимые пылинки, близко заглянуть в глаза.

Она выросла в интеллигентной семье, совсем недавно была замужем, и друзья ее отца, а потом и мужа были людьми определенного круга - врачи, преподаватели, офицеры - и потому она умела оценить, насколько хорошо с точки зрения моды или вкуса одет гость и насколько он образован, воспитан, деликатен. Она тотчас решила, что Мережников женат не очень-то удачно, что он «попал в плохие руки». Кто у него жена? Небось старательна, а бестолкова: рубашку мужу и постирает, и погладит, а посоветовать, какой надеть галстук, не может. Чаще всего таким вот мужьям попадают жены недалекие, простенькие, каковых она называла «серенькими курочками».

Обитательницы бабьего царства впереводную говорили с ним, и это им он улыбался, с ними вместе смеялся, а ей это было не то чтобы тягостно, а - досадно.

«Хочу, чтобы был мой, - сказал кто-то в ней самой и тре-

бовательно, и просяще. - Пусть со мной говорит, со мной».

Ревнивое чувство толкнуло ее встать и сказать: «Дайте посмотреть... Меня тоже заинтересовало ваше колечко». Надо было непременно преодолеть некое пространство, отдалявшее ее от круга беседующих, круга, в котором были они, давние знакомые, а она, Людмила Романовна, все еще чувствовала себя отчужденной; надо было разорвать их хоровод вокруг гостя и вступить в него самой.

А он тоже бессознательно выделил ее среди женщин, находившихся в комнате. Невольно отметил красивые руки, обнаженные до плеч, и живые глаза, и ее слегка располневшее тело, отнюдь не утратившее своей привлекательной силы. Они едва заметно улыбнулись друг другу, и оба почувствовали, как что-то всколыхнулось у каждого из них в душе.

Хоть и мимолетно было это взаимное движение душ, однако все обитательницы бабьего царства уловили его и сразу решили, что между Людмилой Романовной и Мережниковым... «Что-то есть, что-то есть!..»

Когда он ушел, они стали подшучивать над нею. А она даже покраснела - то ли от смущения, то ли от приятного сознания, что они правы. И отнекивалась, польщенная:

- Да с чего вы взяли, господа!

- Нас не проведешь, дорогая, не проведешь!

- Да я ему в матери гожусь! Он по сравнению со мной еще мальчик.

- Ай да мальчик!

Когда же Людмила Романовна отлучилась на минуту, разговор об этом возобновился. Тоня с Валентиной замурлыкали вперемешку.

- Романовна-то наша, а?

- Уже сориентировалась. Ох, быстра!

- Ох, шустра! Приворожила кандидата...

- ...каких-то там наук.

- Исторических, каких же еще! - подсказала Вера Станиславовна.

- Да он филолог, - заспорила было Валентина.

- Какая разница! - возразила Тоня. - Важно, что кандидат, ученый. И к тому же интересный такой.

- Что, завидно вам! Такого мужика перехватила. Теперь уведет у вас из-под носа. А еще молодые! Мне бы ваши годы!

- Мужик он, конечно, неплох, - обычным своим грубоватым тоном заявила Валентина. - Даже иной раз страшно: вдруг позовет? Как тут нашей сестре быть?

- Этот не позовет, - уверенно сказала Вера Станиславовна.

- Он при науке и в игрушки не играет. Пошутить по-шутит, а на глупости - нет, не способен. При науке он, понимаете?

- И как она отважно, - сказала не без недоумения Тоня и, дивясь, покачала головой. - Подошла, за руку его взяла... Надо же так! Я б никогда не сумела.

- А полно! - возразила рассудительно Валентина. - У каждой из нас своя хватка. Просто она посмелей, вот и все.

Вера Станиславовна изрекла с непонятной улыбкой, то ли насмешливой, то ли злой:

- Нахальство - второе счастье.

8.

Встреча эта пробудила в ней самые светлые надежды. Жизнь разом обрела вдруг новый смысл; каждый день был теперь наполнен ожиданием: вот-вот появится снова Владимир Андреевич Мережников, и что-то такое произойдет, что-то вдруг случится... Сердце отзывалось сладкой молодой тревогой. Людмила Романовна очень хорошо понимала, что все это значит, а понимая, радовалась тому и хотела подтолкнуть, поторопить события. Но прошел день, второй, третий... желаемый гость в бабьем царстве не появлялся. Вот уж и неделя миновала...

«Да что это! - возмутилась Людмила Романовна. - Как провалился!»

Она ждала с каждым днем все нетерпеливей. Почему его не видно? Неужели у заместителя директора смежной организации

нет никаких дел или забот, которые привели бы его сюда? Или наоборот - слишком много дел, так что он не может улучшить и полчаса? Говорят, раньше заходил чаще, а теперь глаз не кажет. Что все это значит?

Она досадовала, что не успела сказать ему того-то и того-то, что выразилась недостаточно умно, что засмеялась не к месту. Мешала Тоня, то и дело бесцеремонно вступавшая в разговор, да и другие тоже не отставали. Как жаль, что и сама она вела беседу не лучшим образом, не смогла направить ее в нужное, выгодное ей русло.

«Неужели он не придет еще долго? - спрашивала себя Людмила Романовна с нарастающей досадой и даже тревогой. - Не подстергать же мне его у подъезда! Мне, слава богу, не шестнадцать».

Однажды она увидела Мережникова издали на территории кремля: Владимир Андреевич шел стремительной походкой, и его окликнули две женщины; он остановился, потом пошел с ними столь же деловито, озабоченно. В другой раз Людмила Романовна шла мимо Дома Советов, а четверо деловитых мужчин, горячо обсуждая что-то, спускались по ступенькам парадного подъезда; она узнала среди них Владимира Андреевича в тот момент, когда все четверо садились в черную «Волгу», которая тотчас отъехала.

Ни в том, ни в другом случае он не заметил ее.

Мережников работал рядом, в соседнем здании, и, идя ли на работу, возвращаясь ли с нее, она выбирала путь таким образом, чтоб можно было попасть ему навстречу. Она чутко ловила теперь каждый слух о нем, каждую мелочь, к нему относящуюся, будь это просто рассказ о каком-нибудь незначительном событии, в котором он даже не упоминался, но которое все-таки имело какое-то отношение к нему лично или к его работе.

Иногда осторожно и с видимым равнодушием она расспрашивала о нем Веру Станиславовну, или Валентину, или Тоню. Людмиле Романовне казалось, что те не замечают ее интереса к Мережникову, а от чутких соседок не ускользало ничего.

- У меня подруга влюбилась в женатого мужчину, - с невин-

ным видом заявила однажды хитрющая Тоня Митрофанова. - И вот теперь...

- Раскидывает на него паутинку, - с серьезным выражением лица закончила Вера Станиславовна.

- Ага... Интересно, как у них дальше будет, - мурлыкала «Хитровановна».

Валентина усмехалась молча.

- Это вы обо мне? - изумилась Людмила Романовна такому коварству. - Да как можно! Он, конечно, очень интересен для кого угодно, да ведь не в том же смысле! Я стара для него, милые граждане! Мережников совсем еще молодой человек. Он может увлечься моей дочерью - ей девятнадцать, но не мною. Господи, выдумаете тоже! Ах, Тоня! Вот уж справедливо величал вас Хитровановной Владимир Андреич. Я от вас не ожидала.

Отпиралась с жаром, с возмущением и сама чувствовала, что даже отпираться ей приятно. Ведь речь шла о нем!

Кое-как свела дело к шутке, но больше уж с ними о Мережникове не заговаривала. Надо было искать какие-то иные пути, чтоб узнать о нем хоть что-нибудь. Лучше всего через его сослуживцев.

С Алексеем Викторовичем Балиным она была немного знакома: когда переехала в Новгород, Злата, двоюродная сестра, посоветовала поступить на работу именно в его учреждение, откуда только что уволилась сотрудница. Разговор с Балиным тогда ничего не дал: место уже оказалось занято. Да Людмила Романовна и не огорчилась: не понравился ей директор - слишком официален, слишком высокомерен, словно бог вещь какой пост занимает! Хуже нет работать под руководством человека, который тебе не по душе; во второй раз она к Балину не пошла, хотя тот обещал о чем-то «подумать». Если б тогда она встретила Мережникова!.. Теперь вот на его сослуживцев поглядывала с завистью: они каждый день видят Владимира Андреевича, разговаривают с ним, делают для него какую-то работу.

Хождение одной дорогой с ними привело к тому, что однажды ей повезло: по пути в столовую Дома Советов, куда все ходи-

ли обедать, Людмила Романовна познакомилась с молодой, модно одетой женщиной - ее звали Зоей, и работала она секретаршей у Балина. Людмила Романовна теперь, собираясь в столовую, звонила Зое, и они шли вместе, садились за один столик, вместе возвращались. Зоя знала все и была к тому же разговорчива; можно ни о чем не спрашивать, сама все расскажет: где заместитель директора Мережников, чем занят, что о нем говорят, что сам он сказал, кто ему звонил или заходил в его кабинет, откуда получает письма... Зоя чутко улавливала юмористическую сторону любого происшествия и рассказывала, должно быть, присочиняя на ходу, с удовольствием хохоча.

Балин появился в одном из своих отделов, сказал что-то резкое сотрудникам и тотчас вышел, хлопнув дверью. Владимир Андреевич, оказавшийся тому свидетелем, прокомментировал будто бы так:

- И гнев божий бысть: приидоша половцы и победиша русьскую землю...

Вчера Зоя принесла начальству «в целях подхалимажа», как она выразилась, по букетику луговых ромашек. Балин цветов не заметил, в конце дня секретарша нашла в вазочке окурки сигареты - директор был чем-то явно расстроен. А Мережников сделал ей вежливый выговор: «Время бездумного собирания цветов ушло в прошлое, Зоя Павловна! Нынче за это надо штраф налагать!» Дальше он произнес какую-то мудреную фразу со словами «экологическая среда», - ее Зоя не запомнила.

Анекдот, рассказанный Мережниковым в комнате инструкторов: змея просит черепаху перевезти через реку, а та отказывается: «Ведь ты меня ужалишь!» Змея обещает не жалить. Доверчивая черепаха перевозит змею, и та ее все-таки кусает. «Ведь ты обещала не жалить!» - упрекает умирающая черепаха. «А вот такая уж я подлая...».

Некая женщина несколько дней назад принесла Мережникову подарок, но, не дождавшись Владимира Андреевича, оставила сверток у Зои и ушла. Мережников, как показалось секретарше, смутился, когда она принесла ему сверток.

- Что-то тут не то, - смеясь, говорила Зоя. - Что-то тут не так. Уж я докопаюсь.

Последнее сообщение особенно заинтересовало Людмилу Романовну: что за женщина? Какой подарок? По описанию Зои это же... Сегодня, сейчас, немедленно - позвонить сестре и спросить.

9.

- Мы с мужем разошлись два года назад, - размышляюще говорила Людмила Романовна. - Но, знаете... Наше расставание произошло гораздо раньше.

- Долго порознь жили? - у Тони на лице сострадательное бабье участие и чисто девичье любопытство.

- Почему же. Даже спали вместе! А все равно врозь.

- Разве так бывает?

- Всякое бывает в жизни, Тонечка!

- Пил, что ли? - бесцеремонно спросила Валентина.

Людмила Романовна снисходительно улыбнулась ей:

- Нет. Он ведь военный, у них с этим строго. Да и не в том дело. Просто не склонен. Выпить выпьет немного, но не напьется, нет.

- Значит, гулял.

- Что вы! Да он меня, как говорится, на руках носил. Я для него была... Идеал, да и только. Уж так нравилось ему, что вот женушка у него всегда сидит дома, хранит, так сказать, семейный очаг, с дочкой нянчится. Когда он ни придет - в квартире уют и чистота, обед сготовлен. Он это очень любил. Ласковый был, добрый. Одевал меня, как куклу... Да что там говорить!..

- Такого мужика бросать грех, - строго сказала Валентина. - Как же это вы?

- А я себя чувствовала, как рыбка в аквариуме... Или белочка в клеточке. И - забастовала! Заявила ему: не хочу быть ни белочкой, ни рыбешкой! Жить хочу!.. Пошла работать - такой общественницей стала! Друзей завела - такие у нас домашние вечера

были! То у меня, то у подруги. Приглашали интересных гостей - артистов, литераторов. Прямо-таки великосветский салон, ей-богу! И ездила куда хотела и когда хотела. Вот так.

- Из-за этого и разошлись? - осведомилась Вера Станиславовна, не скрывая иронии. - Из-за того, что вам захотелось пойти на работу?

Людмила Романовна, поколебавшись, призналась грустно:

- Как вам объяснить... Я поняла, что не люблю мужа. В этом все дело. Супружество без любви - обыкновенное сожительство. Так я считаю.

Тоня покачала головой, мысленно примеряя такой поступок на что-то свое.

- Как же вы это поняли, дорогая моя? - спросила Вера Станиславовна.

Тоня сразу уловила что-то смешное в этом вопросе и радостно насторожилась.

- Ну, по-моему, это сразу ясно каждому.

Людмила Романовна обезоруживающе улыбнулась. Вера Станиславовна пожала плечами.

- А и в самом деле, - живо подхватила Тоня. - Как тут понять? Вот, например, люблю я своего мужа или нет? Да я его иной раз так и шарахнула бы чем-нибудь, особенно когда он выпивши. Прямо-таки ненавижу! Какая уж тут любовь! А пройдет время - и уж жалко: все-таки, думаешь, свой человек. И так по несколько раз в день: то приласкать его хочется, то ненавижу, потом опять вроде бы люблю... Прямо какой-то биологический цикл!

- То, что у вас с мужем, - привычка, вот и все, - печально и убежденно сказала Людмила Романовна. - Чего тут гадать! Не любите вы его и не знаете, что такое любовь. Так-то, Тонечка. Мне вас жаль.

Валентина смотрела на нее внимательно.

- А вы? - спросила задетая Тоня. - Вы знаете?

- А я любила! - лихо ответила Людмила Романовна. - Еще как! Без оглядки, без памяти. И ныне, хоть и прошло все, я счастлива: все-таки это было у меня! Не зря жизнь прожила...

Она развеселилась, покраснелась, и, пожалуй, только Валя, неотступно и хмуро наблюдавшая за нею, заметила в этом некоторое притворство, игру.

10.

Одна стена его домашнего кабинета была завешана листами плотной бумаги; на этой бумаге некогда он во всю стену любовно вычертил родословное древо русских князей; вычерчено было таким образом, что первый нелегандарный князь Игорь Старый поместился в кружочке под самым потолком, а слабоумный Федор Иоаннович с убиенным царевичем Димитрием, сыновья Грозного, на которых пресеклась династия Рюриковичей, выезжали на плинтус.

Каждый князь, даже если это младенец, проживший на свете всего несколько дней, удостоен был на этом древе листочка той или иной формы, на котором уместилось его полное имя и даты рождения и смерти. В зависимости от совершенных при жизни деяний и честь ему воздана Мережниковым соответственная. Самые знаменитые, вроде Мстислава Великого или Ярослава Осмомысла, достаивались большого кружка, к тому же выполненного красной тушью и потому похожего на яблоко: и имя его, и титул его, и битвы его, и имена жен с детьми - все это исполнено той праздничной красной тушью. Князья, вроде Мстислава Удалого или Святослава Сестринича, имели не кружок, а овал размером поменьше, хотя и красные буквы. Что касается Василия Косого или Владимира Старицкого, то они располагались в синих овалах без особых сообщений, только даты жизни.

Славные дела князей - красные надписи, черные дела - черные надписи; иные насосвершали столько деяний за свою жизнь, что надписи налезали одна на другую. Красным: о Владимире Васильевиче Волынском, раздавшем все свое имущество бедным; о княжне Полоцкой Предславе, переписывавшей книги, которые она затем продавала, а вырученными таким образом деньгами оделяла нищих; о Святославе Ярославиче Киевском,

который собирал книги повсюду и наполнял ими клетки; о Романе Ростиславиче Смоленском, издержавшем все свои средства на содержание учителей греческих и латинских, принуждавшем к учению в устроенных им училищах. Черным: о князьях-перебежчиках, князьях-братоубийцах, князьях-изменниках, приводивших на Русскую землю татар или половцев.

На этой стене сходились рати, восседали на отчие столы и свергались с них, совершались подвиги и подлости, устраивались пышные свадьбы и многолюдные казни - на ней творилась История. По крайней мере так в свое время казалось молодому Мережникову.

И теперь время от времени на древе появлялся новый листочек - сначала он бывал начерчен с большой осторожностью карандашом и черенок его заключал в себе знак вопроса, а потом уж любовно обводились тушью и контур овального листочка, и буквы имени, и записывались главные деяния княжеского отпрыска. В этот день хозяин кабинета испытывал явное удовлетворение.

Ныне родословное древо могло бы и не висеть на стене, оно все было в памяти Владимира Андреевича. Спроси его, кто такой Иван Коротопол, и он тотчас ответит, не глядя на свою столь любовно расписанную стену, какой земли этот князь, когда он жил и за что убил своего двоюродного брата Александра Пронского в таком-то году. А на ком женат был, скажем, тот же Василий Косой и чем отличалась от прочих его жена? А который из князей бежал к германскому императору Фридриху Барбароссе и почему? А куда и за кого выдал своих дочерей Святополк Изяславич Новгородский и что с ними было там, на чужбине?

Все это знал Мережников, как таблицу умножения. Иногда он мог назвать только имя князя, а более о нем ничего. Иногда листочек был удручающе пуст, не имел ни черенка, ни надписей и бередил, как бельмо в глазу, - человек запечатлен в Истории, а кто он, чей сын, какие вершил дела - неизвестно...

Листочки родословного древа Рюриковичей были связаны между собой разнообразными линиями: штриховыми, пунктирными, цветными, толстыми и тонкими - они обозначали связи ро-

дов и семей. Переплетение их было так сложно, что при первом взгляде казалось: оно не имеет никакой системы; потому создавалось впечатление полного хаоса - листья запутались, как мотыльки в огромной паутине.

В эту же паутину попали и ученые летописцы, вроде Софония Рязанского, и храбрые витязи, вроде монаха Пересвета, и новгородские посадники с краткими сведениями об их делах или с текстами грамот, вроде той, что послали новгородцы Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо: «Княже, кланяем ти ся, а братья свои не выдаваем».

По середине стены сверху донизу шли наиболее крупные листья - здесь располагалась та ветвь, которая дала московских князей. Кружки в красной туши следовали один за другим, и красные надписи преобладали. Рядом с ними - многочисленные князья тверские и рязанские, ярославские и суздальские...

С самого края, возле книжных полок, было много пустого места, и листочки все маленькие, большинство с одним только именем князя - ни деяний его, ни жен, ни дат рождения и смерти. То была ветвь князей полоцких, теряющаяся в неизвестности; сюда чаще всего устремлял свой пристальный взгляд Владимир Андреевич, словно на бумаге под его взглядом могло вдруг чудодейственным образом проявиться желаемое. Это белое поле на стене и донине возбуждало его любопытство. Он бывал особенно рад, если мог нарисовать именно здесь новый листочек или сделать запись, пусть даже и черным. В этот день он чувствовал себя именинником.

Родовое гнездо полоцких князей начинало расти под князем Всеславом, который пользовался на Руси известностью чародея и оборотня - «обернувшись волком, побегал он ночью от Белгорода, закутавшись в серую мглу». Князь этот, вызывавший у Мережникова особенный интерес, прожил жизнь, словно проплыл по бурной, порожистой, коварной реке; он сидел и на заветном киевском столе, сидел и узником «в порубе», знал благородство врагов и предательство друзей, жестоко карал и сам был унижен. Меж ратными походами не забыл он своего долга по про-

должению рода и оставил после себя шестерых сыновей, в свою очередь имевших многочисленное потомство. Оно разветвилось, размножилось, вросло в толщу народа и затерялось в ней.

О правнуках Всеслава Полоцкого и их детях, о связях полоцких князей с Литовским княжеством, с королевствами Польским и Венгерским, о славных городах Ерсика и Куконос Владимир Андреевич написал несколько статей еще в то время, когда был студентом, и его изыскания из времени начального дробления русских княжеств привлекли внимание маститых историков страны. Именно тогда он с великим старанием вычертил родословное древо Рюриковичей. Листы бумаги долго пылились за шкафом, но недавно Владимир Андреевич принялся перечитывать новгородскую летопись с самого начала и вновь вывесил их на стену. Здесь они очень заинтересовали его семилетнюю дочь.

11.

Мережников любил свой домашний кабинет - это была небольшая комната, казавшаяся тесной прежде всего из-за обилия книг: они занимали самодельные полки по стенам, стояли и лежали на полу, на этажерке, на столике торшера, на полочке для цветов, в книжном шкафу и на книжном шкафу до потолка, на столе, на стульях... Если бы их посылить было класть на потолок, можно не сомневаться, они лежали бы и там. Книги на полках стояли разномастным строем, как ополченцы, поднятые по тревоге и выстроенные на сборном пункте отнюдь не для парада - ни по одежке, ни по росту, ни по своей внутренней сути они не подходили друг к другу, хотя и имели общее предназначение.

Письменный стол Мережникову сделали по спецзаказу и по его собственному проекту на местном мебельном комбинате - стол являл собой солидное сооружение с ящичками и ящиками, нишами и полочками. На раздвижной столешнице лежали опять-таки книги и листы рукописей, и мерезжниковских, и старинных, свежие журналы, всяческие потрепанные папки, подшивки, ценные фотографии и пустяковые безделушки...

Хозяин любил свой кабинет прежде всего за то, что стоило ему войти сюда, сесть в это кресло возле стола и - все под рукой: хочешь - читай, хочешь - пиши. Можно встать и походить в раздумье взад-вперед, вальнуться потом на диван, а здесь, не вставая, протяни руку - и достанешь с полки то, к чему душа лежит: неумело переплетенную книгу со скорописью семнадцатого века или сувенирный томик стихов, изданный совсем недавно; и если опустить руку, то так же не глядя, наугад вытащишь из-под дивана то, чем увлечен был вчера на сон грядущий - опять-таки книгу или рукопись, размышляючи о которой и заснул поздно ночью; и так же механически, не отвлекаясь на поиски, можно достать блокнот с карандашом, чтоб записать что-либо. Посидев за столом, он брал настольную лампу с длинным шнуром и устраивался прямо на полу в углу кабинета, и читал, и листал, и делал выписки - рабочей плоскости стола явно не хватало, а работать, сидя на полу, Мережникову даже нравилось, чем он немало смешил свою жену Любовь Ивановну.

Все в его кабинете знало свое место и свою роль - и книга, и прочая вещь. Хотя, на первый взгляд, как и в чертеже родословия, - полный хаос, беспорядок. Что ж, может быть, неискушенному посетителю театра покажется, что и музыканты в оркестровой яме сидят вольно, кто где желает, тогда как это не более как его заблуждение. Подобно музыкантам единого оркестра расположились и книги, и вещи в кабинете Мережникова.

Едва вступив сюда, он, как всегда, ощутил привычное нетерпеливое чувство, какое бывает, наверно, у охотника, выходящего с ружьем в поле или в лес, у полководца, начинающего битву, у дирижера, поднимающего руку с палочкой перед началом симфонии... Он глубоко вздохнул, оглянулся, придвинул к себе огромный фолиант новгородской летописи.

Чувства воодушевления, азарта, своеобразной жадности полностью владели им. Ни возня дочери в соседней комнате, ни хлопоты жены на кухне - обе по случаю выходного дня были дома - не отвлекали его; Владимир Андреевич их попросту не слышал.

Время от времени хозяин кабинета в изнеможении отстра-

нялся от работы, не сразу приходил в себя, в удивлении замечал и этот стол, за которым сидел, и живые голоса за дверью, и мирный шум живых кленов за окном - все было так несовместимо и дико рядом с тем, что только что окружало и наполняло его.

Он вживался в прошлое, погружая себя в пучину времени, и «тот» мир властно держал его, не отпуская. От телефонного звонка Мережников вздрагивал и некоторое время тупо смотрел на оживший аппарат, не в силах осознать причинную связь этого явления с чем-либо. Если жена заглядывала в кабинет и спрашивала что-нибудь (а это случалось довольно редко), Мережников не сразу мог уразуметь, что именно ему говорят, и некоторое время смотрел на нее отсутствующим взглядом. Любовь Ивановна усмехалась и, махнув рукой, исчезала.

Вот эту свою способность удаляться от сегодняшнего течения времени и отступать назад, что означало в глубь себя, знал за собой Мережников и даже немножко побаивался ее, то есть понимал ее с некоторым страхом: не принесла бы беды.

Он свободно перемещался в пространстве истории с Гостомысловых времен до первых царей московских, но ему трудно было преодолеть барьер пяти веков от берестяных посланий «от Гостяты от Васильви» до нынешнего дня. И если он был «там», вернуться «сюда» уже не мог во мгновение ока.

12.

Дочь Джуля вошла к нему, словно подкрадываясь и с опаской: то ли можно, то ли нельзя; но встретив взгляд отца, приободрилась и, как обычно, стала разглядывать висевшее на стене княжеское родословие. Потом забралась на стул, ткнула пальчиком в первый попавшийся «листочек», попросила:

- Расскажи мне вот про этого князя.
- Это не князь.
- А кто?
- Княжна.
- А-а, потому что зелененькая.
- Наоборот: зелененькая, потому-то княжна.

- Княжна - это кто?
- Дочь князя.
- Как я у тебя?
- Совершенно верно. Только я не князь.
- Почему?
- Да так уж, не родился князем, да и все.

Тут было что-то загадочное, но Джуля решила выяснить это потом.

- Расскажи мне про княжну.

- Ты ее запомни, - оживился Мережников, радуясь, что палец Джули уперся в такой привлекательный зеленый листочек на древе. - Это очень замечательная особа. Видишь ли, вот у этого князя Ярослава Всеволодовича было много сыновей: старший Федор, потом Александр. Вот они. Александр в красном большом кружке - потому что это был большой человек, великий полководец Александр Невский.

- Я знаю, - нетерпеливо перебила Джуля. - Про него ты рассказывал в прошлый раз.

- Ну вот, а его брат Федор - в маленьком листочке. Это потому что старший не успел ничего совершить за свою жизнь - ему было шестнадцать лет, когда он умер. Неизвестно почему. Умер как раз накануне свадьбы, а невестой его была черниговская княжна.

- Наверно, он простудился, - предположила Джуля.

- Возможно. Федора Ярославича похоронили в нашем Юрьевом монастыре, как раз под полом Георгиевского собора.

- Мы там были! Почему ты мне не сказал тогда?

- Я тебе сказал, но ты не слушала, смотрела по сторонам.

- Он и сейчас там лежит?

- Ну... это было очень давно. Так давно, что...

- А невеста? Вышла потом замуж за кого?

- В том-то и дело, что она ни за кого уж не пошла. Она так любила Федора, своего жениха, что сохранила верность ему: постриглась в монахини, потом стала игуменьей монастыря...

- Игуменьей - это как?

- Главной монахиней, значит.

- Директором, - подсказала Джуля. - Или заведующей, как в детском садике.

- Пусть так, дело не в этом. Главное другое: всю жизнь она посвятила добрым делам: оделяла нищих, помогала бедным, лечила больных...

- Она была и доктором?

- Нет, но это была очень образованная девушка, знавшая несколько языков! Она жила в монастырской келье, читала древних авторов, переводила их книги с греческого и латинского на русский язык. В летописи сказано так: «Она познала все книги Вирглийскы и витийски, была сведуща в книгах Аскилоповых и Галиновых, Аристотелевых и Омировых и Платоновых». Ты понимаешь? Была поклонницей античной литературы: читала Аристотеля, Гомера, Вергилия, Платона... А еще знаменитого медика Галена... Видишь, какая это была просвещенная девушка!

- Ей надо было найти другого жениха, - со вздохом сказала Джуля.

- Зачем?

- Все так делают.

В наступившей паузе Владимир Андреевич изучающе смотрел на дочь: откуда у нее такие сведения?

- Скучно одной, - пояснила Джуля. - Вдвоем лучше.

- Видишь ли, иногда невозможно это.

- Почему? Разве не хватало женихов?

- Нет. Женихов было достаточно. Она ведь все-таки княжна.

- Тогда почему она не вышла замуж?

- Любила Федора и никого другого любить не могла.

- Это который умер? - уточнила Джуля.

- Да. Она его очень любила. А когда очень любят одного, то никого больше любить не могут - так уж устроен человек. И тут уж ничего нельзя сделать. Понимаешь?

Дочь двигала бровками, размышляя, разглядывала зелененький листочек.

- Как ее звали?

- Евфросинья. Евфросинья Михайловна.

- А маленькую?

- Фрося. Ее отец был также замечательный человек, твердый, мужественный. Он умер мученической смертью в Орде, потому что не отступил от своей веры, не поклонился ордынским идолам. Он знал, что его за это казнят, и все-таки не поклонился. За это черниговского князя прозвали потом Святым. Вот какой отец был у Евфросиньи, невесты Федора. А дед ее - Всеволод Чермный, великий князь киевский...

- Все-таки зря она ушла в монастырь, - вздохнула Джуля, прерывая увлекшегося отца. - Там скучно. Лучше вышла бы замуж.

- Зачем? - начал уже сердиться Владимир Андреевич.

- Были бы дети, - рассудительно отвечала семилетняя дочь.

- Но она любила Федора Ярославича!

- Я и говорю: жалко.

- Ты считаешь, что дети - это главное? - спросил совершенно обескураженный отец.

- А что?

- Любовь! Это она подвигает человека на добрые дела! На великие дела! Это она сделала обезьяну человеком, а человек - вершинное творение природы. Таким образом любовь сама по себе есть божество. Понимаешь? А у нее, между прочим, есть непременная спутница - верность. Прекрасное человеческое качество! И княжна Евфросинья достойна самых высоких похвал. А ты говоришь: жалко...

В кабинет вступила жена:

- Боже мой, как пылко, как пламенно! Джульетта, марш в свою комнату.

Джуля молча слезла со стула и пошла к двери.

- Постой! Зачем, куда ты ее гонишь? У нас очень интересный разговор. Джуля, оставайся.

- Нет, я пойду подумаю, - сказала та и удалилась, не оборачиваясь.

Уж так серьезно сказала - в самом деле пошла размышлять.

- Ты считаешь уместным вести с ребенком такие беседы? - спросила Любовь Ивановна. - О супружеской верности, о пламенной любви, о причинах рождения детей... Да?

- Почему бы и нет?

- Да еще столь взволнованно! С таким душевным подъемом! Любовь Ивановна иронически улыбалась.

- Ты считаешь это непристойным? - осведомился в свою очередь Владимир Андреевич, несколько задетый.

- Я считаю это непедагогичным.

- Понятие педагогичности весьма расплывчато, - возразил муж. - Мы с дочерью толковали о прекрасных вещах. Что может быть педагогичнее!

- И как следствие такого отцовского воспитания, семилетняя дочь уже теперь собирается замуж. Я сегодня спросила у нее: хочется ли ей в школу. Она отвергла категорически: нет. Я удивилась: а чего тебе хочется? Знаешь, что она ответила? Джульетта сказала: хочу замуж, чтоб у меня были свои дети, чтоб их было много, как в садике...

- Это прекрасно! - засмеялся Владимир Андреевич.

- Ты обрати внимание, в какие игры она играет: не рисует, не строит, не бегает с подружками - она или наряжается невестой, или занята куклами: баюкает, кормит, водит на прогулки, укладывает спать, лечит от болезней... Самые, заметь, примитивные занятия. Игры эти не несут ей познания, не развивают ее.

- Ты ошибаешься. Джульетта наша будет очень женственна и в этом смысле совершенна, как и подобает тому быть. В ней ярко выражен материнский инстинкт, стремление к покровительству над маленькими - этому следует только радоваться.

- Но ведь она не просто заявляет: хочу, мол, иметь ребеночка. Она говорит: хочу замуж! Значит, имеет в виду нечто большее - это-то и удивительно! Тут не один материнский инстинкт. Вот я и думаю, не твое ли это воспитание. Отсюда и нынешняя ваша беседа...

- Ну, если в ней заложена, запрограммирована, так сказать, способность к пылкой любви - это тоже неплохо и само по себе уже талант, - рассудительно и довольно рассеянно заключил муж.

- Судьба каждого из нас записана на небесах - это уже доказано наукой, имя которой генетика.

- Володя, - укоризненно, с нажимом проговорила Любовь Ивановна, - ты у меня... слова не найду. Иногда смотрю на тебя с грустью и, признаться, с недоумением. То ли я не по возрасту стара, то ли ты не по возрасту молод. Признаюсь честно: меня как-то всякие эти любовные соображения очень мало трогают. А в тебе они живы.

- Увы, это не так, - возразил он с кривой улыбкой. - Ты преувеличиваешь.

- Что за странные порывы души! - продолжала жена, не слушая его. - Что за странное рассуждение! Знаешь, я давно замечаю: ты немного беспокоен, ты как будто чего-то ждешь, о чем-то сожалеешь. Что с тобой, Володя? Грустишь, тоскуешь...

- Оставь, Люба. Что ты выдумываешь! Даже если это и так, тебе следует только порадоваться: значит, муж твой действительно еще молод.

- Но это пустое, Володя! Всеу свое время, понимаешь? Время гуляний по вечерам, мечтаний и вздыханий, время пылких речей и прочая, и прочая. А теперь у нас уже все иное и сами мы иные. Было бы странно, если бы я начала чистить перышки и щебетать...

- Ничего странного. Позволь только заметить, что я не чищу перышки и не щебечу. Я занят делом и, кроме дела, не занимаюсь ничем. Тебе это известно, как никому другому. И давай закончим наш разговор.

- Не отпирайся. Мы с тобой достаточно близко друг к другу живем, а я достаточно внимательна, чтоб замечать. Мы никогда с тобой не говорили на эту тему, и я рада, что наконец объяснимся. Какой-то хмель бродит в твоей душе... или как это назвать, не знаю. Согласна, есть что-то привлекательное в том, что ты у меня сохранил этикие юношеские... заблуждения - насчет возвышенной любви как созидающей и исцеляющей силы...

- Оставь, Люба. Мне не нравится твой тон, - все больше досадуя, сказал муж. - Оставь, пожалуйста.

Жена замолчала и некоторое время смотрела, как он, хмурясь, листал летопись.

- Столь ревниво ты оберегаешь это, - заметила она и тихо засмеялась. - Не троньте - это свято!.. Так, Володя?

- Ты мне мешаешь работать.

- Оно живет в самом заветном уголке души...

- И по браце целомудренно живяста, яко златопръсистой голубь и сладкоглаголивая ластовица... - стал он читать вслух, склоняясь над летописью.

13.

Когда у Мережниковых родилась дочка, молодая мама дала ей имя, даже не посоветовавшись с ним, отцом.

- Имя сыну придумаешь ты, а дочери - я, - заявила она, еще когда они только поженились.

- Ты сначала роди, - заметил на это молодой муж, а потом горько раскаялся, что пропустил меж ушей ее заявление, не опростовал его.

Он долго был недоволен именем дочери, долго ворчал:

- Как будто нет русских имен! Арина, Елена, Катерина... Ну что бы дочка у меня была Арина Владимировна, в честь бабушки, - прекрасно! А так - Джульетта Владимировна. Ни два, ни полтора.

Однако постепенно он примирился с дочериним именем, и оно стало даже нравиться ему. И в семье, и во дворе их дома девочку Мережниковых звали Джулей. Огорчало только, что в соседнем подъезде у Светланы Мамоновой собачку-пуделя тоже звали Джулькой. Но и это огорчение тоже было относительное, потому что тезки были влюблены друг в друга и перегащивались: Джуля Мережникова ходила в соседний подъезд, белый пуделек бегал к Мережниковым. Дружба эта забавляла весь дом и целый двор, особенно потому, что девочка была убеждена, что пуделя родила Светина мама, и ее, Джулина мама, тоже должна родить пуделька, о чем и сообщалось всем и каждому.

Это рос человек хлопотливый и лопотливый. Когда она была дома, голосок ее не умолкал ни на минуту, и даже во сне она любила что-нибудь лепетать.

«Ах ты мой комочек протоплазмы!» - говаривала Любовь Ивановна, лаская Джулю. Ироническая снисходительность не покидала мать даже в эти минуты. Она как бы подшучивала над своим материнским чувством, сознавая его как некую слабость.

Мир Джули никак не совмещался с миром любого из родителей. Входя иногда в кабинет отца, она тотчас начинала оглядываться и на личике ее сразу появлялось озабоченное, серьезное выражение. Задав несколько вопросов: «А это что? А почему это?» - дочь покидала кабинет разочарованная, и через минуту можно было слышать ее голосок в других комнатах - она любила играть одна.

Девочка месяцами гостила у родителей Любви Ивановны, привыкла к ним и частенько звала деда «папой», а родного отца могла назвать «дедулей» - два эти слова были для нее синонимами. Владимир Андреевич не протестовал и не испытывал ревности по этому поводу. Его тесть и теща считали, что внуков надо воспитывать любовью и лаской, а Джуля была единственной их внучкой, потому они расставались с нею крайне неохотно, а отпустивши, тотчас требовали назад.

Мережниковы сознавали, что воспитанием дочери занимаются слишком мало.

- Сколько времени она находится с нами? - иногда с упреком спрашивал Владимир Андреевич. - В общей сложности за год наберется ли два-три месяца?

- Такова жизнь! - рассудительно отвечала Любовь Ивановна.

Ее не слишком заботило отсутствие дочери. Скорее наоборот: хлопот меньше! Можно с утра до вечера пропадать на работе.

Золотые годы, когда Джуля была особенно хороша, забавна, утешна, уже миновали, оставив в памяти родителей лишь несколько смешных историй.

«Папа, ди мамазу», - предложила она однажды, стоя перед зеркалом и малюясь материной помадой. Вот это - «папа, ди мамазу» - они, родители, часто вспоминали. Или другое: «Мама, позуй и дай мне». Любовь Ивановна - деревенское воспитание!

- давала ей жеваное, а на укоризненный взгляд мужа говорила: «Молчи. Это негигиенично, зато здорово. Я - мать!»

Несколько смешных историй - это все, что осталось в памяти родителей от ее младенческих лет. Остальное уж исчезло, растворилось во времени. Сейчас Джуля стала тоненькая, длинненькая и уже серьезная - должно быть, в маму. Можно предполагать с уверенностью, что годам к десяти она и вовсе заумничает, вовсе лишится детскости.

«И что же, больше такого не будет? - спрашивал себя Мережников. - Эта пора прошла, и все?»

Ни детского лепета, ни возни с купанием и переодеванием, ни хныканья по поводу манной каши; и никто не подойдет, тепленький и доверчивый, не прижмется, не уснет на плече?

- Люба, давай родим еще одного, - сказал он однажды, сказал просто так, больше из интереса, что ответит на это жена, но в общем-то уже заранее зная, что она ответит.

- Нет, - категорически отвергла Любовь Ивановна. - Этот подвиг мне не по плечу. Хватит нам и одной Джульетты.

Подумала-подумала, поусмехалась, потом добавила:

- Второй ребенок - это слишком большая роскошь, иначе говоря, излишество. Как представляю себе: снова бессонные ночи, снова подгузнички, снова коклюш или что-нибудь вроде этого, снова рев и визг оттого, что он шлепнулся, или хочет спать, или голоден, или ему скучно... Нет, Володя.

Она права: слишком это хлопотное дело. Ему и самому было даже страшно подумать, что они заведут себе еще одного ребенка. Но вместе с тем, когда видел на улице чужих малышей, у него радостно отзывалось сердце и он провожал их взглядом, иногда ловя на своем лице невольную растроганную улыбку.

Он затеял и второй такой разговор, потому что даже просто поговорить с женой о будущем малыше было приятно. Однако Любовь Ивановна ответила на этот раз кратко и сухо:

- Роди. А с меня довольно.

И по тому, как она ответила, Владимир Андреевич понял: решение ее окончательно и бесповоротно. Значит, никогда не будет

у него сына, которому он дал бы имя, не будет и дочери Аринки. Некого будет водить за ручку в сквер! Некому объяснять, почему светит солнце и отчего бывает ветер; и никто уже не позовет: папа, ди мамазу.

У него возникло тягостное ощущение, что отсюда, уже с теперешнего возраста, начинается его нисхождение в старость. Раньше он шел в гору, к вершине или к перевалу, а теперь вот как бы заскользил вниз, еще медленно, незаметно, а там все быстрее и быстрее...

«И кану, - думал он, печально усмехаясь. - Кану в безвестье и бесследье... Камушком на дно».

14.

Мережников долго не появлялся в бабьем царстве, и Людмила Романовна даже стала сердиться на него, даже решила, что когда он придет, то обойдется с ним как-нибудь построже.

- Вас не было сто лет, - сказала она ему с легкой досадой, когда он наконец появился; и тотчас отложила все свои дела, радуясь, что сидит в комнате одна. Она даже забыла, что хотела быть с ним суровой, повеселела, заулыбалась.

- Что, Григорий Павлович еще не вышел из отпуска? - озабоченно спросил Владимир Андреевич.

- Уехал, говорят, то ли к сыну, то ли к дочери.

- Жаль. Он мне нужен. - Мережников вздохнул, оглядываясь и удивляясь, что никого больше нет в этой комнате.

Людмила Романовна полна была сдерживаемой энергии, она чувствовала чудодейственный прилив сил и потому улыбалась и говорила с брызжущей радостью:

- Расскажите, чем вы были заняты? Я каждый день с таким почтением поглядываю на ваше уважаемое учреждение! Выходят из него люди - я смотрю на них прямо-таки с завистью: вот, думаю, повезло, работают в достойном месте.

- Вылетают оттуда птицы райские гамаюн и финик и благоухание износят чудное, - проговорил он рассеянно, не решаясь ни сесть, ни уйти.

Эта женщина всего несколько дней назад так понравилась ему! Он так заволновался тогда! Почему же нынче потухло все в душе и он поглядывал на нее не то чтобы с досадой, а - скучая.

- Ах, вы все еще носите это колечко! Надо полагать, оно несет в себе высокий смысл. Оно, так сказать, залог и обещание.

- Да, - очень серьезно сказал он.

- Или оно дорого вам, как память...

- Как память, - повторил Владимир Андреевич.

- Понимаю, понимаю...

Вот так всегда: короткое движение души, как мимолетный сон, и снова ничего. И даже удивительно: почему это она ему так понравилась?

Людмила Романовна, изогнув полный стан, дотянулась до шкафа, достала деревянную безделушечку - старичок-лесовичок с корзиной и палочкой.

- А что вы скажете об этой прелестной вещице?

Вот слово, которое он никогда не употреблял в его современном смысле и которое безумно нравилось ему в древних текстах: прелестная грамота, прелестные письма...

- У вас было какое-то торжество? - спохватившись, спросил Владимир Андреевич. - И подвластные вам племена приносили и клали к вашим ногам подарки. Так, да?

- Если бы! Какое уж тут торжество, если я проболела два дня. Вам-то горя мало, хоть я умри. Не пришли сюда, не поинтересовались, почему, мол, нет Людмилы Романовны.

«А я не играю в эти игрушки», - чуть не сказал он, начиная сердиться от ее кокетливости.

- А выздоровела я благодаря сему амулету. Сосед подарил.

- Это любовь, она и лечит. А деревянный болванчик тут ни при чем. Все дело в дарителе.

- Вы подозреваете меня в легкомысленном поведении? - сказала она, смеясь. - Ему всего семь лет.

- Лета не играют никакой роли, - серьезно возразил Мережников. - Главное - сердце, а оно пламенеет в любом возрасте.

- Bravo! - Людмила Романовна похлопала в ладоши. - Следовательно, у вас тоже.

- У меня - нет, - возразил он, сожалея, что ввязался в этот игривый разговор.

- Не может быть! Разве у вас нет соседки? Вы живете в особняке? И ни с кем не встречаетесь на лестничной площадке? И не обмениваетесь поклонами и любезностями?

- С соседом. Кстати, очень симпатичный человек. Породаю и возрастом хорош, духом кроток и великодушен, и лицом долголик, и доброгласен вельми.

Она легко засмеялась, услышав его скороговорку.

- Тогда передайте мои наилучшие пожелания вашей жене. Вот вы сейчас здесь, а у них небось свидание, - поддразнила она.

- Нет. Я знаю, они встречаются по утрам в семь пятнадцать, когда к нашему подъезду подкатывает мусорная машина. Тут они оба выходят с ведрами, что, надо полагать, и есть свидание.

- А вы, значит, и этого не имеете!

- Увы мне!.. Впрочем, что я! - оживился Владимир Андреевич. - Погодите-ка, у меня тоже есть соседка. Как это я мог забыть! И, кстати, красавица!

- Вот видите! Расскажите мне о ней. И о ваших интимных отношениях с нею расскажите. Не может быть, чтобы у вас с нею не было интимных отношений. Вы говорите, она хороша собой?.. И молода? Как я ей завидую!..

15.

Соседку свою он видел чаще всего сверху из окна; обычно она шла по деревянным мосточкам, проложенным в их микрорайоне по топкому глинистому пустырю прямо к подъезду, таща за руку малыша и что-то наставительно говоря ему. Тотчас после этого он слышал, как они медленно поднимались до третьего этажа, причем она говорила довольно громко, неприятным носовым голосом, а что именно, не разобрать. Он слышал только, как она протяжно и немного капризно, укоризненно произносила: «Ан-

то-он», а потом что-то быстро-быстро, то ласково, то раздраженно и снова ласково. Так они поднимались по ступенькам, шаркая, вздыхая, и малыш иногда принимался реветь таким же неприятным, как у нее, раздражающим голосом. Потом картаво лязгал ключ в замке, голоса на лестничной площадке были совсем рядом и отчетливо слышны. Дверь хлопала, и голоса глохли, стихали.

Он сталкивался с нею в магазине лицом к лицу и поспешно отворачивался - ему почему-то не хотелось здороваться с нею и не хотелось встречаться взглядом.

Несколько раз он видел ее далеко от дома, где-нибудь в центре города, все с тем же малышом, причем они, как обычно, пререкались: она его наставляла, а он или повторял за нею, или твердил что-то свое.

Это была крайне невзрачного вида молодая женщина, невысокого роста, в нескладном костюме, который топорщился на ней, словно был с чужого плеча; или в рябом пальто, которое обвисало на ней, как на вешалке; или в платье с широким вырезом, открывающим худые ключицы. Выражение лица всегда унылое, жидкие волосы схвачены сзади в пучок резинкой... Но самое некрасивое, что было в ней - это ноги. Не сказать, чтобы они были сильно кривыми, но как-то так нескладно она ходила, как-то так нескладно обувалась... «Не ноги, а костыли», - думал он все с тем же неприязненным чувством к ней.

- Володя, - однажды сказала ему жена, - глянь, как соседка наша идет! - И смотрела с улыбкой из окна сверху вниз, и, дивясь, качала головой.

- Карикатурная походка, - заключила она. - Учебное пособие: как женщине не надо ходить.

И он понимающе улыбался. У него жена статная, стройная - сказались два года гимнастической школы, в которой она занималась еще школьницей. И как будто не рожала ни разу - талия девушки. У его Любви Ивановны лицо породистое, - даже очки не портят; высокий чистый лоб, прямой нос, благородный цвет кожи, а взгляд из-под очков твердый, властный - любого остановит и встряхнет.

- И ведь что удивительно, - говорила жена, усмехаясь, - и на такую кто-то позарился. Ох, мужчины, мужчины!

- Ты про ребеночка?

- И про ребеночка, и... ведь кто-то ходит к ней! Регулярно по субботам. Я не раз видела, да и вообще...

Муж знал, что она подразумевает под «вообще». Он никогда не замечал, чтобы кто-то разговаривал с соседкой или стучался к ней в дверь, но про это «вообще» он, конечно, знал.

В плане этажа маленькая соседкина квартира как бы вклинивалась в четырехкомнатную квартиру Мережниковых. Две стены, сходящиеся углом, были их общими стенами. Одна из них, должно быть, капитальная, кирпичной кладки, а вторая слабая: то ли панель сама по себе тонка, то ли стояла она неплотно и где-то под полом зияла невидимая щель...

По субботам неприятные, раздраженные окрики соседки уже не раздавались, и малыш не громыхал жестяными игрушками, не свистел, ничего не ронял, не бил и не ревел. Его рано укладывали спать, и голос молодой матери был в эти минуты особенно нежен и ласков. Она напевала, она терпеливо уговаривала, убаюкивала, и к ее ровному голосу, приобретающему благозвучную тональность, примешивалось неясное «бу-бу-бу» мужского голоса. Потом там наступала тишина, а через некоторое время слышался шепот, говор посмелей и смех, слышать который было как-то неловко.

В его комнате тикал будильник, до полуночи шелестели страницы, но - только это, больше никаких звуков.

Стена, исчерченная, исписанная, изрисованная, открывала безмерное пространство, и он мог беспрепятственно размышлять в нем... Но это была та стена, которая отделяла его от соседки. По субботам за нею, совсем рядом, журчал говорок, поминутно перебиваемый смехом, шуршало одеяло о стену, кто-то шел торопливо босыми ногами, и опять шорох постели, прерывающийся шепот, приглушенный смех и слова. Безмерное пространство исчезало, спугнутое тихой и скромной соседкой и ее субботним другом.

Мережников старательно вперял взгляд в книгу, подбивал углы подушки, закрывая уши, и все равно слушал, борясь с самим

с собой, пытаясь собрать воедино уже разрозненные мысли и не в силах сделать это.

А те лежали рядом с ним, казалось даже, на одной с ним постели, не зная и не ведая о нем, своем соседе. В нем же что-то начинало подленько хихикать или громогласно возмущаться, толкало к стене - постучи кулаком, скажи им: нельзя ли потише, граждане! И в то время неведомый бес, сидящий внутри, укорял злорадно: что, завидуешь!..

Он прибежал к самому верному, испытанному средству: брал с полочки над головой томик стихов и читал вслух:

Притворной нежности не требуй от меня,
Я сердца моего не скрою хлад печальный.
Ты права, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.

Торжественная размеренность стихов и горестный смысл их всегда чаровали его. А за стеной явственно слышался звук поцелуя. И еще... И снова... Владимир Андреевич прибавил голоса:

Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой и прежние мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их выше сил.

Нет, и стихи не спасали; они были сами по себе, а он сам по себе. Слова звучали, а собственный голос казался Владимиру Андреевичу фальшивым, а стихи ненужными. Он начинал снова, повторяя по нескольку раз строки, которые еще вчера, еще сегодня твердил, шагая на работу, и они так волновали его, а сейчас же были пустыми и холодными.

Почти ничего нельзя было разобрать из отрывочной речи за тонкой стеной, только вздохи, шорохи, шепоты; а разыгравшееся воображение подсказывало то и это, он видел и слышал. Лишь однажды до него донеслось явственно заботливое: «Устала?».

Он повернулся на диване, как от толчка, и с минуту лежал,

ошеломленный, уставив взгляд в потолок, взбудораженный новым, незнакомым ему волнением, осознав которое почувствовал острый стыд.

Мужчина сказал: «Устала?» Не спрашивая - утверждая. Заботливо и благодарно. А что ответила ему женщина? Какие слова произносила счастливым шепотом? Почему они таким сладким ужасом отозвались в нем, лежащем совсем в другой комнате, а значит, в другом мире?

«Боже мой! - чуть не вслух простонал Мережников. - Да что же это такое?.. Наказание, ей-богу!»

16.

На другой день он встретил ее на лестнице. Соседка поднималась с малышом, который отставал от нее на три-четыре ступеньки, цепляясь за перила, кривя личико от подступающего плача, а мать сердито выговаривала ему неприятным и чуть-чуть гнусавым голосом:

- Анто-о-он! Мама не может тебя таскать на руках. У мамы ручки болят. Ты мужчина. Ходи сам.

Владимир Андреевич, спускаясь, с любопытством уставился на нее: неужели эта женщина с остреньким лисьим лицом, с косо подрезанной челкой, спадающей на лоб, неужели это она вчера так счастливо шептала? И неужели это ей был адресован нежный и благодарный полувопрос: «Устала?»

Соседка была спокойна и вид имела самый невинный.

- Здравствуйте, - сказала она ему, не поднимая глаз.

Он отозвался торопливо и вежливо:

- Здравствуйте.

И, проходя мимо, чуть тронул малыша по волосам.

И он, и его жена Любовь Ивановна выросли в деревне, а там были свои неписанные, веками утвержденные нормы нравственности. Например, девка с парнем могут посидеть на крылечке или на завалинке ее дома, но нигде в ином месте, иначе люди осудят. Они могут поцеловаться только на третий вечер такого совмест-

ного сидения, а коли парень полезет раньше - значит, он девку не уважает, а коли не полезет вовсе, так тоже не уважает. Все расписано, от первого до последнего шага...

- Не знаю, - сухо сказала за столом его жена, - как это и понимать. Мать-одиночка берет напрокат чужого мужа на субботний вечер. Что это за мать такая? И что за приходящий мужчина? Кто он такой? Небось каждый раз возвращается к жене. И что он ей говорит? Если бы любовь - ну, тогда туда-сюда. Это я еще могу понять. Но ведь он ее не любит!

- Почему?

- Ты что, всерьез можешь предположить?..

- Нет, - сказал он решительно и даже ладонью провел, словно отрезал. - Нет!

Владимир Андреевич и впрямь не мог предположить, допустить такое: чтоб соседку кто-то мог любить. Уж больно непривлекательна. И вместе с тем...

Видел ли он ее в магазинной очереди, замечал ли в толпе на автобусной остановке, он тотчас выделял ее: она притягивала его взгляд, и во взгляде этом был всегда вопрос, и недоумение, и неподдельное любопытство. Эта некрасивая женщина с малышом мучила его, как пустая и неразрешимая загадка. В чем дело? Неужели она может очаровать кого-то, быть любима кем-то? Ведь в этом мужском шепоте за стеной столько непритворной нежности! Если не сказать большего...

Думая так, он в удивлении качал головой.

Кто он, этот субботний гость соседки? Она так некрасива, что позариться на нее, по мнению Мережникова, можно только зажмурившись.

Прошла неделя - и снова убаюкивание младенца, шлепанье босых ног, тугой скрип кровати, шуршанье одеяла о тонкую стенку и лепетливый горячечный шепот соседки, слушать который было невыносимо. Раза два Мережников вставал, заносил кулак, - не постучать ли им? - потом в раздумье отступал. Может быть, громко и ясно сказать: «Граждане! Вы разбудите ребенка, раз уж

разбудили меня, лежащего за стеной!» Услышат. Ведь такая тишина стоит в этот поздний час!

«Завидуешь!» - злорадствовал в нем самом его собственный голос.

«Да нет же! - раздражался другой, точно такой же. - Просто спать мешают и читать тоже...».

«Завидуешь, - удовлетворенно заключал первый голос. - Чужое счастье тебя мучит».

Чтобы заглушить в себе этот ядовитый голос, Владимир Андреевич встал, злой и нетерпеливый, пошел в комнату, которая считалась у Мережниковых детской и где на диване спала Любовь Ивановна, стал тормошить ее, сонную обнимал, тихонько шепча на ухо, чтоб не разбудить дочку:

- Люба, ну что ты здесь! Пойдем ко мне.

Она не сразу проснулась, а проснувшись, рассердилась:

- Ты что чудишь?

- Люба!..

- Владимир Андреевич, посмотри-ка, час ночи! И ты меня будишь. Да совесть есть ли у тебя?

Она называла его по имени-отчеству, только когда очень сердилась.

- Я устала, весь день на ногах. Три лекции, совещание у декана, консультации... Иди спи!

И Любовь Ивановна бесцеремонно оттолкнула мужа.

Сконфуженный, виноватый и злой, он отступил. А она ворчала, отворачиваясь к стене:

- Явился!.. Иди к нему среди ночи... Сейчас побегу!..

17.

Любовь Ивановна преподавала в институте, была членом горкома партии, депутатом областного Совета, входила в какие-то комиссии, а помимо всего этого, вела и научную работу. У себя на кафедре она возглавила бригаду по разработке научных тем на базе институтской лаборатории. Подручными у нее были

двое аспирантов; эти аспиранты, деловые и бравые ребята, иногда появлялись в квартире Мережниковых, принося с собой рулоны чертежей, логарифмические линейки, толстые справочники и прочее. Любовь Ивановна допоздна заседала с ними, споря до хрипоты на каком-то диком, сугубо специальном языке, который Владимир Андреевич не понимал и который возмущал его. После таких сидений он с еще большим отчуждением, но и с большим почтением поглядывал на жену.

- Нынче весна очень тяжелая была, - пожаловалась однажды Любовь Ивановна. - Закрывали две исследовательские темы - госбюджетную и хоздоговорную. Ты представляешь? Это значит, надо оформить по всем правилам два отчета. Такая занудная работа! Хоздоговорную тему мы закрыли к майским праздникам и уже сейчас имеем акт внедрения на двести пятьдесят две тысячи рублей. Неплохо, верно? А с госбюджетной до сих пор не разделились. Последний срок через неделю. Да сессия начинается. Устала, как старый паровоз!

Жаловалась она явно не по тому адресу, ибо муж не одобрял ее увлечения работой, особенно сверхурочной - той, что сверх прямых обязанностей. Его раздражали эти «научные радения», как он их называл, из-за них в семье не было должного порядка, в квартире - домашнего уюта.

- Зачем и бралась, - с недовольным видом ронял Владимир Андреевич.

- Как это зачем! - Любовь Ивановна вскидывала на него изумленный взгляд.

- А так. Зачем? Ну?

Так начинался тяжелый разговор, один из тех, что в последнее время стали у них случаться, пожалуй, слишком часто.

- Это же работа на износ! Где-то на пределе твоих возможностей, - говорил он с неприятным для нее выражением на лице. - Во имя чего? Почестей жаждешь? Аплодисментов?

Ему не хотелось говорить, что вот-де она не бережет себя, что надо, мол, ей побольше отдыхать, и прочее. Не шли такие слова с языка, и все тут. Все это понятно: научная работа и все такое. Но

почему именно она! Пусть занимается наукой кто-нибудь другой. В конце концов это не женское дело. Ее дело - быть матерью для Джули, женой ему, хозяйкой в своей квартире.

- Что тебе, денег не хватает? - нудил он. - По-моему, ни одна семья в нашем городе не зарабатывает столько, сколько мы с тобой.

Любовь Ивановна с иронической улыбкой смотрела на него. У нее была прекрасная позиция: муж - собственник, муж - отста- лый человек, раз считает, что она должна сидеть дома и занимать- ся хозяйством. Она не без злорадного удовольствия покачивала головой в такт его словам: давай, мол, давай, выкладывай и даль- ше. Но это в лучшем случае. А в худшем она вспыхивала:

- При чем тут деньги!

И они начинали ссориться.

Он не хотел понимать ее! Не хотел мириться с нею, занятой, увлеченной, задавленной работой. В свою очередь она, заходя в мужнин домашний кабинет, с плохо скрытым недоумением и не- довольством оглядывала его хозяйство: полки с книгами, ящики с карточками, развал рукописей и каких-то древних бумаг на столе, и на стульях, и на подоконнике. Она терпеть не могла старых фолиантов, стоящих и лежащих у него в кабинете, засаленных, захватанных, рассыпающихся от ветхости на отдельные листы. То, что его приводило в трепет, в восторг - в ней вызывало лишь неприязненное чувство, почти брезгливость: ей казалось, что все эти старые книги дурно пахнут.

- Неизвестно, мыли ли они руки после масляных блинов в семнадцатом-то веке, - замечала Любовь Ивановна, вообще склонная к пренебрежительности. - А вот в этом житии явно жили клопы. Ты не находишь?

- Это очень древние клопы, - возражал он, не без обиды за свою библиотеку. - Они пили свежую боярскую да дьяческую кровь.

- Холопскую!

Она долго не могла собраться почитать книгу, написанную мужем, а когда наконец прочла, поразмыслив, заявила ему при- мерно так:

- Я не понимаю, Володя, ни черта в твоих рассуждениях. То есть я не могу уразуметь, как можно строить все на предположениях, на домыслах, на гипотезах. Образуется цепочка, когда одна неправда заведомо рождает другую - недопустимо! Все же должно обсчитываться: и фантазия, и вымысел. А иначе это не наука, а шарлатанство.

Она тотчас извинилась за нечаянно брошенное слово и сказала, что вовсе не считает шарлатанством его книгу.

- Все в этом мире подчиняется строгому и стройному расчету, все версии и догадки должны опираться на достоверные, не раз проверенные факты, даже формулы, черт возьми! Не улыбайся, пожалуйста.

Он не пускался в дискуссии с нею, ибо это походило бы на детский спор: что лучше, танк или самолет. Они мыслили разными категориями, к тому же Любовь Ивановна просто была логичней в своих доводах, уверенней, упрямей; ввести ее в свою область Владимир Андреевич давно уже отчаялся.

- Ты мне напоминаешь человека, идущего по тонкому льду, - заключила она. - Он или упадет и расшибется, или провалится и утонет. Это неизбежно.

18.

За семейным ли столом, в играх ли с дочерью Любовь Ивановна являла собой образ отсутствующего человека: она здесь, и в то же время ее нет. Более того: в собственной квартире она была не хозяйкой, а жила как в гостинице. Она с достаточной отчетливостью сознавала свой долг перед семьей по части домашнего хозяйства, но никакого влечения к женским повседневным хлопотам в ней не было, и никогда, кажется, кухонные да квартирные заботы не занимали ее мыслей. Она светло улыбалась, видя гору невымытой посуды или кучу невыстиранного белья: «Володя, неужели ты не можешь этого сделать?»

Правду сказать, если он брался мыть тарелки или стирать белье, Любовь Ивановна чувствовала себя виноватой.

- Иногда я думаю: нашел бы мой муж себе женщину, чтоб стряпала, стирала, ухаживала за ним... - размышляла она вслух.
- Тебе такую надо, Володя: подай то, принеси это, сходи туда, положи сюда. Такие женщины есть, я знаю! Простые, добрые, ласковые - прекрасные матери и жены! А твоя жена утром уходит, возвращается вечером, и даже в выходные дни у нее мало свободного времени - ни с детьми поиграть, ни мужа приласкать. Знаешь, я считаю, что занимаю чужое место. Тебе крупно не повезло.

- Ну и к чему этот разговор? - спрашивал Владимир Андреевич сухо.

- А к тому, что я тебя очень уважаю, - заявляла она, смеясь.
- Как товарища по несчастью. Я тебя уважаю и думаю, ты имеешь полное право меня бросить, ибо я того заслуживаю. А что? Пришел бы ко мне однажды и сказал: знаешь, Люба, я встретил хорошую женщину...

У Любови Ивановны рациональный ум, ей в высшей степени свойственен здравый смысл. Но как раз такие ее размышления, разумные и доброжелательные, возмущали и оскорбляли его. Обычно в ответ на это он отмалчивался, но молчание мужа не останавливало Любовь Ивановну, а как будто бы даже подогревало ее на дальнейшие рассуждения. Она призналась ему однажды, что подобные разговоры доставляют ей своеобразное утешение:

- Я как тот пьяница, который решил бросить пить. Принятое решение успокаивает его, делает нравственной его жизнь, поднимает в собственных глазах, и он, утешившись, пьет по-прежнему.

- Какие ужасные вещи ты говоришь! - раздраженно замечал он.

- Ну, почему ужасные, Володя? - хладнокровно возражала жена и печально усмехалась. - Мы с тобой разумные люди, все понимаем и в конце концов можем решить все ко взаимному удовольствию...

- Взаимное удовольствие - это, надо полагать, развод? - уточнял он.

- Ах, не знаю, не знаю, - отмахивалась она.

Вот такие разговоры случались у них в семье.

Мережниковы некогда учились вместе: в одном университете, на одном курсе, только на разных факультетах. Люба Суrowsикина считалась там бесспорной красавицей: когда она шла по университетскому ли коридору, по улице ли, ее провожали глазами и парни, и девушки.

- Меня даже учителя в школе любили за то, что красивенькая была, и, подозреваю, по этой причине сильно завышали оценки, - говорила она. - Я всегда числилась в любимицах, в примерных ученицах. И даже на вступительных экзаменах в университете небось не обошлось без моих девических чар.

Ну, тут она преувеличивала: и вступительные экзамены, и все прочие Люба Суrowsикина всегда сдавала уверенно, приятно удивляя преподавателей смелостью суждений и широтой эрудиции.

К чести ее надо сказать, что она всегда довольно юмористически относилась к тому впечатлению, которое неизменно производила своей привлекательной внешностью. Любовь Ивановну не то чтобы огорчало, а охлаждало и даже сердило то впечатление, которому причиной была ее внешность. «Только недалекие люди, - говорила она, - судят об орехе по скорлупке, а о яблоке - по кожице».

Она была дружелюбна со всеми, ровна в обращении, и потому, кажется, не бывало у нее ни тайных или явных врагов, ни завистников. Впрочем, это только казалось.

За нею ухаживали многие из ребят, но никто не мог похвастаться успехом. Никого из них она не отличала знаками особого внимания: не ходила в кино или на танцы с кем-то вдвоем - только в компании; никто ни разу не провожал ее - провожали только компанией. К тому же Люба умела быть и высокомерной, и до обидного ироничной и всегда безжалостно пользовалась своим оружием, чтобы осадить очередного чересчур пылкого или настойчивого ухажера.

Он, Володя Мережников, не относился к числу тех, с кем она отмечала день своего рождения или встречала Новый год. У нее был свой круг друзей, у него - свой. Знакомы же они были потому, что на втором курсе Любу Суrowsикину выбрали в комитет

комсомола и она с успехом вела культурно-массовый сектор, к которому он, Мережников, был причастен.

Они встречались, говорили о делах, шутили - все при посторонних и никогда вдвоем. Ему в голову не приходило, что у Любы нет своего парня, и точно так же не приходило в голову, что можно за нею ухаживать. Вдруг однажды - это случилось уже на последнем курсе, весной - она подошла в коридоре к группе ребят, среди которых стоял и он, подошла и сказала без обиняков:

- Мережников Володя, я приглашаю тебя сегодня вечером на мероприятие интимно-личного характера.

Все засмеялись, а она покраснела и продолжала столь же от-важно:

- На танцы, например. Ты согласен?

Все знали, что Мережников на танцы не ходит, да и саму Любу видели там очень редко.

Он замешкался с ответом, а она с упреком сказала тем, кто стоял рядом:

- Что вы смеетесь! Девушке нравится парень. Что ж тут смешного?

Ребята замолчали, слегка огорошенные.

- Ты согласен, Володя?

- Разумеется, - сказал он, глупо улыбаясь.

На танцы они не пошли, а просто гуляли по городу. Гуляние повторилось и на другой вечер, и на третий... А недели через две Люба сказала:

- Володя, я не знаю, как все это делается... То есть я считаю, что если ты не намерен на мне жениться, то нам надо прекратить встречи.

Он ответил довольно поспешно:

- Намерен. Конечно, намерен! Еще бы!

На другой же день начали хлопоты с загсом, известили родителей...

Так они стали мужем и женой.

Теперь Любовь Ивановна иногда говорила раскаянно:

- Я, наверно, тогда поспешила. Не надо было... Откуда во мне

эта самоуверенность! Я решила так: раз я хороша собой... А ведь я была хороша собой, Володя! Так вот, раз я, мол, девушка красивая - этого достаточно для того, чтобы Мережников меня полюбил и был со мной счастливым. Следовательно, он вполне может быть моим мужем. Все логично, закономерно.

- Я тебя полюбил, - неизменно отвечал он на это. - Иначе не женился бы.

- Ах, отстань! - сердилась она. - Разве это любовь! Живем мы с тобой друг возле друга, в сущности - соседи по коммунальной квартире, не более. Разве нет? Я занимаю место твоей жены, которая где-то там... просто не встретила тебе. А ты - место моего мужа, который тоже - увы! - не отыскал меня. Ты что, не согласен?

Впрочем, после разговора о желательности и даже необходимости развода она могла заявить и обратное, начисто позабыв о том, что говорила перед тем:

- Скажут: Мережникова развелась с мужем. Мережникова разведенная. Фу! - ее даже передергивало от этого. - Так некрасиво, так пошло! Мне противна сама мысль об этом.

Иногда, поговорив таким образом, они расставались несколько успокоенные и примиренные, но чаще все-таки некая тяжесть оставалась в душе того и другого из супругов и долго не исчезала.

Ссоры у Мережниковых были особенные - даже и не ссоры, а просто проявления взаимной холодности или взаимного равнодушия. Внешне супружеская жизнь шла чинно, ровно, вполне пристойно, и соседи небось считали их семью образцом добропорядочной, благополучной семьи.

А Мережников чувствовал себя одиноким, временами даже никому не нужным.

19.

У него была история, счастливо выдуманная им однажды, которую он холил и лелеял в своем воображении, дополняя все новыми и новыми приятными подробностями, и которая, наверно, уже доставила ему столько же удовольствия и даже счастья, как если бы она случилась на самом деле.

Вот она!

Среди обычного рабочего дня в его кабинете раздастся вдруг телефонный звонок:

- Могу я поговорить с товарищем Мережниковым?

Голос девичий, взволнованный, напряженный...

«Погоди-ка, - сомневался он иногда в этом месте истории, - а при чем тут телефон? Разве эта девушка не может подойти ко мне просто на улице или даже явиться в мой кабинет? Мало ли у меня бывает народу! Придет и скажет все...». Но он привык к тому, что история начиналась с телефонного звонка, так уж она сложилась в его воображении, и в случайности этой заключалась убедительность.

- Могу я поговорить?..

- Можете. Я слушаю вас.

- Вы Владимир Андреевич Мережников?

- Представьте себе.

Он отвечал весело, шутливо.

- Простите, но я должна точно знать, что это вы. Назовите, пожалуйста, имя вашей мамы.

- Нина Филипповна. А в чем дело? С кем я говорю?

- Вы меня не знаете... Мне очень нужно вам сказать... очень важное. Важное и для меня и, может быть, для вас тоже.

Владимир Андреевич явственно слышал, как она говорит, и слышал, как звучит его собственный голос, мягко, почти отечески, но достаточно официально - голос человека солидного и серьезного. А она говорила сбивчиво, путано, волнуясь... Это само собой понятно - молодая девушка, она впервые назначала свидание, и кому! Он видел ее такой: невысокого роста, с длинной ру-

сой косой, с пухлыми губами и серьезными серыми (или синими) глазами.

- Я хотела бы... чтоб мы с вами встретились... где-нибудь.

- О, давненько я не ходил на свидания!

- Если вы не против... в парке, например... Напротив Княжой башни.

Он шел по этому диалогу, как по знакомой лестнице, зная, что последует на каждой следующей ступеньке. Однако такое начало было необходимо ему. Оно настраивало его душевный механизм на определенную волну, Владимиру Андреевичу становилось радостно в предвкушении того, что последует дальше. А дальше начиналось самое-самое, тут он подвигался медленно, с оглядкой, прочувствованно, как пьют хорошее вино.

Он выходил на улицу, все еще озабоченный, но уже с ясным звучанием знакомой ему мелодии в душе. Шел через просторную площадь, здоровался со встречными знакомыми, не подозревавшими, куда он идет неторопливой походкой с таким немного усталым и задумчивым видом. Наконец вступал под тень деревьев Кремлевского парка, где и тихо, и прохладно, где так трогательно прекрасны и синичьи пересвисты, и даже воробьиная свара.

Притворной нежности не требуй от меня
Я сердца моего не скрою хлад печальный...

На нем светлый костюм, ветерок шевелит его волосы, в которых хоть и нет пока седины, но, может быть, к тому времени уже будет.

Я сердца моего не скрою хлад печальный...

Она появится, когда из парковой аллеи уже виден будет Волхов и аркада Ярославова Дворища на том берегу. Здесь, возле кремлевской стены, самое безлюдное, самое укромное место; здесь особенно уютно и потаенно; шум города отстранен, отда-

лен; здесь можно беседовать, не приглушая голоса, - никто не услышит и никто не помешает.

Грущу я: но и грусть минует, знаменуя
Судьбины полную победу надо мной;
Кто знает? Мнением сольюся я с толпой,
Подругу, без любви - кто знает? - Изберу я.

И вот он, тот момент: она подошла - решимость ее сквозь смущение, как цыпленок из скорлупы...

- Извините меня... Я осмелилась позвонить вам и пригласить сюда. Дело у меня очень важное...

Ей лет восемнадцать. Да, она русоволоса, синие глаза, у нее нежная девическая шея, загорелые, милые плечи...

Он мысленно мог разглядывать ее долго: эти ямочки на щеках, эти нежные, исполненные девического изящества руки, этот поясик на тонкой талии, которым играет ветер.

Наступившая пауза не тяготит их обоих. Она смотрит на него доверчиво и открыто: вот она я, какая уж есть, - а он с грустным, умудренным любованием. Как им говорить о том, что и ему, и ей уготовано при этой встрече? Какими словами выразить?

- Владимир Андреевич, обещайте, что вы не будете прерывать меня, пока я не скажу всего. Что бы я ни сказала, не прерывайте. Пожалуйста.

- Хорошо, я обещаю вам, - говорит он, видя, как она ужасно, катастрофически волнуется.

А у него вид серьезного, много повидавшего и много пережившего человека. Он смотрит на нее спокойно, благожелательно, умно.

- Видите ли, я хочу... если кратко... я хочу сделать вам подарок.

- Мне? Какой? И за что?..

- Вы обещали не прерывать меня, - она говорит, задыхаясь от волнения. - Я решила... посвятить вам себя... Это и есть мой подарок.

«Нет, постой!.. Она не так, не так!.. Как-то иначе...». Может быть, она произносит тихо, сразу севшим голосом:

- Я... дарю... вам... себя...

«Нет, опять не то... Получается обреченно. А разве с таким чувством придет она ко мне!».

Признаться, где-то здесь начинались для него «разночтения». Всякий раз одно и то же она говорила по-разному.

- Вы, конечно, спросите, почему я это говорю, почему я на это вдруг решилась. Не вдруг, нет! Я давно уже знаю вас и давно ношу в себе надежду - нет, решимость. Я знаю, вы, в сущности, очень одиноки. Так я буду вам другом, преданным, самоотверженным другом. Я буду счастлива посвятить себя вам, Владимир Андреевич, вашему делу, поэтому пусть не покажется странным мой сегодняшний поступок...

Голос ее явственно звучал у него в ушах; ее взволнованное лицо стояло перед ним; он видел, как она мнет в пальцах концы пояска, и руки ее были перед ним живые.

- И вы не имеете права отказываться, потому что это... это убьет меня. Поймите, с вами я вижу смысл жизни, без вас - нет.

Он слушал внимательно: нет ли фальши. И если фальшь была, тотчас заставлял воображаемую собеседницу повторить это место более искренне.

Далее она говорила примерно так:

- Да, я знаю, что вы женаты, и не претендую на роль жены. Я стану служанкой вашей, секретаршей, любовницей, девочкой на посылках - мне все равно, лишь бы быть рядом. Я всегда буду вашей тенью, никому не видимой и совсем не обременительной вам... Я люблю вас.

Она говорила, говорила, и он по несколько раз мысленно повторял ее фразы, одну за другой, примеряя к месту и так, и этак, выслушивал их то в одной интонации, то в другой: «Я люблю вас... Люблю... Я люблю тебя».

Нет, Владимир Андреевич не упивался ее славословием в свой адрес. Просто он сознавал, насколько необычен такой поступок, насколько он несообразен с реальностью. Ему хотелось

как можно убедительнее мотивировать его, чтоб самому верить в то, что такое может случиться, может! Ведь эта история только в том случае могла радовать, если она выглядела убедительной в его собственных глазах!

Он никак не мог остановиться на том, кто же она. То ему хотелось, чтобы девушка была, например, студенткой с истфака - тогда она будет способна оценить по достоинству, скажем, его оригинальную версию о происхождении и родственных связях юного князя Ивана, правившего в Козельске во времена нашествия Батгя, или спорную, конечно, гипотезу о месте крещения киевского князя Владимира Красное Солнышко. А иногда он был совсем не против, чтоб познания ее ограничивались учебником для средней школы, тогда он имел бы радость сам прочитать ей полный курс истории. «Пусть их будет две», - усмехался Владимир Андреевич, иронизируя сам над собой.

И вообще, все это объяснение в парке никак не укладывалось в определенное русло, не находило единственно верных слов, тут он часто сбивался. Все зависело от того, насколько сам он бывал «в ударе» в минуты отрадных мечтаний. Иногда порыв вдохновения охватывал его всецело и все получалось так удачно - хоть записывай на бумагу; чаще же он, разочарованный и огорченный, отступался.

Зато завершение их разговора сложилось давно, сложилось сразу и уже не претерпевало никаких изменений.

- Нет, - говорил он, нежно целуя ее, - я не могу отказаться от такого подарка. Это выше моих сил. Я принимаю его и благодарю вас.

20.

«О, черт! Если бы кто-нибудь знал, до какой степени я глуп!» - сокрушался он иногда, искренне удивляясь самому себе, как дивится ребенок, совершив какую-нибудь шалость: неужели это он такое сотворил! И сокрушался, и упрекал себя, и подтрунивал сам над собою: «Нет, конечно, знают, что глуповат. Но чтоб до такой степени! Об этом вряд ли подозревают».

Вот говорят: чужая душа потемки. А своя тем более. В самом деле, если разобраться: ну почему эта дурацкая выдумка тешит его, человека далеко не юного возраста? Как она может занимать его мысли? А ведь и тешит, и занимает... «Тайный порок души, - вздыхал Мережников, виновато усмехаясь, и тотчас оправдывался: - Но ведь об этом никто не знает! И никому от этого никакого вреда».

Это было его достояние, поделиться которым казалось немислимым с кем бы то ни было. Не родился на свет человек, которому Мережников мог бы поведать придуманную им историю так, как она выпестовалась в его душе, и не было на свете муки, которая заставила бы рассказать ее. Дико даже подумать об этом! Ведь это все равно, что выставить себя на всеобщую потеху и поругание, все равно что признаться в тяжком преступлении, это столь же постыдно, как, например, выйти голым на улицу. Никто никогда не узнает о девушке с длинной косой и синими глазами - она живет глубоко в нем, а он никому ее не выдаст.

Однажды только, будучи в Москве у друзей, он за дружеской беседой случайно обронил: «Подошла бы какая-нибудь дура и сказала бы: пойдем, я люблю тебя. Пошел бы хоть на край света». Сказал и был поднят на смех. Виталий, только что вернувшийся после очередной «охоты» со Златой, посмотрел на него внимательно и грустно, и сказал:

- Брось, Володя. Никому мы не нужны с нашим душевным скарбом.

А Слава Фирсановский, так счастливо завершивший докторскую диссертацию, добавил, улыбаясь:

- Мой цикл размножения закончен, потому всякие эти любовные томления, вздохи... Будем преданы женщине по имени История! И только ей.

Вот так. Нечего было приставать к людям с откровенностями. Ну-ка расскажи он им о свидании напротив Княжой башни - то-то было бы смеху!

Если уж поделиться с кем-нибудь заветным мечтанием, если уж подступила бы такая крайняя необходимость - представим

невозможное! - то Мережников, перебрав всех друзей, пожалуй, остановился бы на жене своей Любе. Та человек серьезный и, по крайней мере, не осмеет, а выслушает и, конечно, хладнокровно изречет: «Дурак, и больше ты никто. Что тебе еще сказать!» После чего о сем разговоре забудет.

Между тем глупая мечта наполняла его внутренним светом, а раз так, что же в ней плохого? Напротив: она благородна, она прекрасна.

Друзьям своим он не обронил бы и той туманной фразы, не случись накануне маленького происшествия, несколько выбившего его из привычной колеи.

Накануне у Владимира Андреевича был целый вечер пустой: дел никаких, встреча с друзьями назначена на завтра. Потолкался у Большого театра, надеясь купить билет «с рук», - не повезло. Тогда отправился на Красную площадь, где очень любил бывать, и в особенности по вечерам. По вечерам здесь рассеянный свет прожекторов, праздничное, разноязыкое многолюдие...

Он гулял по площади, отрешенно улыбался незнакомым людям, подолгу смотрел на купола Василия Блаженного и вдруг в ровном говоре, стоявшем вокруг, услышал явственно фразу, произнесенную девичьим голосом:

- А в меня часто влюбляются!

Сказано было весело, с беззаботным смешком, с лукавой безоглядной интонацией. Владимир Андреевич живо обернулся - кто это мог так сказать? - и увидел проходящую сквозь толпу пару: пожилой, слегка скособоченный то ли от тяжелого портфеля, то ли от физического недуга, крупный мужчина и рядом с ним тоненькая девушка в кожаном пальтишке, в вязаной ярко-алой шапочке. Она говорила, говорила, почти не переставая и как-то странно вдруг вспыхивая смехом. А ее спутник что-то отвечал глуховатым голосом, и Владимир Андреевич поймал печально любующеся выражение его глаз, когда тот смотрел на нее.

Нетрудно было догадаться, что эта пара - малознакомые люди, возможно, только что разговорившиеся. Владимир Андреевич проводил их взглядом и как-то сразу заскучал, загрузил...

Четверть часа спустя он вдруг увидел их снова. Они брели в обратном направлении, именно брели, неторопливо, нога за ногу, и все так же увлеченно беседовали. О чем они могли толковать? Да не важно. Ясно было только то, что этому пожилому человеку приятно беседовать с юной девушкой, а той лестно его внимание.

Поддаваясь безотчетному чувству, Владимир Андреевич пошел в том же направлении, что и они, иногда теряя их в толпе и тотчас снова находя. Возле Василия Блаженного они остановились и долго разговаривали, а он ходил в отдалении и укорял их: «Ну, будет вам! Как можно так долго говорить! О чем?» Вот сейчас они попрощаются, и он подойдет к этой девушке и заговорит с нею. Мережников заранее волновался, волновался до того, что все тело подрагивало, как от холодной сырости, хотя вечер был теплый.

«А в меня часто влюбляются!..» Он улыбался, вспоминая, и неторопливо выписывал восьмерки перед Спасской башней. Вдруг увидел, что пожилой собеседник «красной шапочки» идет один в сторону Замоскворечья; Владимир Андреевич оглянулся - девушки нигде не было видно. Он сразу запаниковал и торопливо пошел к тому месту, где она только что стояла, и увидел вдруг ее в толпе, в нескольких шагах от себя.

- Вот, девушка, - сказал он ей, поравнявшись. Я чуть было вас не потерял...

Девушка обернулась: кому это говорят?

У него и впрямь был вид человека, только что счастливо нашедшего свою пропажу, и голос звучал обрадованно.

- Кто этот симпатичный мужчина, с которым вы так увлеченно беседовали?

Она засмеялась, как вспыхнула, и смехом покрыла возникшую неловкость.

- А-а... Очень интересный человек! Я так разболталась с ним, так разболталась...

- Небось преподаватель из вашего института или что-то в этом роде?

- Нет, он назвался научным сотрудником... чего-то там.

- Очень почтенная должность.

С этого начался их разговор и потек довольно свободно, без напряжения, без фальши. Мережников сказал, что у Новгородского кремля тоже есть Спасская башня, и стал объяснять различия, исторические и архитектурные, обоих кремлей: в Москве и в Новгороде. А девушка оказалась заинтересованной слушательницей, спрашивала, удивлялась, восхищалась. Вот так, беседуя, они шли по Красной площади, а потом Владимир Андреевич заговорил, все более волнуясь:

- Мы с вами через четверть часа или чуть позже расстанемся и даже не будем знать друг о друге, кто мы и что мы. Просто встретились двое людей в великом круговороте, поговорили и разошлись. Поверьте, я не стану набиваться на знакомство, спрашивать, как вас зовут, где вы живете и прочее. Но ведь как все это странно, согласитесь!

Она согласилась, весело улыбаясь и поправляя шапочку.

- Что-то мне грустно сегодня, - признался Владимир Андреевич. - Так грустно! Должно быть, оттого, что на весь вечер остался совершенно один. И все это усугубилось как-то...

Он растерянно развел руками.

- Да что вы! - она вспыхнула смехом. - А я так очень люблю оставаться одна.

Смешная девчонка и очень милая. Мережников улыбнулся:

- Я говорю совсем об ином - об одиночестве в толпе, в комнате, полной людьми, в шумной застолье...

Он увлекся, пустился в пылкое и откровенное рассуждение, спутница поглядывала на него серьезно, озабоченно, внимательно.

- Нет, не о том что-то я, - глубоким вздохом и раскаянно прервал свою речь Владимир Андреевич. - Давайте о чем-нибудь повеселее. Что у вас из дежурной тематики? О театре, что ли, а? А часто ходите в театр?

- Не очень... Но, продолжайте, пожалуйста. Вы так говорили... Я впервые слышу, чтобы так...

Владимир Андреевич потом и не мог вспомнить, сколько раз

они пересекли площадь от Василия Блаженного до Исторического музея и обратно, после чего брели вдоль ограды Александровского сада, наконец, оказались у гостиницы «Москва», в которой он тогда жил. Здесь, у метро, попрощались. Он смотрел, как она спускается по лестнице, и ему хотелось остановить ее, сказать напоследок что-то значительное, что-то очень важное. Она снизу глянула на него, стащила с белокурых волос алую шапочку, помахала ею, улыбнулась печально и исчезла.

И сладостно, и горько было ему оттого, что она ушла, не оставив ему ни имени своего, ни адреса - ничего. Он не знал, будет ли сожалеть потом, но и в эту ночь, и на другой день, то и дело мыслями возвращался к ней, видел ее внимательные глаза, обращенные к себе, и слышал тронувший его голос: «Продолжайте, пожалуйста. Вы так говорили...».

И вот когда сидел с друзьями, которых давненько не видел, вздохнул вдруг. «Подошла бы... пошел бы хоть на край света».

21.

День и два прошло, он все хотел встретить соседку, остановить и сказать ей очень мягко, очень вежливо и очень деликатно, сказать заготовленные загодя слова: «Послушайте, я совсем не против того, чтобы вы по субботам шептались с кем-то в постели. Меня это даже забавляет, хоть и не всегда. Но, как порядочный человек, я должен вас предупредить, что мне все слышно. Может быть, и не только мне. Понимаете?»

Но именно в эти дни он не видел соседку.

И наступила вновь суббота, и все повторилось, как прежде. Даже с тем же заботливо-нежным вопросом...

Услышав это, он сгреб в охапку подушку, одеяло, тюфяк, хлопнул все в соседней комнате на пол, крепко закрыл дверь в свой кабинет и улегся спать прямо на полу. Ни шороха, ни звука не долетало сюда от соседки, но он не мог уснуть. Было жестко, было досадно, было горько неизвестно отчего. Он чувствовал себя глубоко оскорбленным.

Эта бессонная ночь тяжело далась ему.

В понедельник утром перед тем, как идти на работу, он стоял на лестничной площадке и поджидал соседку. Поджидал затем, чтобы сказать ей давно приготовленное. Ведь надо же было ей это сказать!

«А может быть, не надо?.. Нет, скажу».

Он вздрогнул, когда открылась дверь ее квартиры и выбрался, держась за стенку, малыш, а вслед за ним показалась мать, а больше никого.

- Доброе утро, - сказала она и чуть склонила голову, то ли перед ним, то ли к малышу.

- Доброе утро, - ответил Мережников и больше не проронил ни слова. Странное волнение охватило его, и он не смог справиться с ним.

«За что сужу? - опять подумал он, пожимая плечами. - Кто она мне и кто я ей? Так в чем же дело? Она нарушает мой обывательский покой? Но ведь виновата не она, а прелести крупнопанельного домостроения. Что-то во мне стариновское появилось, ханжеское...».

В тот день он сказал жене с веселой досадой:

- Пряма черт знает что! Хоть квартиру меняй. По субботам невозможно спать.

Жена подняла на него вопросительный взгляд.

- Какие-то странные звуки всю ночь раздавались там, - с усмешкой пояснил он, кивнув на соседнюю квартиру.

Жена понятливо улыбнулась, потом вдруг нахмурилась, осененная внезапной догадкой, и сказала:

- Так вот почему ты будил меня в тот раз! Это было в ночь с субботы на воскресенье.

Она уставилась на него, и густая краска поползла ему на щеки. Точно так же, от гнева и возмущения, вспыхнула Любовь Ивановна.

- Боже мой! Какая низость!.. - выговорила она. - Что за скотские побуждения!

Они особенно пылко поругались в этот день.

22.

Счастливо выдуманная история о девушке, влюбленной в него, служила ему утешением, пусть и кратким, в те сирые минуты, которые выпадали на его долю в последнее время. Он возвращался к ней, как ребенок к любимой игрушке, с нею засыпал, с нею утром вставал с постели. Она наполняла неосознанным ожиданием все его существо, чем бы он ни занимался. И чем круче заваривалась вокруг него житейская сумятица, тем доверчивей была его приверженность к глупому вымыслу.

Он шел с работы домой обычно с тягостным предощущением грядущих неприятностей. Если жена была дома - а это случалось довольно редко, - он долго старательно мыл руки, чтоб у Любви Ивановны было время собрать на стол и уйти в соседнюю комнату. Обедал или ужинал в одиночестве, придерживая на краю стола книгу.

Поужинав и выйдя из кухни, Владимир Андреевич вежливо осведомлялся о чем-нибудь, например:

- Кто-нибудь звонил?

Он не хотел еще более обострять отношений, надо было как-то удерживать их на достойном уровне. Любовь Ивановна тотчас холодно советовала:

- Если ты думаешь, что мне кто-то будет звонить тайно от тебя, подключи магнитофон.

«Приглашение к диалогу», - усмехался муж и вместе с тем чувствовал, как злость уже шевельнулась в нем.

- Я о тебе, - говорил он тихо и с расстановкой, - теперь волен думать что угодно. Если ты способна на флирт возле мусорной машины и на лестничной площадке...

Он знал, что ее больше всего сердит это дурацкое обвинение, потому и пользовался им. Любовь Ивановна делала над собой усилие, чтоб не сорваться и не наговорить по горячности чего-нибудь, и уходила в другую комнату, включала телевизор, а Владимир Андреевич чувствовал себя удовлетворенным.

Если он осведомлялся довольно невинно: «Ты нынче рас-

строена?» - или что-нибудь в этом же духе, она, краснея пятнами и блестя глазами, срывалась с ровного голоса:

- Расстроена, потому что давно не виделись. Ясно тебе?

Ей казалось, что муж ее подозревает всерьез, и ее особенно оскорбляло это.

- Ясно, - отвечивал он. - А кричать к чему? Вон дочь сидит. Ее не интересуют твои интимные обстоятельства.

После чего надо было непременно и поскорей разойтись по разным комнатам, иначе следовал злой «диалог», в котором они не щадили друг друга.

Отношения у супругов Мережниковых портились не поймешь из-за чего. Взаимная холодность друг к другу превратилась в неприязнь, неприязнь переросла в раздражение - все это рано или поздно должно было вылиться наружу, а повод найдется, не в нем дело. Однажды муж увидел Любовь Ивановну мирно беседующей у подъезда с соседом. Этот сосед был пожилой мужчина, всегда щеголевато одетый, немного кокетливый в манерах. Беседа у них шла, как заметил Владимир Андреевич, «не по правилам». То есть его жена разговаривала с соседом заинтересованно и благожелательно, как она разговаривала всегда и со всеми, а тот принимал это как благосклонность к нему лично, потому поигрывал и голосом, и глазами, что не понравилось Владимиру Андреевичу.

- Этого старого козла надо проучить, и я это сделаю, - пообещал он жене. - Пусть только еще раз поговорит с тобой подобным образом.

- Следует ли мне, мой дорогой супруг, воспринимать это как вашу ревность? - с шутливой церемонностью спросила Любовь Ивановна, которой сначала вроде бы и приятно было негодование мужа.

- Нет! - ответил он резко. - Я забочусь о своем добром имени! И только.

Разговор этот больно задел Любовь Ивановну, тем более что она не замечала заигрывающих интонаций в голосе соседа и считала все чистейшим вымыслом своего мужа. Она была поражена тем, что Владимир Андреевич может вполне серьезно подозре-

вать ее и даже опасаться за свою мужнюю репутацию - это было оскорбление, которое мобилизовало в ней все злые силы, и теперь она была излишне гневлива и не прощала мужу и малости. А ничтожность внешних поводов к ссорам угнетала их обоих.

Тихо и чинно было в квартире Мережниковых. Муж с женой старательно делали вид, что ничего особенного не происходит, что все идет нормальным порядком. Однако притворство удавалось плохо, и семилетняя Джуля то и дело с испугом поглядывала на молчаливых родителей.

И о щеголеватом соседе уже оба забыли, а напряженная атмосфера в семье Мережниковых осталась: тучи нанесло до самого горизонта, и не видать просвета. Лишь изредка как бы расступались они, и выглядывало солнышко - улыбка всходила на красивое лицо Любови Ивановны, и взгляд ее на мужа был ласков, как в былые дни. Если это совпадало с его добрым расположением духа, они могли разговаривать о чем-нибудь вполне нормально. Например, о соседке.

- Если в субботу будет опять то же самое, пойдем к ней и объяснимся, - решила она. - При этом хахале. Да-да, будь мужчиной! Мы должны выразить свое отношение к этому безобразию. Шугануть его хорошенько...

- Чистоту телесну храни, - проговорил муж с улыбкой, - кроме жены своей не знай никого и пьянственного недуга также берегися, в дву сих главизнах вся злая сводятся до ада преисподняго...

Любовь Ивановна любила решительные поступки, и он знал, она именно так и сделает, потому злополучной субботы ждал, как очередную надвигающуюся беду.

Однако суббота, против ожидания, оказалась тихой. Ребенок соседки долго играл жестяными игрушками, бегал по комнате, звал мать, а та чем-то была занята: то ли с посудой на кухне, то ли стиркой в ванне. Никто не пришел к ней, и Мережниковы в эту ночь уснули успокоенные.

Неделя миновала, и снова суббота оказалась тихая. Потом следующая - и опять у соседки никого. Супруги Мережниковы

уже не вспоминали о ней. Однажды только, во время очередного краткого «прояснения», Любовь Ивановна спросила с иронической усмешкой:

- Володя, теперь спокойно спишь?

Он заподозрил, что она исполнила свое намерение и объяснилась с соседкой.

- Ну вот еще! Я с ней не разговаривала, - решительно отвергла жена. - Это ниже моего достоинства - знаться с такими женщинами.

Ниже ее достоинства... А и в самом деле их трудно представить рядом. «Какое дикое сопоставление: моя жена и эта! - думал он удовлетворенно. - Моей Любе хоть медаль давай за осанку, за статью, да что ж, и за нравственность тоже. А та - должно быть, просто распустеха, бабенка без строгих правил».

Распустеха, однако же вот... нравится кому-то! А на него, своего соседа, и не смотрит даже. А ведь его хладнокровная, рассудительная жена считает своего мужа красивым: «Хоть и не румяное ты яблочко, а шибко привлекательное - можно на выставку, как образец».

23.

В бабьем царстве в большом ходу были розыгрыши и всяческие глупости. Здесь подчас происходило такое, от чего Владимир Андреевич, не раз бывший тому свидетелем, смеялся до изнеможения. А посмеяться он любил. Зная за Мережниковым эту слабость, женщины, как только он появлялся, затевали очередной спектакль или, как это у них называлось, «производственную пятиминутку».

Вера Станиславовна, солидная, очень серьезная женщина, поднимала телефонную трубку и набирала какой-нибудь номер, тыкая в вертушку пальцем наугад. Если ей отвечал мужской голос, разговор шел примерно по такому сценарию:

- Здравствуйте! Ой, я, кажется, не туда попала. Все время срывается семерка. Тут какое-то колдовство. Как только наберу

ее, так попадаю неизвестно куда. Вы уж извините, ради бога, у нас телефон шалит. Надо же так!

С этого Вера Станиславовна входила в роль, и это же служило ей как бы пробным шагом, разведкой, на-сколько податлив собеседник. Далее шло веселей.

- Звоню Пете - это мой муж, - узнать хочу, уехал он в командировку или нет. Вот звоню ему, а слышу вдруг такой приятный мужской голос. Ха-ха. Нет, у него не такой приятный. Вот что автоматика творит: набираешь мужа, а тебе выпадает чужой мужчина. Ха-ха... Вам можно по телевизору выступать. Такой бархатный тембр. А мы бы на вас смотрели. У меня сынишка очень любит телевизор... Он сейчас у бабушки гостит. Нет, не телевизор, а мой трехлетний сын... Ах, что вы! Где уж там молода! На днях двадцать пять исполнится.

Далее разговор принимал оттенок все большей и большей интимности.

- А я всегда боюсь газовой колонки, - говорила Вера Станиславовна изнеженным голосом, не обращая внимания на сдавленно хохочущих подруг. - Как, знаете, перед сном входите в ванну, колонка шумит. Страшно... Особенно когда одна. Да. Посмотрю на себя в зеркало - у меня глаза вот такие. Нет, что вы! У нас в ванне зеркало не очень большое... Ну, уж вы скажете...

В комнате уже всхлипывали и постанывали от смеха, Вера Станиславовна грозила кулаком и продолжала в том же духе. Телефонный роман развивался в соответствии с законами диалектики: разговор заканчивался договоренностью о том, «где встретиться». Положив трубку, она говорила:

- Ну, девки, нынче в пять он будет дежурить возле памятника Тысячелетию, под фонарем. Оповестительный знак - свернутая в трубочку газета, как в детективном фильме.

В пять часов обитательницы бабьего царства ходили к памятнику Тысячелетию России смотреть на «шпиона» с газетой.

Ходил однажды и Владимир Андреевич: любопытство одолело. Это когда Вера Станиславовна совратила Алексея Викторовича Балина.

- Да ну! - не поверил тогда Мережников. - Он не придет. С моим директором у вас ничего не выйдет, это человек морально стойкий. Тут вас ожидает великое разочарование.

- Придет! - уверяли его. - Как миленький прибежит. Будет стоять, где и назначено: под аркой кремля, возле сувенирного киоска. Спорим?

Вот тогда Владимир Андреевич и отправился посмотреть.

- И каково же было мое удивление... - рассказывал он потом в бабьем царстве и хохотал до слез. Удивление его было действительно велико.

Алексей Викторович ходил под проездной аркой кремля, что со стороны Волхова; в левой руке он держал, как и было условлено, свернутую трубочкой газету. Он имел, как всегда, вид солидного, занятого важным делом человека.

- Ну какие же все мужики дураки! - дивились, ахали в бабьем царстве.

Тоня по-детски вопрошала:

- Неужели и мой такой же?

- Твой лучше, - уверяли ее, фыркая от смеха.

А Валентина довольно мрачно предлагала:

- Давай испытаем, чтоб тебе не думалось. Позвонить ему?

Тоня пугалась и говорила:

- Нет, не надо. Вдруг и правда. Как я тогда с ним жить буду?

- Твой не поддастся, - очень серьезно говорила Вера Станиславовна, и от этой ее серьезности смех вспыхивал еще дружнее.

Иногда за телефонный розыгрыш бралась сама Тоня, но у нее получалось совсем не то. Она имела крупный недостаток: была смешлива, а это при розыгрышах совсем ни к чему.

«Что за смех, когда речь идет о любви!» - журила ее Вера Станиславовна.

Тоня бралась за трубку, предварительно насмеявшись и едва сдерживаясь, чтобы вновь не расхохотаться.

- Кто это? - спрашивала она чересчур строго. - Строительное управление... - на лице ее отражалась некоторая растерянность. - А мне монтажника. Какого? Любого... Скорей!

Вот эту ее историю, как Тоня Митрофанова попала в стройуправление, потом вспоминали долго, рассказывая вместо анекдота: «Мне монтажника». - «Какого?» - «Любого, только скорей!»

Очередная пятиминутка случилась уже при Людмиле Романовне. Мережников, зашедший с самым грустным видом, сразу развеселился и смеялся больше всех.

- Позвоните Иванову, - предложил он Вере Станиславовне, заранее хохоча.

Иванина на месте не оказалось, и это спасло члена-корреспондента Академии наук от розыгрыша.

- Давайте в газету звякнем, - в свою очередь предложила Тоня. - Там есть один, у нас на Ленинградской живет, в береточке, в очках, говорок у него частый-частый, не сразу поймешь, что он толкует. Это он все о выставках да археологах пишет.

- А-а, знаю! Это из отдела культуры. Валяйте, - поощрил Мережников. - Его следует, он заслужил.

Вера Станиславовна с равнодушным видом набрала номер:

- Здравствуйте... Вы извините, я очень робею... Впервые приходится... Но, знаете, очень-очень ваши статьи... Просто наизусть помню. Какие именно? А все! Вчера мне вас показали, вы шли по Ленинградской... Вот не ожидала, что вы такой... Такой молодой и необыкновенный! Нынче я вас утром ждала, а вы прошли и даже не взглянули...

Пятиминутка растянулась на полчаса.

24.

- Любовь изобрели мы, женщины! - говорила Людмила Романовна, поглядывая на молчаливого Мережникова. - Ведь началось с чего? Мужчины являлись в пещеру, приносили кусок мамонта, складывали в углу каменные топоры и подходили к огню погреться. А тут сидели мы, питекантропки и неандерталки. Они, грубые, примитивные, хватали нас и тащили по углам. Уж, казалось бы, чего проще: покорись, перетерпи. А мы не покорялись! Мы визжали, царапались, плевались - нет! Сначала потанцуй вокруг

костра, попрыгай через огонь, обрубь топором космы на башке, а потом уж... может быть и...

Людмила Романовна живописала с жаром, почти вдохновенно: Тоня влюбленно смотрела на нее, не переставая смеяться.

- Они были страшно неотесаны и с трудом поддавались дрессировке. Однако мало-помалу... Сначала некрасивые телодвижения вместо танца, дикие выкрики вместо песен, потом уже началось искусство. Рисунки на скалах... хоровое пение на один голос... односложные эпитафии на камнях... Ну а дальше - балет, серенады под окном, симфонии...

- Поножовщина, - подсказала Валентина мрачно.

- Рыцарские турниры! - не согласилась с нею Людмила Романовна. - Да-да, турниры! Кулачные бои и сражения гладиаторов. А мы их подталкивали: превосходи своих соперников пылкой храбростью, силой, умом! Выдумывай, исследуй! Здесь начало наук. Так ведь, Владимир Андреевич?

- Так, так, - кивнул он. - Последовало изобретение велосипеда и пороха...

- Истребление фауны и флоры, - опять довольно мрачно подсказала Валентина.

- Пьянство и распутство, - еле выговорила Тоня.

- Да ну вас! - почти рассердилась на своих соседок Людмила Романовна. - Чем занимались ваши бабушки, интересно знать, если у вас в крови такое... Полное отсутствие романтики! Вы что?! А я вам говорю: науки, искусство, прогресс - вся цивилизация! - это следствие любви, которую изобрели мы, женщины.

25.

И в девушках, и будучи уже замужней женщиной, Людмила Романовна всегда ревниво следила, какое производит впечатление, и почти всегда это приносило ей большое удовлетворение. Не было такого, чтоб вот кто-то ей нравился и при этом не обращал бы на нее внимания. Наоборот! Шла ли по улице - она ловила на себе заинтересованные взгляды; сидела ли в гостях - за нею

ухаживал и сосед справа, и сосед слева, и тот, что напротив; ехали в поезде - в ее купе был самый интересный разговор, и шутки, и смех: это спутники старались ради нее.

Все проявления симпатий она принимала как должное, и даже привыкла к ним. Она находила эти проявления даже тогда, когда их вовсе и не было! «Я женщина, - говорила она себе, - и хороша собой, потому мне поклоняются. Красивая женщина - это королева жизни. У нее всегда должен быть штат вольнонаемных рыцарей, и они у меня есть».

Иногда поклонение доходило до смешного или принимало совсем нежелательные формы, но это уж, как она считала, неизбежно при таком обилии поклонников.

Еще в те дни, когда Людмила Романовна готовилась к переезду в Новгород, когда ремонтировала здешнюю квартиру, ее познакомили с сантехником из соседнего дома: он, мол, и отопление отремонтирует, и стекла вставит - на все руки мастер. Это был мужичок низенький, гораздо ниже среднего роста, хитро соображающий, в молодцеватой кожаной каскеточке, какие носят шоферы-таксисты. Лет ему уже за сорок, а звали его дядя Вася.

- Для вас просто Вася, - сказал он ей в тот день, когда пришел поставить в кухне мойку для посуды, при этом оглядел ее довольно откровенно, что показалось

Людмиле Романовне забавным. «О, этот дядя Вася - хват!» - подумала она тогда и позволила себе поговорить с ним в том же легком и веселом тоне.

Дядя Вася денег за работу не взял, а, уходя, обещающе сказал:

- Вы, если что, зовите меня... Кран там потечет... или скучно будет.

Проводив его, она расхохоталась. Дядя Вася был явно туповат и некультурен и попросту хамоват, но то, что и он отныне в ее поклонниках, было ей почему-то приятно.

Поскольку она его потом не приглашала, то он пришел сам. На этот раз Людмила Романовна была не одна, дочь приехала оглядеть новое жилье, и дядя Вася, покрутив вентили в кухне и

в ванне, ушел ни с чем. Но все-таки, улучив момент, подмигнул хозяйке весьма недву­смысленно: я, мол, понимаю, конспирация и все такое прочее, я-де потом приду.

Следующая встреча произошла у них на лестничной площадке довольно случайно, недели через две. Дядя Вася поинтересовался, не уехала ли дочь, и, услышав, что нет еще, сокрушенно помотал головой. Бес толкал и Людмилу Романовну, ее забавляло это ухаживание сантехника. В их коротком разговоре он выяснил, куда она поступила работать, и обронил: «Хорошо, я зайду». Она тогда полагала, что обещание зайти - всего лишь форма вежливости, и даже сказала: «Заходите», - и тотчас забыла об этом.

И вот сегодня дядя Вася, красный от волнения и натужно улыбающийся, появился в дверях бабьего царства. Его появление было так неожиданно, что Людмила Романовна тоже растерялась.

- Что вам? - спросила вежливо Тоня.

Дядя Вася беспокойно бегал глазами и бормотал с улыбочкой:

- А я это иду мимо... Зайти, думаю?..

Людмила Романовна смотрела на него холодно, как подобает смотреть на незнакомого человека. Дядя Вася что-то уразумел и сконфуженно попятился.

Как раз в этот момент вошел Мережников, вежливо посторонился, пропуская сантехника, и Людмила Романовна тотчас заговорила с Владимиром Андреевичем, чтоб отвлечь всеобщее внимание от дяди Васи. Тот исчез, и она облегченно вздохнула.

Слава богу, никто не заподозрил ничего, а иначе... Людмила Романовна легко могла себе представить, что последовало бы, догадайся кто-нибудь, что этот неказистый мужичок пришел именно к ней. То-то было б веселья! И надолго.

Мережников и разговаривал, и улыбался, и даже шутил, но от наблюдательного взгляда Людмилы Романовны не укрылось, что была в этом принужденность, что-то мешало ему, что-то печалило.

«Почему у него такое выражение в глазах, - думала она, внимательно следя за ним, пока Вера Станиславовна развлекала ком-

панию. - Вот уж и смеется, а все равно... Что его тяготит? Молодой, красивый, умный... Чего вам не хватает, милый вы мой? Ведь все прекрасно. А мелкие огорчения - это пройдет. Я загорожу вас от всех печалей».

Она перебирала в памяти прошлые их разговоры, вспомнила, как он в прошлый раз упомянул соседа и пошутил про «мусорный роман». Может, за этим что-то кроется? Дай-то Бог! От его красавицы небось всего можно ожидать.

И Людмила Романовна с возрастающей неприязнью думала о жене Мережникова: «Что имеем - не храним, потерявши плачем. Так-то, голубушка!»

26.

Было известно, что Мережников располагает уникальной именной картотекой: будь то Великий князь Киевский или слуга захудалого новгородского боярина, если только в летописях, в документах ранней русской истории кто-то был назван по имени, значит, на него заведено что-то вроде паспорта в картотеке Владимира Андреевича, которая вот она, в его домашнем кабинете.

«Писана кабала на Семейку Сысоева сына... а ростом средней, молод, лет в двадцать, глазат, языком момотлив», - занесено в кабальную книгу.

А не отзовется ли этот Семейка, что «языком момотлив», еще раз из необозримого пространства давно ушедшего времени и не совершит ли что-нибудь во славу русской истории? Потому в обширной картотеке Мережникова заведена на Семейку карточка со всеми «особыми приметами», датой и местом упоминания, короче говоря, всем, что только известно о Семейке Сысоевом сыне. Долетит о нем вторая весть - вместе с первой будут пополнять друг друга. Честь и место Семейке!

Еще больше честь и еще почетнее место новгородцу Замятне, уже имеющему и облик, и деяния - значит, он не умер, запечатлелся в Слове.

Отец его Некрас был одержим бесом стяжательства. Бес этот водил Некраса и на Колу, и к Сурожскому морю; отец брал сына

с собою в Югру, когда Замятня был отроком. Юный купец к торговому делу был прилежен, но более обнаруживал интереса к новым людям и к новым землям да еще к книгам.

Отец ушел в Булгар, оставив сына с малым товаром в Великом Устюге. Здесь настигла Замятню весть, что Тохтамыш пограбил и побил русских людей в Булгаре, о чем с сокрушением сердца писано осиротевшим отроком в Великом Устюге. Он уже знает, что мертвого отца с товарищами татары пустили в челноке по течению Камы.

Торговые ли дела повлекли или великий дух странствий - на другое лето отправился Замятня на Вычегду, а от устья Вычегды в сторону Каменного Пояса. Дошел до того места, где в толстых пластах известняка зарождается река Вым, о которой он слышал в Новгороде. В верховьях Выма Замятня заболел, и надолго. Выхаживали его пермяки, вода за исцелением к лесным божествам. О деревянных бабах, о грудах гниющих возле них дорогих мехов - куниц, рыси, черной лисы, соболя; о серебряных чашах с неизвестными письменами и узорами, о белых полотнах - обо всем этом и прочем с удивлением повествует новгородец Замятня то ли в письмах, то ли в путевых записках. Для кого и кому писано неизвестно.

В одном месте упоминается «дарь твой» (не о приданом ли?) и «дедко», где речь явно идет о Вячеславе Прокшиниче, должно быть, новгородском посаднике.

Все любопытно и загадочно.

От пермяков Замятня собирается уйти по короткому волоку с Выма на Ухту-реку...

А что с ним было дальше? Увы, никаких свидетельств!

А если свидетельства все-таки где-то имеются?.. Надо искать. Замятня того заслужил.

«Се яз, игумен Христофор, купил есми у Микиты у Ондреева пожню на Выксе... да гуменцо к той же пожни по старую между, да жар лес... У Василя Прокшина сына Калытырина с товарищи куплено избенко с гуменными хоромы на уголье к каменному делу».

И рачительный игумен Христофор не потонул в безвестье, и он тут же, в кабинете Мережникова.

Несколько лет назад он выудил из океана забвения Ириньцу. Та Ириньца была дочерью ведерника Ворошила Власьева с новгородской Редятиной улицы, что в Людином конце. Была Ириньца «велелепна и велеозарна красотою лица своего, высока, чиста, доброноса, чистома бровма и велеока». Отец, как сказано было в старинной рукописи, обратился к ней с такой речью: «Чадо, доспела еси цветом полевым, реци ми, коего ти царя син годе есть, да с тем тя венчаю...».

Знать, небездоходно делал свои ведра Ворошило, имевший «землю орамую и луговую» по реке Шелони, и по стати невесте приготовил приданое, раз считал, что дочь его достойна любого жениха, даже царского сына.

Вдруг появляется в полустершихся записях ильменский рыбарь Жданко Полочанин и возлюбил дочь ведерника. Отец того Жданко, как явствовало из другой рукописи, был приведен в веденцах с Волосина Поля, а где то Поле - должно быть, в Полоцкой земле. Иначе откуда прозвище Полочанин?

«Жданко, видевши ю, начаша ю вабили за Днепр в Волоскую землю на реку Ревлю»...

Сманивал, значит, девку ухарь-полочанин. Да, видно, не по нраву пришелся Жданко ведернику Ворошале или тяжело было отцу расставаться с Ириньцей, не хотел он «вдати дочь в супружество». Может, за крепким запором держал ведерник красавицу дочку, или сама она чтала отцову волю, и ушел обиженный Жданко с купеческим обозом на юг.

Ветхая, распадающаяся рукопись повествовала далее: «Том же летом стоя все лето ведром и пригоре все жито. И бысть глад в Новгороде, и мнози хлебные ради скудости едыху траву и коренья, и млеко в дни постные».

И еще несчастье: «Сему же Ворошале случися огнеюю болезнию болети тяжко вельми до толика, еже не знати ему от умножения болезненаго и своих домочадец».

Обрывок надписи, найденный Мережниковым много вре-

мени спустя, гласил: «Погребен бысть Ворошило на буевище за Веряжею». О ведернике ли речь, о другом ли новгородце, кто знает!

Осиротевшая Ириньца в другое лето отправилась в долгий путь: может, надеялась найти Жданко, а может, весть ей прислал. К празднику святой троицы «придоша в Цернигов» Ириньца. «Во граде же Цернигове бысть в те дни ведро и воздух благорастворен, и кротко, и тихо, и светлость велиа зело». В добрый час пришла она сюда!

Однако не все то добро, когда «мнози очи имут на ню». Поселилась она у Павлы, вдовы сукновала, и здесь «старец же ветхой сей, Орефа-бортник, юностьными облегает себе вещьми, Ириньце привязается законом брака», улещает «зелом богатством».

Нехорошо, старче! Грех... А вот и заговор влюбленного бортника: «Горело б у рабы Божии ретивое сердце по мне, рабу Божию Орефию, в день при солнце, в ночь при месяце, месяца ветха, полна и перекроя, то по всякой день, по всякой час...».

Но «того же лета подрядился Жданко Полочанин наломать где доведется камени белого и ис того камени Неудаче Осташкову в Цернигове в готовой вертке скласть две печи добрым мастерством».

Да он на все руки мастер, этот Жданко, - и рыбу ловить, и печи класть! Такой упустит ли девку, что «чистома бровма и велеока»? Нет, не упустит. Жданко небось плечист и румян, радостив, леп, доброходен, с молодой кудрявой бородой (которая так ласково, так нежно щекочет шею!), с веселыми глазами, в которых сине, как в родном Ильмене, с голосом, которому идет и сладкий шепот и удалая песня. Зря старался ветхий старец Орефа, не улестить ему девку ни зелом богатством, ни юностьными вещьми, не приворотить колдовским словом. Прощай, бортник Орефа, ты рано родился на свет и уйдешь рано, а Ириньца останется с Жданко...

То ли в самом деле одна судьба сложилась, то ли выстроились случайно в ряд пестрые свидетельства о разных людях - трудно сказать. Но Мережников уже привык к этим людям, и каждого представлял себе, как живого: и глыбистого, угрюмоватого Во-

рошила, и суетного, мелкого сластолюбца Орефу, и этих двоих...

Как хотелось ему думать, что идиллическая любовь сопровождала новгородскую красавицу и полочанина во всю их жизнь! Однако Мережникову попались в руки однажды разрозненные страницы неведомой рукописной книги без начала и конца, из которой явствовало, и что то ли внук, то ли племянник киевского князя Олелько, как сказано, вернулся в Киев, «с чужой жонкой Ириньцей» и она тоже «велелепна и велеозарна красотою лица своего». Вот тут и гадай: уж не та ли это, что с Редятиной улицы Новгорода? Время - то же, имя - то же, облик тот же, вот только место... А не увел ли свою невесту Жданко за Днепр, в Волоскую землю, на реку Ревлю? Ведь этот безымянный княжич вернулся в Киев, как сказано, именно из Волоской земли. Не приглянулась ли ему там чужая жонка, да и не увез ли он ее силою?

А что же Жданко, рыбарь и каменщик? Что с ним? «С чужой жонкой», - значит, не со вдовицей. Что же случилось? Ведь не без своей охоты уехала Ириньца с княжеским отпрыском, ибо обоих прогнали из Киева. Куда? Где теперь искать ее следы?

Некий княжич появился в Польше... С женой и малой дружиной. Не тот ли?

27.

Нынешний день был для Мережникова удачен. В записях, сохранившихся неведомо как среди прочих бумаг Евфимьевского монастыря, оказалась одна довольно любопытного свойства: из нее пролился свет на судьбу игумена Иллариона, водившего дружбу с Прокшиничами. Игумен, как сказано, подарил внучке Вячеслава Прокшинича в день ее свадьбы святое евангелие «дивной работы», привезенное из Галича. Эта внучка выдана замуж за торгового человека, с которым была обручена чуть ли не с детства.

Вот уж не ожидал Мережников выудить такие сведения! И откуда! Из книги записей расходов и доходов, куда чья-то досякая рука вписала вдруг строки, как золотую нитку в рядовую ткань.

Не о Замятне ли часом речь? Не он ли это вернулся с Каменного Пояса, привезя с собою записки о виденном и слышанном для своей невесты? Скорей всего нет. Однако...

Эти монастырские бумаги, кое-как прошнурованные, некогда подмоченные, истлевшие, уже были однажды в руках у Мережникова, и он просматривал их, но бегло, и не смог разобрать тогда, о ком идет речь на тех вшитых позднее листах. А нынче пригляделся более внимательно, и вот...

Поистине никогда не знаешь, где потеряешь и где найдешь.

Мережников выглядел именинником и справедливо посчитал, что заслужил некоторую награду. А за окном жаркий день, велико желание искупаться, так почему бы и не поддаться искушению!

Пляж возле кремля самый ближний. Конечно, за городом, возле Юрьева монастыря, и вода попрозрачней, и песок почище, да только туда добираться-то сколько! А тут - вон он! - под боком. Сюда можно заглянуть и в рабочее время.

Солнце над головой горячее, речная гладь сверкает ослепительными бликами, на пляже людно. Мережников разделся и, жуя пирожок вчерашнего производства, купленный по дороге, смотрел на блистающую реку, на праздничную толпу храмов в Ярославом Дворище за Волховом, на остатки довоенного моста... «Тое же осени внесе вода и лед и снег в Волхов, и бысть велика вельми и вышибе пятнадцать городень Великаго мосту».

Он представил себе мимолетно эти «городени», усмехнулся и продолжал размышлять.

Если повезло любознательному купцу Замятне Некрасову и он вернулся с Ухты-реки жив и невредим - это значило, что повезло и ему, Мережникову. Ведь в таком случае можно было надеяться, что грамотей Замятня не оставил благой склонности записывать впечатления о путешествии, обо всем виденном и слышанном. Следовательно, можно предположить, что где-то еще затерялись его записи и ждут своего открывателя.

Но даже и без них, лишь бы подтвердился факт возвращения купца и его женитьбы на внучке Прокшинича. Тогда можно сде-

лать довольно широкие выводы из тех материалов о хитром игумене Илларионе, которыми Мережников располагал. У него была бы хорошая тема для очередной публикации и отличный повод удивить ученых мужей.

Честолюбивые планы, один другого заманчивей, толпились в голове Мережникова. «Только не надо спешить, - одернул он себя. - Не суетись, иначе все погубишь... А то получится, как с тем безымянным Олельковым внуком (или племянником?), что якобы убежал в Польшу. Кстати, нет ли о нем известий в переписных книгах, что привез Слава Фирсановский из Подольска? Вот повезло мужику!»

Им овладело радостное чувство, он словно встрепенулся весь.

Неподалеку расположились две девушки с книжками. Читали они усердно, редко отрывались. Тут же валялись толстые, насквозь исписанные тетради. «Студенточки, - снисходительно подумал Владимир Андреевич. - Июнь, экзамены у них...».

На одной был купальник удивительно ясного голубого цвета. Да и сама она была хороша - гибкая, легкая, светловолосая. Владимир Андреевич невольно наблюдал за нею, поспешно отводя взгляд, когда девушка случайно обращала к нему свое лицо.

Вот она встала, пошла...

- Наташа, погоди! - крикнула ей подруга.

- Да ну тебя, Галька, - отозвалась та.

Галя догнала ее, повисла на ней, но Наташа мягко отстранилась. Нет, ничто не нарушило гармонии в движениях девического тела, так просто, так великолепно облаченного в голубое.

«Да мало ли их, хороших-то! - одернул себя Владимир Андреевич. - Все хороши, пока молоденькие. У меня Люба такая ли ласковая была!.. А теперь что ни взгляд, то строгий выговор с предупреждением. И с занесением в личное дело».

Девушки постояли у воды, о чем-то весело разговаривая, и не стали купаться, вернулись на свое место. Владимир Андреевич лег лицом на руки, но прежние мысли о Замятне и Олельковом

внуке покинули его. Он опять поднял голову и посмотрел на подруг.

«Вот что такое юность человека! - философски загрустил Мережников. - Ничего не делает девчонка: просто лежит. Но сколько в ней грации, сколько изящества! В том, как она облокотилась... В том, как постукивает ножкой по песку... На кого-то эта Наташа похожа. Кого-то очень напоминает».

Владимир Андреевич сходил к реке поплавать. Вода освежила его, и радостное чувство сильней зазвучало в нем. Уходить с пляжа ему уже не хотелось. «Должен же человек когда-то отдыхать».

Оглянувшись - Наташа с Галей стряхивают песок с книжек, с того реденького старенького коврика, на котором лежали.

«А-а! Вы меня покидаете! - весело сказал он. - Тогда я тоже ухожу».

Девушки быстро оделись... «Нет, не оделись - облачились!» - и пошли по асфальтовой дорожке вдоль кремлевской стены.

«Ну да! Это же та «красная шапочка!» - неожиданно пришло ему в голову, но он тотчас усомнился. - Нет, та меня узнала бы. Однако очень похожа. Что, если спросить?»

Мережников заторопился, чтоб поспеть за ними, и, одевшись, пошел следом. Куда они пойдут сейчас? В кремль? А потом?

Но они поднялись к проездной арке кремля, под которой некогда разгуливал Балин Алексей Викторович с газетой в руках, и прошли мимо нее. «Человек имеет право на глупые поступки», - решил Мережников и отправился за ними, держась на почтительном расстоянии.

Галя обнимала Наташу за плечи, что-то все время рассказывала и смеялась.

«Куда они пойдут? - гадал Мережников, поглядывая на них. - Будут переходить улицу возле универсама? Или...».

Девушки повернули направо.

«А-а, вы на мост! Так нам по пути! Я всю жизнь мечтал пройти в том же направлении!»

На мосту ветер налетал с Ильменя, пузырил ему рубаху, трепал галстук, и от этого было опять-таки очень хорошо.

Притворной нежности не требуй от меня...

Что это вдруг ветер поднялся! На пляже казалось, что во-все тихо, а тут... Девчонки придерживали подола платьев, смеялись, волосы их отдувало на сторону. Он различал смех Наташи - как все-таки она похожа на ту девушку, с которой он гулял по Красной площади!

Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой и прежние мечтанья.

Он в эту минуту чувствовал себя по-особенному хорошо, так хорошо, что просто не выразить словами.

Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их выше сил.

А в самом деле: как хороша жизнь! Свежий ветер, солнце, нарядный город... И милый образ твой. Как хорошо!

Вот он, милый образ твой, идет растрепой в невзрачном халатике, под которым голубой купальник, и облачено этим купальником девичье тело отнюдь не идеальных форм и пропорций.

На шумном перекрестке за мостом народу много, Мережниковы затолкали, но ему и это было приятно. Здесь, в толпе, он приблизился к девушкам, уже не опасаясь, что они обратят на него внимание: почему, мол, идет следом.

«Куда теперь пойдём? - спрашивал он у них. - Может быть, расположимся на этом берегу Волхова и опять будем загорать? Или отправимся на край света, где в толстых пластах известняка зарождается река Вым? Мне все равно, я готов».

Но возле кинотеатра «Октябрь» девушки вдруг свернули за угол дома и вошли в «Пончиковую».

«Я всю мою сознательную жизнь мечтал есть пончики!» - сказал себе Мережников и зашел в тесненькое помещенье.

Здесь было жарко и душно, пахло горелым подсолнечным маслом и ванилью. Синий чад от плиты выволакивало в открытую дверь и в окна. «И об этом я только мечтал», - упрямо повторил Мережников и подосадовал, что между ним и девушками в очередь вклинилась толстенная бабища, совершенно заслонив их.

«Так, пять штук пончиков и стакан кофе, - отметил он. - Очень хорошо. Великолепно! У вас завидный аппетит!»

Владимир Андреевич взял свои пончики и кофе, оглянулся, где Наташа с Галей, - те стояли возле столика, за которым вполне хватило бы места и для него. «Но тут мужество покинуло его», - подтрунил он над собой и поместился за соседним столиком.

Нет, это была не она, его собеседница во время прогулки по Красной площади. Конечно, не она!.. А впрочем, если одеть ее позимнему да водрузить на голову алую вязаную шапочку... К тому же не так уж и светло было в тот вечер, и у него не было возможности хорошенько рассмотреть ее лицо. Во всяком случае, она и Наташа были очень похожи друг на друга.

Из «Пончиковой» он вышел было следом за подругами и... остановился. «Хватит, - сказал он себе. - Все-таки эти подвиги не для меня».

Подруги удалялись от него вдоль по улице и скрылись.

«Всё», - вздохнул Мережников, и поскуучнел лицом, и отправился в обратный путь. От недавней веселости не осталось в нем и следа.

На мосту он остановился и долго смотрел вниз, где разбивалась вода об опоры, потом перевел взгляд на кремль и вознесенные над ним купола Софии, на закутанный в дымку силуэт Юрьева монастыря. Лицо его было задумчиво и печально.

28.

На другой день его снова потянуло на берег Волхова.

Владимир Андреевич некоторое время противился этому желанию - все-таки дел много! - потом подумал, что - чем черт не шутит! - возможно, опять увидит этих двух девчушек, и оживился, повеселел и засобирался тотчас.

С горки к пляжу он спускался медленно, искал глазами голубой купальник. Таковых было немало, но Наташи он не увидел. У него как-то сразу пропало желание и купаться и загорать, и уж хотел повернуть назад, да вдруг наткнулся взглядом: Наташа и Галя лежали на том же самом месте, на том же потрепанном одеяле или коврике, опять с книжками, как и вчера.

«А-а, вы здесь! - радостно вскричал он. - Здравсьте! А я это, знаете, случайно шел мимо и вот завернул... Теперь, сами понимаете, расположусь неподалеку от вас. Хорошая погода, не правда ли? Полежим, а потом пойдем есть пончики. Они мне так понравились! У меня жена совсем отбилась от рук, пончиков печь не умеет, и вообще никаких обязанностей не выполняет. Это с женами бывает. Правда, редко, но бывает».

Он разделся и с удовольствием - нет, с блаженством! - растянулся на песке.

«Как дела, Наташа? Когда экзамен? Завтра? Мужайся. Все будет хорошо. Все будет великолепно! И экзамен сдашь, и еще более похорошеешь от загара. Уж это так! Жизнь прекрасна и удивительна - это не я сказал, это все говорят».

Он опять посматривал на них искоса. До чего ж все-таки хороша девчушка! Как славно она закручивает на затылке волосы! Рука узкая, ушко маленькое, розовой раковинкой...

«Ах ты, идиот! Тебе ли бегать за Наташами! У тебя при желании дочь могла бы быть такая... Ну и что? Я же ничего... Я просто так, люблюсь, и все. Что тут плохого? Разве я виноват, что она велелепна и велеозарна красотой лица своего? Чистома бровма и велеока... Опять же про мои подглядывания никто не знает. И я никому не скажу...».

Мережников огляделся вокруг внимательней; нет, другой такой, как она, нет на пляже. Все остальные не выдерживают сравнения, хотя он и самому себе не мог объяснить толком, чем же именно она ему нравится. Ведь не красивей всех... нет, не красивей. Умней? Да что он знает об ее уме! Так в чем же дело?

Подруги встали и пошли к воде, и он с непонятной гордостью следил за Наташей. Вот она вступила в мелководье, осторожно, словно боясь поскользнуться... вот зашла поглубже, поплыла.

В сильном волнении он встал, потоптался на месте, потом тоже пошел купаться.

Десятка два голов поплавокми качались на воде, и среди них была одна, которая и тут сохраняла горделивость. Мережников поплыл совсем рядом с нею. Волосы у Наташи светлые, некоторые пряди чуть золотились, и на висках и на шее так славно завивались в кольца.

- Галина, давай окунемся, - говорила Наташа, тихонько хохоча. - Так хочется! И жалко волосы мочить.

Минуту спустя подруги уже выходили из воды, и Владимир Андреевич вернулся на свое место, следя за ними краем глаза.

Галя легла размашисто, как упала. Наташа, напротив, прежде чем лечь, поправила растрепавшиеся волосы, а потом уже легла неспешно, с мягкой кошачьей грацией.

Мережников усмехнулся.

Порывом ветра взморщило гладь реки, взметнуло матерчатые крыши «грибков», на пляже затрепыхались платья и рубахи у одевающихся и раздевающихся, а у подруг унесло несколько листов бумаги. Листочки эти, исписанные вдоль и поперек, скользили по песку и задержались возле Мережникова. Девушки оглянулись, когда Владимир Андреевич собирал уже их бумажки.

- Что это вы! - весело сказал он им, подходя. - Шпаргалки-то ваши унесло.

Они засмеялись, и он приободрился.

- Шпаргалки - это старо, - Владимир Андреевич опустился рядом с ними на корточки. - Поверьте мне, бывалому студенту:

нынче они уже не в моде. Я окончил техникум и университет - прикиньтека, сколько это экзаменов. Школьные, вступительные, семестровые, выпускные... Да еще кандидатский минимум, да еще защита диссертации. Тут на бумажках писать - себе дороже.

- А где же надо? - спросила Галя.

Она, щурясь, смотрела на него снизу вверх.

- Лучше всего вот тут, с внутренней стороны, - он постучал пальцем по лбу.

- Это как? - недоуменно спросила она, а Наташа засмеялась.

Галя поняла, что ее разыграли, и захохотала громче подруги.

Владимир Андреевич взял один из учебников, прочитал на обложке «Н. Иваненко», положил на прежнее место.

- Се бо суть реки напаяющи вселенную всю, се суть исходяща мудрости, книгам бо есть неищетная глубина, - произнес он тем особенным говорком, каким обычно читал древние тексты.

Девушка в голубом купальнике вскинула на него вопросительный взгляд.

- Это из Ипатьевской летописи, Наташа, - пояснил он ей. - Нечаянно вспомнилось, как там о книгах говорится. Се суть исходяща мудрости...

- А откуда вы знаете, как ее зовут? - удивилась ее подруга.

- Ну, Галя! Разве это так трудно узнать!

- Ой, а мое имя кто вам сказал?

- Это же написано у вас на лице, - пожав плечами, серьезно сказал Мережников. - Учите, учите...

И поднявшись, вернулся на свое место.

«Какие они разные! Вот ведь обе хороши, но - небо и земля. Однако глупо все вышло!.. Зачем-то про диссертацию сказал... Кретин».

29.

- Ах, господи! И что это за мужчины пошли?! Все торопятся, все спешат... Куда спешат? Зачем?

- Нет, я не спешу, - сказал Владимир Андреевич, хотя он именно спешил сейчас, а разговаривать с кем бы то ни было у него не было охоты.

- Разве я не вижу? Не успели поздороваться, уже смотрите в сторону. А мы с вами так давно не виделись! Кажется, целый год.

- Что вы! Всего неделю, не больше.

- А мне лучше знать. Мы с вами не виделись вечность. И я, признаюсь, страшно соскучилась, а потому рада вас видеть и жажду слышать ваши новости.

- Какие у меня новости, Людмила Романовна! Я за ними хожу в ваше бабье царство.

- Мы это ценим. Знаете, как вас именуют в нашем обществе? Говорят, тысячу лет назад был князь Владимир Красное Солнышко, а вы - князь Владимир Месяц Ясный. Вы у нас появляетесь, как ясный месяц. Видите, как мы преклоняемся перед вами?

- Это приятно, - заметил он.

- Ну, пройдемтесь немножко, вы меня проводите чуть-чуть. Только не шагайте быстро, а то мы не успеем наговориться. Вам столько надо мне рассказать! Очень многое...

Был уже конец дня. Тени лежали на улицах, и солнце освещало только крыши домов, да верхние этажи, да вершины деревьев. Зеркально отсвечивали стекла окон, мягко и лучезарно горело золото на главном куполе Софийского собора; надвигался теплый и тихий вечер.

- Так что же, неужели у вас ничего не случилось за эту неделю?

Поддаваясь ее задушевному тону, он сказал вдруг:

- Случилось. Девушку, видите ли, я встретил очень... хорошую.

- Только одну? - осведомилась она, сдерживая смех. - Помоему, их так много!

- Одну.

- Это уже кое-что, - Людмила Романовна внимательно посмотрела на него. - Говорили, нет новостей, а тут целое событие. Даже сенсация!

Она не была ни огорчена, ни разочарована, отнюдь нет. Даже как будто обрадовалась, и Владимир Андреевич почувствовал, что ему хочется рассказать о Наташе. И он рассказал, посмеиваясь, подтрунивая сам над собою, как «обольщал» двух подружек, как «озадачивал» их цитатами из Ипатьевской летописи и как следовал за ними до самой «Пончиковой» на Торговой стороне. Теперь он с особенной ясностью увидел, как все это было глупо.

А Людмила Романовна слушала внимательно и серьезно, не перебивая, только покосилась на него с удивлением, когда в рассказе Мережникова прозвучала явная досада.

- А вы вовсе не безнадежны, Володя, - заявила она в раздумье. - Позвольте, я буду называть вас так, хотя, я знаю, вы и отец семейства, и кандидат наук. Я впервые увидела вас в таком свете и чувствую к вам прямо-таки нежность.

Мережников уже хмурился, почти не слушая ее и раскаиваясь, что разговор пошел в таком направлении. И что это его опять потянуло за язык! Сколько раз и прежде упрекал себя: не откровенничай. Кому это нужно! Держи свое при себе.

Он как будто открыл незащищенное место и теперь был беззащитен перед насмешкой или прямым упреком.

Но Людмила Романовна вовсе не собиралась высмеивать его.

- Слушайте, - продолжала она с воодушевлением. - В одной старинной книге о любви сказано так: приближающийся ко мне приближается к огню; тот, кто уходит от меня, не достоин жизни. А вы достойны жизни, Володя! Вы приближаетесь к огню. Благодарю вас на сей подвиг. Я очень хотела бы помочь вам, но пока могу только горячо пожелать счастья.

- Позвольте, - сказал он, и удивленный, и рассерженный ее пылкой речью, - что вы говорите? Разве можно такое одобрить? И вы это всерьез?

- Что именно? - насторожилась Людмила Романовна.

- Здравствуйте, - он коротко засмеялся. - Женатый мужик пристаёт к девушке, а вы...

- Ах, оставьте, пожалуйста! - прервала она его с досадой. - Девушки для того и созданы богом, чтоб к ним приставать. Они счастливы, когда к ним пристаёт, и наоборот, плачут от горя, когда на них не обращают внимания. А насчет этого - женатый или неженатый... Существует только одна шкала мер и весов: любишь или не любишь. На любовь запрета нет! Никому. И прекрасно, что нет! Иначе не стоило бы жить.

Он пробовал было возражать, но вместе с тем чувствовал, что возражать ему не хочется.

Как бы ни радовался он в эти дни встречам с Наташей, его не покидало тягостное сознание, что он совершает нечто предосудительное. Ведь ему тридцать пять, у него семья...

- Оставьте! - опять прервала она. - Теперь мне ясно видно, что я гораздо старше вас, старше настолько, что гожусь вам в матери. Вы не знаете элементарных вещей. Вас мучат сомнения там, где они вас мучить не должны. Более того: гордитесь, что молоды, что вы еще не свободны от любви, от ее повелений!

- Хорошо, - сказал он, улыбаясь. - А как бы вы отнеслись, если бы такой вот человек, уже, что называется, в годках, стал обхаживать вашу дочь?

- Своей дочери я твердо внушила: помни, от собак бывают блохи, от мужчин бывают дети. Остальное - на ее усмотрение.

Она рассмеялась, и Мережников тоже шел и улыбался. Сегодня ему было легко и хорошо с этой женщиной.

- Вам, дорогой Владимир Андреевич, не хватает житейской мудрости, того, что именуется опытом души. Вы зарылись и утонули в своих книгах, обогатили ум знанием, а душевного опыта не набрались. Да, да! И еще вы не обрели до сих пор настоящей мужской хватки. Не слушайте, что будут говорить вам ханжи и резонеры! У них просто бледная немочь. Слушайте, что буду говорить вам я, а я отныне ваш друг, помните это. Так вот вам мой наказ: смелее действуйте! Безогляднее! Мы, женщины, любим смелых. Не отступайте никогда - ведь это во имя великой цели! Будьте от-

важным полководцем, и любая крепость падет. Непреступных и непобедимых крепостей никогда не было, нет и не будет.

И она весело смеялась.

- За это вам воздастся, - договорила она сквозь смех. - Воздастся, Володя!.. Князь Владимир Месяц Ясный...

30.

И на другой день, и на следующие Мережников приходил на пляж. Придя, находил глазами Наташу, ложился где-нибудь неподалеку и любовался ею издали. «Приближающийся ко мне приближается к огню...». Тело его покрылось молодым загаром, обожженные плечи болели, но он терпеливо жарился на солнце, ходил купаться, присоединялся к какому-нибудь кружку играющих в волейбол и, вспомнив студенческие навыки, хлестко, сильными ударами «гасил» мячи, на зависть всем играющим. То и дело поглядывал на Наташу: видит ли она? Выделила ли она его из толпы?

Владимир Андреевич заметно оживился, повеселел в эти дни, походка стала упруге, движения свободней, взгляд смелее, он то и дело напевал что-нибудь, охотно улыбался, смеялся.

«Вот оно, разрешение всех проблем... - подумал он однажды. - Взять ее за руку, сказать: давай уедем куда-нибудь... А что! Разве это неосуществимо?...»

Мысль эта, явившись нечаянно, обожгла его. Он прогнал ее и раз, и два, но она упорно возвращалась, как собака к хозяину. Да и прогнал-то так... не очень.

«...И начать жизнь сначала. Будет у меня юная жена, всегда веселая, ласковая... Будет семейный уют... душевный уют. Надеюсь, она не станет писать диссертаций и посвящать себя разработке хоздоговорной темы, а, как и следует, будет женой... матерью моего сына...».

Ему приятно было размышлять о Наташе Иваненко, гадать, откуда она, кто ее родители, как она росла, о чем она мечтает. Фамилия подсказывала ему, что девушка приехала сюда откуда-то с

юга, и он все больше и больше находил украинского в ее внешности, в говоре и манерах. «Какое-нибудь село над Днепром, - под-ремывая под солнцем, мечтал Мережников. - Или городишко... Уехать бы туда, отринув все свои напасти...».

И ему грезилось: белые домики по-над берегом, улицы сбегают к реке. Он и Наташа поднимаются от шумной пристани по одной из них, подходят к белой хате с подсолнухами в огороде.

«Это мой муж... Я его люблю, отец! Мама, я очень счастлива. Я счастлива, мама!»

И вот он сидит за столом, в вышитой рубашке с широкими рукавами, и рядом с ним она, светлая, улыбающаяся, и на белой ее кофточке та же самая вышивка, что и у него... Купаться пошли к Днепру - в воду входят, держась за руки... В вишневом саду она срывает для него самые спелые вишни и угощает с ладони... со своей узкой, милой ладони. А спят они в чистенькой горенке. «Я так люблю тебя!.. Ты пойми: я живу только тобой. Ты необыкновенный человек, и какое счастье быть с тобой рядом!..»

Так грезилось Мережникову, и теперь ему было ясно, что это она позвонила ему по телефону и назначила свидание на парковой дорожке напротив Княжьей башни кремля. Это она сказала ему: «Я хочу посвятить вам себя». И это она так ласково заглянула ему в глаза тогда, в Москве: «Продолжайте, пожалуйста. Вы так говорили...».

В эти дни он совсем отстранился от работы, зато был неизменно весел и бодр. Утром вставал с радостным чувством: сегодня снова пойдет к кремлю, на берег Волхова... А вечером ложился спать с той же радостью: завтра это повторится.

И вдруг все оборвалось: откуда-то с Балтики нанесло тучи, которые шли по небу по-осеннему быстро; похолодало, пошел дождь. Золотой песок на пляже потемнел, волна беспокойно гуляла по Волхову, померкли купола Софии, ветер рвал молодую листву на деревьях.

Два дня Мережников жил настороженно, в ожидании какого-то счастливого случая, который столкнет его с Наташей. Ему ничего не стоило узнать, где именно она учится: он просто обзвонил

по телефону все техникумы, не так-то их много в городе. Оказалось, Наташа Иваненко заканчивает второй курс кооперативного и через два дня у нее последний экзамен.

Надеясь неизвестно на что, он ходил пешком на Торговую сторону, и желая, и боясь встречи с нею.

Наташу он, естественно, не встретил и в день последнего экзамена пришел к техникуму с самым решительным намерением. Надо же было хоть как-то, хоть что-то сказать ей, хотя и неясно, как и что именно! Нельзя ее отпустить на каникулы на целых два месяца! - просто так, не завязав хотя бы так называемого шапочного знакомства. Никаких определенных целей у него не было! Одно знал: им надо поговорить. А там видно будет.

«Смелее действуйте! Мы, женщины, любим отважных...».

- А нахальство - второе счастье, - вслух пробормотал он.

Часа полтора просидел в скверике перед парадными дверями: Наташа не появлялась. Зато вдруг увидел Галю и отважно остановил ее; заговорил, пошутил о том о сем. Оказалось, зря он сидел - Наташа экзамены сдала досрочно еще позавчера и уже уехала.

- Куда? - спросил Владимир Андреевич безразличным тоном.

- В Кандалакшу. У нее там родители.

- В Кандалакшу?

Вот тебе и Украина. Вот тебе и домик на берегу Днепра...

Он хотел спросить адрес, но не решился: как бы живоглазенькая Галя что-нибудь не заподозрила - это уж совсем ни к чему.

31.

Она уехала, и наступило отрезвление. Краски дня поблекли, и ночи стали глуше. Ощущение одиночества усилилось оттого, что на другой день Владимир Андреевич проводил жену с дочкой в деревню и остался совсем один.

Спасаясь от прихлынувшей тоски, он брался за всякие хлопоты, которые не требовали углубленного раздумья, сосредоточенности. Очень кстати ушел в отпуск директор, так что Мережникову пришлось его замещать.

Поначалу хлопотал он азартно о нужном и ненужном, старался быть распорядительным и деловым, но очень скоро охладел.

Жизнь стала пресной. Мережников чувствовал себя постаревшим и очень одиноким, частенько погружался в невеселые размышления.

После нескольких дней ненастья опять наступила жаркая погода, опять в распахнутом окне приветливо шелестела листва, залетал вольный ветерок, приносящий, очевидно с Мячинских озер, запах теплой тинистой воды. Все манило на волю, под солнышко, но Владимиру Андреевичу и в голову не пришло, что можно пойти на пляж и искупаться или полежать на песочке, как прежде. Такая мысль теперь показалась бы ему дикой.

В тот первый день вновь установившегося ведра он опять размечтался и не выдержал, позвонил по телефону в техникум, узнал домашний адрес Наташи Иваненко. Ему хотелось написать ей письмо, но что-то останавливало. К вечеру в тот же день созрело такое настроение, что Владимир Андреевич готов был даже ехать в далекую Кандалакшу.

Он представил себе неказистый городок на берегу Белого моря: ветер пахнет соленой рыбой; гудки сейнеров и карбасов - кажется, так называются рыбацкие суда? - долетают с моря днем и ночью; рыбаки в брезентовых робах пьют пиво у ларьков... Никогда не бывавший севернее Ленинграда, Мережников представлял себе, как идет улочкой Кандалакши по деревянным мосточкам, точно таким, как у него в микрорайоне, а навстречу от колодца она с ведрами на коромысле... На нем светлый костюм, ветерок с моря шевелит его волосы... А она в легоньком домашнем халатике... «Здравствуй, Наташа. Я приехал сюда из-за тебя... Пойдем погуляем. Есть серьезный разговор...».

Ему так отрадno было думать о ней! И всякий раз, рисуя в воображении эту картину: девушка с полными ведрами на утренней улице идет по деревянным мосточкам, и он, мягко улыбающийся, ей навстречу, - Владимир Андреевич говорил себе: нет, не так уж он несчастлив, если у него есть эта девушка. А она есть, есть! И теперь уже будет всегда.

Наташа одним фактом своего существования на свете мирила его со многим, что он тяжело воспринимал в своей жизни, и Владимир Андреевич уже за одно это испытывал к ней чувство горячей благодарности.

Письма он, конечно, не написал и в Кандалакшу, само собой разумеется, не поехал. Даже в минуты готовности написать и ехать ясно понимал, что все это не всерьез, что все это лишь благие намерения, лишь мечта. Просто приятно было думать таким образом, рисовать себе радующие сердце картины. Утешение как-никак. А осознав это, он опять заскучал, затосковал, подолгу просиживал за столом, покручивая колечко на мизинце: полюби мя... полюби мя... полюби мя...

Надо бы отнести перстенок в экспедицию, к археологам. Иванин будет рассматривать и, возможно, воспримет довольно равнодушно, если в первую минуту не увидит надпись: таких колечек у них немало, правда, колотые. А потом заглянет на внутреннюю поверхность, прочитает и что-нибудь обязательно пошутит.

Вчера в Троицком раскопе нашли берестяную грамоту, в которой часть надписи прочитали так: «телепере...». А чуть далее явственно было написано: «Фауст». Итак, в тринадцатом веке кто-то кому-то сообщал о телепередаче под названием «Фауст», о чем Иванин с присущим ему юмором и сообщил по телефону Мережникову. Оказалось: Фауст или Фаст - не такое уж редкое имя у новгородцев, а «телепере» - конец и начало двух различных слов.

Вспомнив об этом, Владимир Андреевич улыбнулся.

Надо бы сдать колечко... А жалко. «Полюби мя...».

32.

В печали и бездействии он позвонил в Ленинград Виталию:

- Послушай, приехал бы ты, а? Погуляем, покутим...
- Володя, у тебя вобла вяленая есть?
- Есть.
- Тогда приеду.
- А когда?

- Старик, послезавтра коллегия, восьмого я оппонент на защите диссертации. Тут один олух жаждет стать кандидатом, я должен его утопить, пока он еще слепой... Во! Десятого приеду, точно. Хотя нет... Десятого надо в Таллин - у тещи операция. Слушай, а чего ты таким минорным тоном?..

- Заскучал что-то, - упавшим голосом сказал Мережников. - Живу один, жена уехала.

- Старик, я позвоню Злате, пусть она тебе подругу подыщет. У нее их много.

- Да пошел ты!

- Ну, гляди... А слушай, Володя, у тебя где монография этого... как его?.. Ну, помнишь, показывал?.. Пришли ее мне. Бандеролю, ага? Хорошо, что я вспомнил! Сегодня вышлешь? Прекрасно. А Злате позвони. Да нет, ничего я ей не скажу, просто привет передай...

Он явно куда-то спешил, и Мережников не без сожаления положил трубку.

Вот человек, прекрасно приспособленный к жизни! Помимо всего прочего, он так легко вступает в контакт с кем бы то ни было!

Весной приехал в Новгород, шли они вдвоем по улице - на встречу девушка, ест яблоко. Посреди пылкого спора Виталий девушке: «Вкусно?». Очень серьезно спросил, даже озабоченно. Та вдруг протянула ему надкушенное яблоко. Виталий невозмутимо взял, откусил, возвратил ей огрызок с полупоклоном, с улыбкой, и продолжал свою пылкую речь, обращенную к Мережникову, увлекая его дальше. Владимир Андреевич остановил друга и негромко сказал, почти ужасаясь:

- Пстой! Ты меня удивляешь...

- Чем?

- Ты, такой опытный сердцеед и потаскун, проявляешь равнодушие к красивой девушке. Ведь ты же с ней уже заговорил, достиг определенного взаимопонимания...

- И что?

- Она тебе не понравилась?

- Почему? Очень понравилась.

- А отпустил!

Виталий хладнокровно:

- Она вернется, Володя!

- Ты уверен?

- Станный ты человек.

- Позволь. Ты что, знаешь ее?

- Откуда!

- Почему же говоришь, что вернется?

- Надо быть щедрым, Володя. Отпускай! Они возвращаются.

В другом образе, ничуть не менее прекрасном.

- По-моему, ты кокетничаешь.

- Ничуть. Да что тебя так поразило? Бог с нею, забудь. О чем, бишь, мы с тобой говорили?

То, что было событием для одного, для другого всего лишь повседневность.

Они продолжали свой путь. Вот пришли к дому Мережникова, стали подниматься по лестнице. На втором этаже молодая женщина, жена директора ближней школы, протирала мокрой тряпкой дверь. Сынишка ее в рубашонке и в трусиках топтался возле. Виталий ему серьезно, даже строго:

- Замерз?

- Не-а.

- Я же вижу: замерз.

Женщина (Мережников столько раз проходил мимо нее, не здороваясь, не решаясь поздороваться, ибо незнаком с нею!), улыбаясь сказала:

- Ничего. Ему полезно. А то из дому не выгонишь.

Любо смотреть, как весело и доброжелательно разговаривает Виталий с женщиной. Как они смотрят друг на друга... Вот она уже засмеялась, засмушалась, польщенная и обрадованная. А Виталий, как ни в чем не бывало, поднимается по лестнице дальше. Вот так он всегда - просто, непринужденно заговорит с кем угодно - это дарование в человеке, талант, не иначе.

33.

В субботний день Владимир Андреевич прилег на диван почитать и задремал. Его разбудил настойчивый стук.

Спросонок подумалось, что это вернулась из деревни Любовь Ивановна и давно колотится в дверь, а он уснул крепко, не слышит. Однако как-то странно стучали: два-три отдельных удара и тишина; потом опять два-три удара громких и снова пауза. Он поспешно встал с дивана, пошел к двери и здесь понял, что стук доносился из соседней квартиры. Стучали молотком, довольно сильно, так что в его прихожей со стены осыпалась побелка. Владимир Андреевич постоял, хмурясь, с опаской взирая на стену: «Дырку просадят! Или трещины пойдут в штукатурке». Вернулся в комнату, сел на диван, потирая ладонями лицо.

Зря, наверно, он разоспался среди дня, но уж очень тихо было в квартире. Владимир Андреевич с неодобрением прислушивался к стуку: скоро ли соседка уймется. А та не унималась.

Рассерженный, надел шлепанцы, вышел на лестничную площадку и позвонил в соседнюю дверь. Она открылась тотчас, и соседка предстала перед ним с лицом несколько испуганным и вопрошающим. Секунды три или четыре он смотрел на нее молча, перебирая слова, как клавиши, от самых грозных к более миролюбивым. Она была непричесана, в халатике, застегнутом не на все пуговицы, и одну руку держала на груди, должно быть, потому, что халат был ей не по росту и чересчур распахивался сверху.

- Соседка, гвоздь свой заколачиваете мне прямо вот сюда, - Мережников показал себе на темя, и та согласно кивнула, не меняя испуганного выражения лица.

- Вешалка не держится, - тихо сказала она, оправдываясь. - Никак не могу...

Все-таки до чего же она некрасива! Впрочем, в ее тихом голосе, в робком взгляде, в этом домашнем будничном халатике было что-то детски трогательное, и Владимир Андреевич сменил гнев на милость.

- Ладно, - сказал он, вздохнув, - давайте помогу.

И переступил порог.

Все в ее квартире было так же, как и у Мережниковых: те же щелястые полы, тот же накат листиками на штукатуренных стенах. Только что не было книг да родословного древа Рюриковичей.

Владимир Андреевич довольно долго возился с вешалкой, и точно так же, как и у нее, у него ничего не получалось. Соседка подавала ему гвозди один за другим, он пробовал вколотить их, но стена была твердокаменной - монолитная панель из бетона. Он, досадуя, ругнулся и пошутил и опять ругнулся, а она стояла рядом, придерживая вешалку, сочувствуя шуткам его и досаде. Она несколько осмелела и разговаривала с ним совсем не робким голосом, который Мережников уже не находил неприятным. Да и во всем облике этой маленькой женщины было что-то такое, что он разговаривал с нею охотно, дружелюбно, дивясь: «Пооди ж ты! Вот и некрасивая, а что-то в ней есть привлекательное. Чудноватенькая она».

Наконец злополучный гвоздь был вбит, и Владимир Андреевич собрался уходить. Но едва открыл дверь, как тотчас вешалка упала снова: вывалился из стены второй гвоздь.

Они засмеялись оба разом, глядя друг на друга, и он заметил ямочки у нее на щеках и странный, мягкий и теплый, блеск ее глаз.

Опять Мережников крепко стучал в стену - небось в родной квартире штукатурка обвалилась, - опять соседка один за другим подавала гвозди, а он портил их, приговаривая:

- Не пройдет и суток, как мы с вами эту вешалку укрепим!

- Вас жена уже хватилась, - поддразнила она. - Куда это, говорит, муж делся!

- Куда там! Небось и не вспомнит ни разу.

- Красивая у вас жена, Владимир Андреевич, - сказала она, вздохнув.

- Постойте-ка, а откуда вы знаете, как меня зовут? - удивился он с той же наивностью, с какой на пляже удивилась Галя.

- Почтальонка бросила письмо ваше в мой ящик. Я на конверте прочитала.

- Ясно, соседка. Давайте еще гвоздь. А вас как зовут?

- Фая.

- Фая... Тогда я Володя. Я ведь хоть и старый, но не очень. Мне тридцать пять.

- А мне двадцать два.

- По этому случаю давайте новый гвоздь, этот согнулся. А лучше сразу пару.

- Красивая у вас жена, - настойчиво повторила Фая и опять вздохнула.

Он развеселился:

- Ну, а я плох, что ли?

- Красивая и строгая, - продолжала соседка своё. - Я ее побаиваюсь даже, как встречу.

- Почему?

- Не знаю. Так взглянет, так взглянет!..

Фая покачала головой.

«Это моя Люба может, - усмехнулся он. - Она и на меня так взглянет, так взглянет!..»

Наконец вешалка укреплена. Они остановились в коридорчике, глядя друг на друга: она - ростом ему по плечо, бледная при свете неяркой электрической лампочки, худенькая; а он рядом с нею казался и крупным, и плечистым.

- С вас причитается, соседка, - пошутил он, чувствуя себя как никогда уверенным и сильным.

- Что ж... Только я все равно стучать буду. Опять вам вот сюда, - она показала на темя. - Мне еще коврик прибить надо.

Владимир Андреевич весело махнул рукой:

- Эх, давайте и коврик заодно.

Они вступили в комнату, и он вспомнил:

- Да, а малыш ваш где?

- В садике, - удивилась она. - Где ж ему быть! Скоро надо идти за ним... А коврик, вот он... Над кроватью надо повесить. Становитесь коленями прямо вот сюда, на одеяло.

Это была та самая кровать.

Мережников вспомнил свои давние субботние переживания и испытующе глянул на Фаю. Неужели это она была? А та поняла его по-своему.

- Да не бойтесь! Не испачкаете. Я на нее старенькое покрывало накинула. Можно даже ногами становиться.

Он снова вздохнул, словно преодолевая себя.

- Ну, что ж. Коврик так коврик.

Сбросил шлепанцы, встал коленями на кровать.

- Держите тот край, соседка.

Она встала рядом с ним. Руки ее в рукавах халата были тонки, девически нежна шея. Несмотря на почти неженскую хрупкость, соседка его была женщина, и он в эту минуту как-то особенно почувствовал это. Фаю что-то говорила, а он от прихлынувшего вдруг волнения молчал.

На этот раз с работой они справились быстро, прибили коврик.

- Такое дело, - сказал он, волнуясь.

И вдруг неловко, но сильно привлек ее к себе.

- Не надо! - вскрикнула она, забилась было, глядя на него расширившимися глазами. - Не надо, Владимир Андре...

Она сидела на кровати, свесив босые ноги, и плакала неутешно и в то же время как-то легко. Такие слезы как дождь после грозы. Он ходил по комнате и сконфуженно уговаривал:

- Ну, будет тебе! Чего ты?

- Какие же вы все! - выговаривала она. - Какие же вы все!

Он искоса поглядывал на нее, и странно, не чувствовал в себе от этих упреков досады или угрызений совести. Наоборот, словно тихий бес вселился в него и расправлял свои крылышки; было радостно и легко. Ее маленькие ноги, которые раньше вызывали столько неприязни, теперь вовсе не казались ему некрасивыми, и ничего, кроме благодарного чувства к этой маленькой женщине, не испытывал сейчас Мережников. Он видел ее тонкую шею и девические плечи, на которых едва держался халат - они тоже нравились ему. «Что ж ты плачешь теперь? - думал он с веселым

укором. - Словно я тебя силой взял! Что ж ты не заплакала сразу, когда я тебя обнял?»

- Ну, хватит реветь, Фая, - он присел с нею рядом. - В конце концов, мы с тобой взрослые люди.

- Зачем вам это? Зачем? - говорила она, уклоняясь от его рук и улыбаясь сквозь слезы. - У вас красивая жена, вы с нею такая пара! Вы же, по-моему, так понимаете друг друга! Почему вы все не дорожите этим? Пожалуйста, не говорите, будто я вам нравлюсь или еще что. Надоело! Все вранье, только сами себя унижаете.

- Ты мне нравишься, - искренне сказал он. - Очень нравишься.

Что-то переменилось в ее лице, и глаза глядели на него доверчивей.

- Так я вам и поверила!

Он взял ее голову в ладони, поцеловал некрасивые брови, некрасивый рот.

- Ты была замужем?

- Нет. Я родила Антона, потому что одной плохо. А замуж я, наверно, не выйду.

- А кто отец Антона? Он бывает у тебя?

- Нет. Он далеко и даже не знает ничего. Он монтажник на линиях электропередачи. Ездит по стране...

- У тебя кто-нибудь был после него?

- Был, - простодушно сказала она. - Совсем недавно, с месяц. И тоже семейный, как вы. Говорил, что любит...

- А потом разлюбил, - закончил Владимир Андреевич. - Ну и ладно. И бог с ним.

- Потом уехал... Сказал, что его посылают в заграникомандировку в Монголию. На три года.

- Жалеешь о нем?

Это было уже похоже на ревность.

- Я недавно видела его на улице... и поняла, что он все врал. И про Монголию, и про то, что любит... Зачем это? Мне от него ничего не надо было. Я его пожалела: ему жена плохая досталась.

Говорил, что у меня он отогревается душой...

Последние слова она произнесла почти шепотом. А подумав, добавила:

- Выдает ему на пиво по двадцать две копейки.

- Это он тебе говорил?

- Да.

- Какая ты дура! Веришь всему! - произнес Владимир Андреевич с досадой. - Извини меня, - тотчас добавил он и поцеловал ее и снова жадно обнял за плечи.

34.

Он ходил по комнатам своей пустой квартиры, то присаживаясь, то опять вставая и прислушиваясь, что делается за стеной.

Услышал, как хлопнула дверь, и некоторое время спустя увидел, как Фая идет от дома по пустырю, по деревянным мосточкам. Потом она показалась опять, на этот раз уже с малышом, неказистая, неумело одетая. Владимир Андреевич со странным чувством, которое не мог бы назвать словом, следил за ней из окна. Она вскинула голову, увидела его и тотчас опустила взгляд.

Он опять стал ходить, вздыхая, из угла в угол своего кабинета, но вздыхал притворно, никак не мог в самом себе заглушить торжествующую струну укором совести. Опять-таки вовсе не тягостное чувство испытывал он, вспоминая происшедшее. Напротив, по-прежнему была непонятная легкость, и улыбка сама собой всходила на лицо. Он слушал, как Фая с малышом поднимаются по лестнице, как она отперла дверь, что-то наставительно говоря сыну. И долго малыш топотал по комнате, гремел игрушками и кричал. Лишь поздно вечером он утомился.

Владимир Андреевич разобрал свою постель, включил ночник и лег с книгой. Однако читать не мог, лежал и смотрел в потолок, следил, как пробегают по нему отсветы фар от проезжающих по улице автомашин. За стеной легонько прошлепали босые ноги, едва слышно скрипнула кровать. Одеяло уже не шуршало о стену. «Коврик», - подумал Мережников с глупой улыбкой. Затаил

дыхание и напряг слух: не плачет ли соседка? Нет, не слышать. Он снова и снова перебирал все, что произошло у них днем, и лежал с широко раскрытыми глазами. Потом поднялся на локте, негромко позвал:

- Фая!

- Да, - тихо и озадаченно отозвалась она за стеной.

- Я сейчас приду к тебе.

В ответ молчание.

Владимир Андреевич встал, оделся, легонько стукнул в стену:

- Я иду. Отопри.

На лестничной площадке было ярко освещено. Он толкнулся в дверь - заперто. С сильно бьющимся сердцем запаниковал: «Да что она? Неужели не пустит?» Звонить не стал: не разбудить бы малыша. «Будьте отважным полководцем... Мы, женщины, любим смелых...». Легонько постучал костяшками пальцев - и дверь открылась.

В темноте коридора стояла Фая в том же стареньком халатике, поспешно наброшенном, незастегнутом. Он шагнул, поймал ее в объятия и поднял на руки - как она оказалась легка! - тут же в коридорчике целовал в плечо, в маленькие груди и, осторожно ступая, понес в комнату. А она обнимала его за шею и, счастливо задыхаясь, целовала его в лоб, в ухо, в щеку и лепетала:

- Что ты делаешь, Володя! Какой ты... Заденем за что-нибудь и упадем. Я с тобой и разговаривать-то не хотела. Сказала себе: и не посмотрю на него... Между нами ничего не может быть и не должно быть. А ты позвал, и я не смогла. Ты верно говоришь: какая я дура!..

35.

Был конец июля. Владимир Андреевич со дня на день ждал жену: скоро вступительные экзамены, ей их принимать. Наконец пришла от нее телеграмма, в которой Любовь Ивановна просила, чтоб он позвонил в деканат: она приедет накануне сессии, пусть не тревожатся.

Соседка Фая была весьма озабочена.

- Владимир Андреевич, - говорила она, - надо обратиться в вашей квартире. Давайте я все перестираю, вымою посуду, перемою все и перетру. А то как же! Явится супруга, а у вас пыль в углах и посуда невытая небось. Вы не стесняйтесь, мне это ничего не стоит. Я проворная, быстро все сделаю.

Он уже не удивлялся подобным предложениям: успел привыкнуть. Эта маленькая женщина сокрушала привычные ему понятия своей неукротимой преданностью и самоотверженностью.

Стоило Мережникову появиться в ее тесной квартирке, и он попадал как бы в другой мир, ласковый, теплый, в котором Фая была вездесуща, как дух: он постоянно чувствовал на себе заботливый взгляд, все ее хлопоты в эти минуты имели своей целью сделать его пребывание здесь удобнее, приятнее; голос маленькой хозяйки был удивительно ласкового тембра - куда девалась прежняя, раздражающая Мережникова манера говорить врасстяжку, в нос! «У тебя серебряное горлышко», - говорил он снисходительно, и она сияла, счастливая, изумленная тем, что голос нравился ему и что он нашел для похвалы такие волшебные слова.

Владимир Андреевич чувствовал свою вину от того, что не может любить ее и не может ответить ей той же самоотверженностью, с какой она относилась к нему, и старался быть ласковым.

За день до приезда жены он явился к соседке с бутылкой коньяка и с бутылкой шампанского, со множеством кулек и кулек, которые едва донес в охапке. Он и раньше всегда приносил что-нибудь вкусное, так что нынче Фая даже шумно возмутилась:

- Ну зачем вы, Владимир Андреевич! У меня и так всего много, нам с вами не съесть.

Ей доставляло явное удовольствие произносить эти слова - «мы с вами», «нам», «у нас» - она часто их употребляла.

Он с улыбкой следил, как она проворно хлопочет, бегая из комнаты в кухню и обратно, и размышлял: вот, существуют две женщины в Фае - одна ученически почтительная, всегда величающая его на «вы» и по имени-отчеству, признающая безоговорочно его превосходство и старшинство, уверяющая, что она его «не-

достойна»; а другая - равноправная, говорящая ему «ты» и «Володя», вольная, даже озорная. И когда Фая была в одном качестве - только соседкой! - не верилось, что она может быть в другом - любовницей!

Одним движением она накинула скатерть, разгладила складки, положила ему на колени чистое полотенце, и тотчас перед ним на столе стали появляться один за другим плоды ее кухонных изобретений.

Она умела печь воздушное пирожное, которое он любил, потом еще нечто, вроде зефира, непонятно из чего и как приготовленное; а помимо этого, самодельное печенье с орехами, сладкие гренки, многоэтажный торт хитрой архитектуры.

Так бывало всегда, когда она ждала его прихода. Ждала и сегодня.

- Ешьте, - говорила Фая и больше всего боялась, что он откажется. - Мне вас нечем угощать, Владимир Андреевич. Я умею только сладкое делать, а вот чтобы мясо всяко приготовить - не могу. То есть мочь могу, а - не люблю.

Она вместе с ним выпила рюмку коньяку и теперь сидела румяная, улыбающаяся и все-таки некрасивая.

- Как вы думаете, Любовь Ивановна завтра может приехать?

- Нет. Только в воскресенье, как и обещала.

Тщетно он ловил в ее словах о Любове Ивановне что-нибудь, кроме искреннего уважения, даже почитания. Соседка ни разу не позволила себе сказать о его жене что-нибудь пренебрежительное или неприязненное.

«Я ей не соперница», - обронила она однажды.

- Тогда давайте я у вас завтра наведу чистоту, Владимир Андреевич.

- Давай. Наведи.

- Я хитрая! Думаете, почему я напрашиваюсь на это? Мне очень хочется побывать у вас в квартире, посмотреть, как вы живете.

Он рассеянно улыбался и налил себе и ей в маленькие рюмочки.

- Теперь вот чего... - озабоченно продолжала Фая. - Вы со мной не здоровайтесь при жене. Да и при соседях тоже... А то Любовь Ивановна скажет: почему здороваются? Значит, познакомились! Заподозрит.

- Заподозрит, - согласился Владимир Андреевич.

Он со всем нынче соглашался, думая, по обыкновению, о чем-то своем. На этот раз его размышления не были отвлеченными. Ему хотелось в каких-то деликатных выражениях сказать Фаяе, что цель его нынешнего прихода - попрощаться с нею, сказать, что никогда не будет у них того, что было, сказать и тем самым определить на будущее их отношения, чтоб они не тяготили его.

- А почему ты не огорчаешься? - спросил он вдруг. - Сказала бы: жалко расставаться. А тебе, значит, не жалко?

- Разве мы расстанемся? - возразила она. - Вы будете всегда рядом, за стенкой. Мы с вами даже спать будем почти что на одной постели, только между нами - стена.

Фая засмеялась.

«Двоеженец», - подумал о себе Мережников.

- Но вот уж не посидим так, а? Да и не пообниматься будет, верно?

- Да уж так! - отозвалась она, все еще смеясь. - Что ж... И без этого живут.

- Ты бесчувственная, - сказал он, испытывая удовлетворение от ее слов. - Бессердечная и равнодушная ко мне.

Не надо ей говорить о прощании, она все понимает как следует: ничего в будущем не ждет от него и ни на что не рассчитывает.

- Знаете, чего мне жалко, - сказала Фая и сразу погрустнела. - Жалко, что не будет у нас таких разговоров.

- Каких? - спросил он, припоминая.

- Ну как же! Вот вы тогда про Верхуслану рассказывали, которую восьми лет выдали замуж!.. Провожали ее родители с мамами и нянками до самой границы княжества, как с нею отец с матерью прощались - у меня прямо перед глазами стоит... А еще про перевозчицу с реки Великой, которая киевской княгиней стала. Какая женщина была! И как хорошо сыну Святославу завещала...

- Заповедав сыну погребсти с землею равно, а могилы не сыпати, ни тризн творити, ни години деяти, - тихонько проговорил он.

- И про девушку с Редятиной улицы. Как это?.. Была она великолепна и светозарна...

- Велеlepна и велеозарна...

Фая замолчала, и на некоторое время разговор у них прервался.

- А теперь ничего не будет, - голос ее дрогнул. - Не знаю, как это все... как это все... Я ж говорю: стена между нами.

Она смахнула вдруг выступившие слезы, поспешно встала и отвернулась.

- Простите, Владимир Андреевич, это я так...

36.

Любовь Ивановна приехала, как и обещала, в воскресенье.

- А Джуля? - спросил он, едва только распахнул перед ней дверь.

- Джуля осталась у бабушки с дедушкой. Разве они ее отпустят! Раза два заводили со мной разговор о том, чтобы она у них и в школу ходила.

Он пожал плечами: мол, еще чего! Вольно же им болтать глупости!

- Не рад, - насмешливо заметила Любовь Ивановна, бегло посмотрев на мужа.

- Нет, почему же. Рад, - возразил муж очень спокойно.

- Не рад, - как-то удовлетворенно повторила она.

Скинула плащ-пыльник, постояла в прихожей, поправляя волосы.

- Ехала сюда, думаю: а не остановиться ли в гостинице! - призналась она, вздохнув. - Что-то так было тяжело на душе!

Он молчал.

- А ты с таким же чувством ждал тут меня? О, господи! Жили-жили двое супругов и дожили.

Прошла по комнатам квартиры и была удивлена чистотой и порядком в ней.

- Смотри-ка, и даже пол вымыт. Володя, это ты сам? Или... Или у тебя была тут проходящая женщина?

- Приходила женщина, - подтвердил Мережников.

Если б он стал отпираться, жена еще больше насторожилась бы.

- Паутины в углах нет, - удовлетворенно говорила Любовь Ивановна, обходя комнаты. - Пыль на телевизоре вытерта и даже бумажки на полу не валяются. Удивительно! Как это тебе удалось? Поделись опытом.

За месяц отпуска она немного пополнила, от нее веяло спокойствием и уверенностью зрелой женщины. На лицо лег ровный загар, сквозь загар пробивается румянец - жена его словно овееяна была чудотворным ветром, посвежела, исчезло постоянное выражение озабоченности и в глазах, и во всем облике. «С кем она там могла встречаться? - пришло запоздалое опасение. - Может быть, тоже...».

- А ты думала, все тут без тебя обросло пылью и грязью? - довольно холодно отозвался он.

- Был такой грех. Ехала - горевала: дел, думаю, дома накопилось! Пол мыть, уборка всякая...

Любовь Ивановна прошла на кухню и удивилась еще больше.

- Да-а, - протянула она и опять пошутила: - Теперь я вижу, что тебе кто-то помогал. Что ж, этого следовало ожидать. Природа не терпит пустоты. Верно, Володя?

- Верно, - подтвердил он скучным голосом. - Есть хочешь?

- А у тебя даже имеется что поесть?

Он выложил на стол то, что нашлось в холодильнике, жена следила за ним испытующим ироническим взглядом.

- Так кто же у тебя все-таки хозяйничал здесь? Кто-то умелый, опытный в кухонных делах. Не знаю, как в остальных. - Она засмеялась невесело, неохотно и принялась за еду. - М-да. Ну ладно, это меня не касается. Так, что ли? Раз я покинула мужа, уехала от него... Свято место не бывает пусто.

Муж, не говоря ни слова, вышел из кухни.

- Может, она и впредь согласится приходить? - громко сказала жена ему вслед. - А? Владимир Андреевич? Передай ей, что для меня это желательно.

Он не ответил и тем самым, по-видимому, допустил промашку: оборванный на полуслове разговор - то ли в шутку, то ли всерьез - как бы повис в воздухе, и на весь день у них с женой осталось ощущение происшедшей ссоры.

Все-таки она что-то заподозрила.

37.

Наконец ожила комнатуха по соседству с бабьим царством. Хозяин ее при виде Мережникова тотчас встал, обрадованный, оживленный. После короткого разговора Григорий Павлович вытащил откуда-то из-под стола шахматную доску и стал расставлять фигуры, приговаривая:

- С этой работой и про шахматы-то забудешь! Не так ли, Владимир Андреевич?

Мережников был рад ему. Обычно они играли одну партию, потому что на вторую у Григория Павловича, по его словам, не хватало пыху. Игра, как всегда, сопровождалась у них примерно таким диалогом:

- Ну, е-два е-четыре... Ты хоть тренировался тут, Володя?

- А как же, ваше степенство! Только этим и занят был.

- Что это? Ферзевый гамбит... Ну, я так в сугубом малолетстве играл. Еще будучи без штанов.

- Вот откуда у тебя привычка проигрывать!

- В исключительных случаях. Токмо из благотворительных побуждений.

Они поглядывали друг на друга этакими приятельскими глазами, почти влюбленно. Часовников-Сушко был нынче что-то очень уж весел.

- Этот ход твой все равно что капитуляция, Владимир свет Андреевич, - он даже светился радостью.

- Сие есть вариант защиты Мережникова. Вошел в анналы шахматной истории.

- А я по-прежнему по системе Станиславского...

Часовников явно помолодел за время отпуска. Небось может и две партии сыграть.

- Совсем ты растренировался, Павлович, - съязвил Мережников, забирая коня противника. - Чем ты тут занимаешься, выйдя из отпуска? Лапти плетешь?

- Я - архивариус! Бумажный шелкопряд я, макулатурная моль, книжный червь, - плотоядно выговаривал Григорий Павлович и забрал ладью, которая стояла в своем уголке и никому не мешала.

- Что-то больно уж самовлюбленно, ваше степенство. Уж прямо-таки манифестация любви к самому себе. Эдакие титулы!

- И пешечку эту я заберу, заберу...

- Ради бога!.. Мы же не в пешечки играем. Шах!

- Шах - это во все времена было уважаемо...

Противник Мережникова задумался. Что-то ему нынче мешало сосредоточиться. На что-то он мысленно отвлекался.

- Причешись, Григорь Павлович. Учил я тебя, учил, как надо играть, и все без толку.

- А мы лошадью... А?! Как? Ничего?

Теперь задумался Мережников, речь держал его противник:

- Это тебе не книжки листать. Тут думать надо, понял? Ты вот статейку-то накропал в паршивый научный журналичко, а каков резонанс будет, не подумал. А следовало бы.

- Ага! Прочитал все-таки!

- А как же. Подождем, что скажут твои оппоненты. Не думаю, что они оставят тебя безнаказанным. Ты и там не с той фигуры ходишь.

- Я отступаю, ваше степенство.

- То-то, юноша. Не ходи босиком. Это тебе не с бабами языком трепать, - кивнул Григорий Павлович на соседнюю комнату.

-Тут думать надо...

Он все-таки проиграл, но, проиграв, отнюдь не расстроился,

что обычно с ним бывало. Некое размышление не отпускало его. Даже перестал отвечать на подтрунивания Мережникова.

- Тут видишь какое дело, - начал Григорий Павлович, расставляя фигуры для новой партии. - Гостил я у дочери, в сквер ходил с внуком... И познакомился с одним человеком, тоже дедом. Он с внучкой, я с внуком. Разговорились. Вот какая история. Живет он один в двухкомнатной. Дети имеют свои гнезда, иногда в виде особой милости дадут ему внуку на часок-другой поиграть. А так один и один. Рассказывает... Представь себе, ему уж шестьдесят восемь, как и мне, и познакомился он с женщиной. Она чуть помоложе, но уже пенсионерка. Такая очень... не знаю, как обрисовать. Он мне ее показывал, - поспешно объяснил Григорий Павлович. - Такая... очень интеллигентная, ростом средняя, в меру полная, а главное - спокойная, добродушная, я бы сказал, женщина. Преподавала всю жизнь в музыкальном училище. Сын у нее - кандидат наук, докторскую пишет. Две дочери: одна - кондитером в Киеве, другая учительница в сельской школе на Рязанщине. И вот, понимаешь, познакомился он с ней...

Часовников-Сушко осторожно захехекал и опять поглядел на Мережникова. Он вообще то и дело поглядывал испытующе: как Владимир Андреевич воспринимает его рассказ.

- Все это они гуляли, гуляли... беседовали, значит. И что ты думаешь? Этот мой приятель спрашивает меня: а что, мол, если они поженятся? Они уж договорились пожениться, да он как-то... - Рука Григория Павловича вздрагивала, когда он делал обыкновенную рокировку в самой безопасной позиции. - Совестно ему, понимаешь? Все-таки годы - шестьдесят восемь. Как и мне. Мало ли что люди подумают! А они не абы для чего, а чтоб не в одиночестве, понимаешь? Двое стариков, детей вырастили, живут от них отдельно... Так вот он ко мне и обратился: посоветуй, мол. А что ему сказать? Вот ты, Владимир Андреевич, как об этом думаешь? Если бы у тебя он спросил, как ты посоветовал бы, а?

- Женщина хорошая? - спросил Мережников, очень серьезно глядя на Часовникова-Сушко.

- Очень славная! Просто редкая женщина. Но дело не в ней.

Понимаешь, какое это впечатление произведет на его... знакомых. Смеяться будут. Старик - и вдруг жениться надумал! Чудно, верно? Он сомневается.

- А она не сомневается?

- Она - нет. Она говорит: то, что наше - это наше. И оно никого не касается.

Мережников движением ладони нарушил шахматную позицию и встал, очень взволнованный.

- Григорий Павлович! - сказал он торжественно. - Не сомневайтесь. Это действительно никого не касается. Смеяться над этим могут лишь подлые и крайне недалекие, примитивные люди. Я вас горячо поздравляю: вы счастливый человек. И дай вам бог всего, чего желают молодоженам: любви, согласия...

- Погоди-погоди, - охваченный смятением, лепетал Часовников-Сушко Григорий Павлович. - Почему ты обо мне?..

- О тебе, о тебе. Передай этой милой женщине, что ты ее не стоишь.

- Не стою, - вдруг покорно согласился тот.

- Она умница: не оглядывается ни на кого. И правильно! И ты не оглядывайся на нас, на толпу. То, что вы поженитесь, прекрасно! Тебе выпал счастливый билет, Павлович! Не упusti. И все, между прочим, правильно вас поймут, я уверен!

Часовников-Сушко отвернулся к окну, переждал паузу, потом подошел к Мережникову и церемонно пожал руку:

- Спасибо, Володя... Знаешь, она очень любит Моцарта, Мендельсона, Римского-Корсакова... А это же мои любимые люди. А она мне открыла нашего Скрябина... Прекрасная женщина, поверь мне! Я так ей благодарен!

Мережников обнял наивно-счастливого старичка с хрупкой мальчишеской фигурой, который был в эту минуту таким близким ему.

38.

Недели две Любовь Ивановна была занята вступительными экзаменами в институте. Недели две муж и жена виделись лишь поздно вечером; они обменивались двумя-тремя вежливыми фразами, как мирные соседи, и расходились по разным комнатам, а рано утром жена уходила в институт, когда муж еще спал.

Мережниковы по-прежнему жили розно, как и в предыдущий месяц, когда Любовь Ивановна была в деревне. Своя квартира была для них местом, где оба чувствовали особую тяжесть, которая угнетала их.

В эти дни Владимир Андреевич все чаще и чаще обращался мыслями к той выдуманной им истории, которая всегда была отрадна ему; только теперь в парковой аллее к нему неизменно подходила Наташа Иваненко, светловолосая, тоненькая, синеглазая. Именно она говорила те, знакомые ему слова.

Однажды все это Мережникову приснилось именно так, как всегда рисовалось в воображении: он увидел зеленую листву древесных крон и кустов бузины во рву, и белые стволы парковых берез, и красную стену кремля за рвом - да, это то самое место возле Княжой башни! И вот вышла из-за берез Наташа, приблизилась к нему, стала говорить... душа его тотчас озарилась, переполнилась радостью, взмыла жаворонком под небо и плыла, плыла по неведомым волнам.

Он увидел себя и Наташу на берегу озера, где они, взявшись за руки, торжественно произносили какие-то необыкновенные слова; говорили громко, в полный голос, обращаясь и к озеру, и к небу, и друг к другу... Было в их мире гулко, солнечно, счастливо... Он надевал ей на палец снятое со своей руки стеклянное колечко с надписью «Полюби мя».

Владимир Андреевич проснулся среди ночи, потрясенный сном, остро сожалея, что не может вспомнить, какие же слова вот только что произносил он, обращаясь к девушке и ко всему белому свету, - это были какие-то необыкновенно значительные, высокие слова. Но вспомнить ни того, что говорила Наташа, ни

того, что говорил сам, он, увы, не мог и ощущал это, как великую потерю.

«Это ведь мы... обручились, - радостно думал сонный Мережников, весь еще во власти только что пережитого видения. - Ведь мы отныне... вместе. Теперь она невеста моя». И погружался в дрему, уверенный, что снова увидит Наташу и все продолжится или, по крайней мере, повторится.

Сон не отпускал его и утром, и, шагая на работу, Владимир Андреевич взволнованно лелеял в воображении эту картину: они с Наташей на берегу Ильменя, где-то за Юрьевым монастырем, там простор, безлюдье, вольный ветер с озера, молодые рябинки с красными гроздьями ягод...

Именно здесь, перед ильменским лоном, на виду у сосен Перунова мольбища, Спас-Нередицы и глав Георгиевского собора в Юрьеве, именно на этом столь одушевленном историей месте, должно приносить им клятву любви и верности. Именно здесь.

- Ты, небо, и ты, земля, будьте свидетелями! Вот я беру эту девушку в жены себе... Я обещаю любить ее всеми силами души и сделать все мыслимое и немыслимое, чтоб она была счастлива. Сердце мое отныне бьется для нее. Наши судьбы пусть будут нераздельными. Да исполнится!..

- Ты, небо, и ты, земля! Я люблю его и буду ему верной женой. Его жизнь и моя жизнь пусть будут неразделимы. Каждое биение моего сердца - для него, каждое мое дыхание - для него. Я не оставлю его в минуту слабости или скорби, я укреплю его в радости и торжестве. Да исполнится!..

Две половинки боба,
 друг с другом плотно-плотно
 заключенные в одну оболочку, -
 суть зерно вечной жизни.
 Разъединенные - мертвы,
 соединенные рожают чудо,
 которое взламывает камень,

чтобы поднять к вечному небу
и выпестовать в лучах вечного солнца
две половинки боба,
друг с другом плотно-плотно
заклученные в одну оболочку, -
суть зерно вечной жизни...

39.

Чертить и рисовать, колдовать с акварельными красками, тушью, гуашью, пастелью было давно любимым занятием Мережникова. Когда-то он мечтал стать художником и ныне, пожалуй, мог даже называть себя таковым, хотя никогда не нарисовал ни одной картины.

Владимир Андреевич часами просиживал, например, над красочно оформленным «послойным» планом города, выполненным на листах прозрачной кальки, так что при наложении под одним просвечивал другой, под ним следующий: двенадцать листов один на одном, двенадцать веков истории Новгорода. И на каждом листе тушью и красками улицы с их названиями, усадьбы с фамилиями их владельцев, монастыри с именами настоятелей, родовые боярские владения, торги, кладбища, мосты, колодцы, дороги...

Точное направление улиц, местоположение тех или иных дворов он выверял по летописям, по различным актам, письмам и так далее, ну и по результатам ежегодных археологических раскопок тоже. Доказанное, точное - красной тушью, красной праздничной краской; предполагаемое, установленное лишь косвенно - розовой; и те, что из области чистой фантазии - зеленой, голубой, коричневой. Там, где могли, уместились на кальке церковки, жилые домики, сараи, пристани с лодками или теплоходами величиной со спичку, конные и пешие и едущие в автобусах, дымы из волоковых окон и заводских труб.

Жена Любовь Ивановна, бывало, усмехалась снисходительно:

- Тебе все игрушки! Видно, до старости...

Игрушки, да. С ними он отдыхал душою, они помогали его мыслям, будили его воображение.

Мережникова интересовали соотношения древних боярских родов Новгорода - Мишиничей, Борецких, Твердиславичей, Малышевичей, а также купеческих, ремесленных семейств, уклад их повседневной жизни. Кто-то за кого-то выдавал замуж дочь, кто-то женил сына, кто-то крестил соседского младенца или был на свадьбе посаженным отцом. Разглядывая карты города тринадцатого, четырнадцатого веков, он старался рассмотреть, какими улицами ходили за водой и с бельем к Волхову, где встречали заморские корабли и купеческие обозы, откуда возили дрова, строительный лес, куда выгоняли пасти стадо, где каждодневно пересекались пути горожан из враждующих кланов и семей и каковы отличия в одежде, облике жителей Неревского, Плотницкого или Славенского концов.

Такие у него «игрушки», и быть им теперь до старости.

Несколько лет назад он увлекся изучением старославянского письма и сам взялся переписывать «Повесть временных лет». Зачем? Да просто так. Опять-таки для приятного занятия в часы отдыха. Его подтолкнуло к этой работе то, что однажды однокашник по университету Слава Фирсановский привез ему из Пскова большую вязку старинной, уже пожелтевшей и оттого как бы еще более облагороженной бумаги с водяными знаками в виде совиной головы. Бумага, неведомо где добытая, пришлась как раз в пору увлечения Мережникова кириллицей старославянским уставным письмом. Владимиру Андреевичу доставляло великое наслаждение выписывать эти прямые, торжественные буквы, ровно, нетолкотно стоящие одна к одной. А когда Слава положил перед ним эту стопу плотной, как пергамент, бумаги, Мережникова прежде всего осенило: «А что, если...».

Он сам выстрогал дубовые дощечки для переплета будущей рукописной книги, сам обтянул их кожей (сколько хлопот было с этой кожей, пока доставал!), а вот бронзовые наугольники и серебряную титульную пластину гравировку на ней - это приш-

лось заказывать местному умельцу прежде всего потому, что ни бронзы, ни серебра Мережников не имел. Впрочем, эскизы для умельца Владимир Андреевич выполнял сам и строго потребовал их точного исполнения.

Хлопоты с переплетом шли независимо от переписки, а писал он неторопливо, страницу за страницей:

«По мнозехъ же время нехъ сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тех словенъ разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте... Словени же седоша около озера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ, и нарекоша Новъгородъ».

Иногда он отступался от этой работы на неделю, на месяц, потом, словно вспомнив о ней, принимался снова.

Библейская история, изложенная в повести, не интересовала его - он писал только о Древней Руси.

В тот день, когда он полон был своим «вещим» сном, не лежала у него душа к серьезной работе, и он снова взялся за переписку: то было место, которое часто возвращало к себе его мысли:

«В си же времена бысть знаменье на западь, звезда превелика, лучь имущи акы кровавы, възходящи с вечера по заходь солнечнъмъ, и пребысть за 7 дний. Се же пьроявляше не на добро, посемь бо быша усобиць многыи и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звезда бь акы кровава, проявляющи крови пролитье...».

Начиналось великое русское междуусобье.

40.

Владимир Андреевич, вернувшись с работы, застал жену дома. Вступительные экзамены в институте кончились, теперь она решила заняться и домашними делами. Любовь Ивановна, должно быть, по этой причине была оживлена, даже напевала что-то, пока он мыл руки в ванне, и заговорила с мужем ласково. Он сел ужинать, а она, хлопоча тут же, на кухне, обронила как бы между прочим:

- Приходили двое слесарей, починили нашу газовую колонку.

Муж кивнул:

- Хорошо. А то она дребезжала как-то подозрительно.

- Вот именно, дребезжала, - удовлетворенно сказала жена. - Что интересно, явились ко мне эти ангелы-хранители и говорят: у вас колонка дребезжит, ремонтировать будем. Я подумала, ты их вызвал. Вот, говорю, какой у меня муж стал хозяйственный, о газовой колонке заботится, специалистов вызвал. А они мне: ваш муж тут ни при чем, благодарите соседку - это она нас послала.

В наступившей тишине особенно отчетливо было слышно осторожное звяканье ложки о тарелку да из-под неплотно завернутого крана тяжело шлепались в раковину капли воды.

- Такая, понимаешь, осведомленная соседка, - не выдержав, произнесла Любовь Ивановна, и он, скользнув взглядом, заметил на ее лице злую усмешку. - Знает, в каком состоянии кухонное оборудование у Мережниковых. Откуда бы это?

Она смотрела на мужа выжидательно, в то время как он боялся поднять на нее глаза. Владимир Андреевич старался не показать вспыхнувшего волнения, следил, чтоб ложка в его руке не вздрагивала; он продолжал молча и неторопливо есть. Пауза явно затянулась.

Любовь Ивановна сняла фартук, бросила его на стол, рядом с его тарелкой, и вышла из кухни.

Он отложил ложку, посидел в одиночестве, взвешивая происшедшее. Это нельзя было оставить просто так: жена может пойти за объяснениями к Фае. Это почему-то очень испугало Владимира Андреевича.

Когда он пошел в переднюю комнату, жена стояла возле окна, прислонившись лицом к стеклу. Ему показалось, что она плачет.

- Да, соседка была у нас, - хмурясь, сказал он. - Случайно разговорились на лестнице, она узнала, что тебя давно уже нет, и вызвалась убраться в квартире. Вернее, не так: это я ее попросил. Что тут особенного! Я же тебе сказал тогда!

Любовь Ивановна не отозвалась, только повела плечами,

словно ей было холодно. Нет, она не плакала и, судя по всему, даже не собиралась плакать. Выражение непонятого для него злого торжества не покидало ее лица.

- Вспомни, - продолжал муж, - когда ты приехала, то сразу заметила, что кто-то у нас прибрался, кто-то тут мне помогал. Ты спросила у меня, и я тебе ответил: да, приходила женщина. Что плохого?

Говоря это, он встал с нею рядом. Любовь Ивановна покусывала губы, и глаза у нее странно блестели.

- Я и не думал этого скрывать. Ведь ты не спросила, кто тогда был. Да и какая разница - соседка или кто другой! Не мне же мыть пол и вытирать пыль!

Чем больше Владимир Андреевич оправдывался, тем неуверенней был его тон, тем неприятнее становился и самому себе.

- Отойди, - неприязненно приказала жена.

Видя, что муж не тронулся с места, она резко повернулась и ушла от него в другую комнату.

41.

Балин вернулся из отпуска, и все хозяйственные дела, которые Мережников терпеть не мог, сразу отступили. Теперь уже не надо расстраиваться из-за того, что уборщица увольняется и надо искать другую, что вахтерша со второго этажа заболела и нужна замена ей и что в полуподвале необходимо менять батареи отопления именно сейчас, пока не наступил отопительный сезон.

Владимир Андреевич обычно терялся от этих повседневных неурядиц и забот, которым не было конца: они неизменно ставили его в тупик. Напротив, Балин в таких делах был уверенным человеком, настоящим директором. Мережников не мог без искреннего уважения наблюдать, как он неторопливо и основательно решал все эти вопросы, столь существенные в жизнедеятельности их учреждения.

С возвращением Балина Владимир Андреевич получил на-

конец желанную свободу действий. Теперь бы и заняться настоящим делом, чего от него, собственно, и ждали, но вяжущая лень и странное безразличие овладели им. То, что нужно было исполнить еще вчера, он оставлял на завтра, на послезавтра, на потом... Мережников никак не мог сосредоточиться мыслями на одном: домашняя неурядица бередила, беспокоила его.

Обычно он досадовал, когда звали куда-нибудь выступать, а тут охотно согласился, едва только на это намекнули: съездил с лекцией и на химкомбинат, и на электровакуумный завод, и к летчикам в подгородний поселочек. Потом, словно спасаясь от навязчивых мыслей и стремясь развеяться, зачастил к Гречаниновым, чья мастерская располагалась неподалеку в полуподвале Лихудова корпуса кремля.

Супруги Гречаниновы вот уже много лет заняты восстановлением фресок церкви Спаса-на-Ковалеве. Церковь в войну была разрушена до основания, а два десятилетия спустя оббитую во время артиллерийских обстрелов штукатурку с остатками фресок Гречаниновы собрали и вот уже лет четырнадцать или шестнадцать по своей особой методике подбирают кусочек к кусочку, а кусочков этих - сотни тысяч!..

Летом им помогают студенты из МГУ, приходят и местные доброты, вроде Наташи Орловой, у которой «умные ручки» по утверждению Галины Борисовны Гречаниновой. Приезжают даже из других городов - помочь в работе, подышать древностью, пообщаться с хорошими людьми.

Сам Алексей Петрович чем-то неуловимо похож на Иванина, даже внешне - оба они примерно одного возраста, оба успели поседеть, оба неторопливы, даже тяжеловаты в походке. Гречанинов общителен, любознателен во всем и ко всему, ревниво и настороженно встречает всякий интерес к его фрескам.

С появлением Мережникова Гречаниновы ставили на радиолу пластинку, и в полуподвале Лихудова корпуса звучал Шопен. Хозяева мастерской считали Владимира Андреевича поклонником Шопена, чего он не отрицал, равно как и подтвердить не хотел, ибо не то чтобы равнодушен был к музыке, а как-то... не его это была стихия!

Алексей Петрович крайне озабочен: где хранить восстановленные с таким трудом фрески? В построенной заново церкви Спаса-на-Ковалеве нельзя: сыро да и, чего доброго, растащат всё. А иного помещения нет. Пока что все находится здесь, в Лихудовом корпусе.

Мережников разговаривал с Гречаниновыми, между тем как тоска гнездилась в его душе и не давала покою. Он кивал согласно словам Алексея Петровича, а сам то и дело сбивался мыслями на свое...

Раза два наведывался он и в бывший Знаменский монастырь, где располагается база новгородской археологической экспедиции: не нашли ли чего новенького, да и Иванина там легче было застать. Сходил к знакомому художнику в Колмово, посидел в его мастерской часа два, толкуя о Босхе и Брейгеле, о Петрове-Водкине и о движении света на картинах мастеров Возрождения.

Кстати, подвернулось и еще одно дело.

Новгородский драмтеатр еще весной объявил через областную газету, что желает приобрести старинную мебель для своего реквизита. Тогда же из Малой Вишеры пришло письмо: есть зеркало и шкаф и два креслица - все будто бы девятнадцатого века. Но привезти эти вещи было не на чем, и купля-продажа затянулась. Владелица старинной утвари прислала еще одно письмо, грозя сжечь этот хлам, который надоел ей, как она выразилась, до смерти.

Наконец машину нашли, директор театра пригласил Мережникова, и тот согласился тотчас. Дорога до Малой Вишеры не ближняя, но он радовался этой поездке, хотя и пришлось сидеть в кузове.

И зеркало, и шкаф, и креслица никакой особой ценности не составляли - заурядная работа, к тому же все это требовало основательной реставрации. Однако директор театра мебель приобрел, ибо хозяйка за ценой не стояла, отдавала чуть ли не даром.

И вот когда уже все погрузили, шофер, зашедший случайно во двор, обнаружил возле шести куриные гнезда, которые имели в качестве перекрытий... подшивки газет и книги.

- Да валялись на чердаке, - сказала с неохотой хозяйка. - Церковные какие-то. Кому они нужны! Я неверующая. А зимой у меня во дворе холодно, так курицы любят прятаться в эти клетушки, там тепло.

Мережников извлек из-под птичьего помета и всякой трухи три тома Четьи-Минеи издания конца прошлого века, книжки «Отечественных записок» времени Салтыкова-Щедрина, а среди прочего - письма на французском языке, заключенные в альбомный переплет, пронумерованные, прошнурованные и уже погрызенные мышами.

Хозяйка все это отдала охотно, как совершенно ненужное, только заставила гостей соорудить во дворе дощатые клетушки для кур, так, как ей хотелось, что и было немедленно исполнено Мережниковым в содружестве с водителем автомашины и директором драмтеатра.

На обратном пути Владимир Андреевич сидел в кузове в дырявом креслице столетней давности и листал «Отечественные записки», дивясь счастливому случаю. Он подумал раскаянно, что такие удачи случались бы гораздо чаще, проявляй он чуть больше старания в поисках.

Вот, например, в селе под Демянском живет старуха, у которой полсундука каких-то старых книг. Учительница, писавшая ему оттуда, утверждает, что видела у нее рукописную Библию на греческом языке.

В деревушечке из семи домов, на реке Ловати, живет восьмидесятитрехлетний старик, у которого знакомый художник, пок-лонник Петрова-Водкина и Питера Брейгеля, видел церковные книги, оценить которые было ему не под силу, несколько рукописей - их хозяин не разрешил даже полистать - и комплект журнала «Русская старина» за 1872 год с чьими-то пометками на страницах. Почерк показался художнику знакомым, принадлежал кому-то из писателей прошлого века, но чей именно это почерк, художник не мог вот так сразу определить. Хорошо бы взять с собой образчик или сфотографировать, но старик суров, ни книг, ни журналов не отдаст и не продаст, да и фотосъемку вряд ли позволит.

А если все-таки попробовать уговорить?

Надо бы съездить и в Демянский, и в Холмский районы, но Мережников на протяжении вот уже нескольких месяцев не мог выкроить из круга своих забот несколько свободных дней. Может, и выкроил бы, да что греха таить: не любил он ездить! Терпеть не мог вокзалы с их вечной сутолокой и беспокойством из-за билетов, гостиницы с неизбежными неудобствами, тесноту поездов и рейсовых автобусов. Вдали от дома Владимир Андреевич чувствовал себя оторванным от некоей важной основы, на которую опирался весь уклад его жизни; в командировках у него обычно оказывалось много свободного времени, особенно по вечерам; вечера томили и тяготили его.

Идеальный, по убеждению Мережникова, образ жизни - в кабинете, заваленном книгами и рукописями, за письменным столом, на котором среди старых фолиантов и бумаг будет остывающий чай в стакане и сухарик на блюде... Но никак не в суете улиц или чопорной упорядоченности больших и малых заседаний!

«Закончу дни свои маленьким старичком-архивариусом в тесненькой комнатушке, заставленной папками бумаг», - думал он.

Что ж, это не такой уж плохой конец. Кое-что он еще успеет сделать до той поры.

Напишет книги... Протрет запотелое от забвения оконце во время Всеславова... Разыщет, спасет кое-какие старые книги...

«Эх, надо бы ездить, - вздыхал Мережников, возвращаясь из Малой Вишеры. - Пропадет ведь! Старушки-то смертны, дай им бог здоровья! Смертны, увы, и многострадальные книги. Ими покрывают кринки с молоком, ими обклеивают стены под обои, ими утепляют курятники...».

Мережников с радостью почувствовал, что эта поездка словно стряхнула с него бремя подступивших к нему невзгод; он словно встрепенулся душой, снова ощутил вкус к работе и уже спешил погрузиться в нее.

42.

Однажды, еще до случая с газовой колонкой, идя вечером по улице, он в задумчивости разминулся с маленькой женщиной, очень похожей на Фаю. Спohватившись, что прошел мимо нее вот этак безмолвно, не поздоровавшись, Мережников не испытал раскаяния. Хотя от последнего разговора с соседкой прошло всего недели две, не больше, он так счастливо забыл о ней, что воспоминания не задевали его, не разбивали размеренного тока мыслей. Она так безболезненно отстранилась, отошла в некую тень, что словно бы ее и не было вовсе.

А ведь некогда, меряя шагами свою комнату, он был уверен, что это неожиданное и никоим образом не предвиденное любовное приключение будет преследовать его долго. Думалось, что Фая будет служить живым укором его совести, лишь только он увидит свою, столь некрасивую соседку из окна - «Боже мой! на кого польстился!», или услышит за стеной ее невнятный и потому неприятный голос, или встретит нечаянно - «О чем нам говорить! Мы такие разные люди!» И вдруг ощутил теперь, что отодвинул случившееся, как сон, мимоходом подивившись его странности и неправдоподобности.

«Ладно, - подумал он, вздохнув. - Может, так оно и надо, а? Не я это выдумал. В конце концов ей было хорошо со мной... Да и мне с нею тоже! Чего уж там!.. Ну и славно. А теперь забудем. Ладно!»

Он опять углубился в чтение, опять во время коротких отдыхов рисовал чинные букочки на плотной бумаге с водяными знаками в виде совиной головы, опять разбирал развал монастырского архива, сданного некогда ему по весу - столько-то килограммов.

«Вдова Каптелиница, Галактионовская жена горончариха приходит мыться в торговую лазню...».

Его почему-то сместила эта фраза, вычитанная неизвестно где и неизвестно когда. Просто вдруг всплыла в памяти, и воображение подсказывало: белотелая вдова с тяжелым венцом кос на голове и стеклянными сережками в ушах поставила шаечку

на лавку, пошевелила кованой кочергой горящие поленья в печке, зачерпнула ковшем в котле, плеснула на раскаленные камни... А в этой самой торговой лазне сумеречно, грязный снег виден в окне, колючий ветер шуршит в соломенной крыше.

А некто, тоскующий о ней, пишет скрипучим пером: «Вдова Каптелиница...».

43.

Стойкое убеждение издавна сложилось и не покидало Мережникова: он воспринимал годы, века, тысячелетия не как временные категории, а как категории пространственные; существовала в нем некая совмещенность этих понятий. Никто из людей в пространстве истории не умирал, хотя Мережников отнюдь не отвергал факты их смерти. Все живут, имея начало и конец жизни, как имеет река исток и устье, а течет, течет... Разница лишь в том или ином отдалении жизнетечений от нынешнего дня. Эти жизнетечения отслоились от тленного человеческого естества, были сами по себе, составляя в совокупности огромный, прямо-таки необозримый мир, границы которого теряются в тумане забвения.

Доглевет в земле последний серебряный гвоздь с подковы Мономахова коня, но по-прежнему охотится на тура в пущах по реке Десне мужественный и мудрый Владимир Всеволодович, русский князь и русский писатель... Не однажды возносился в небо с восходящими потоками воздуха пепел неукротимого протопоба Аввакума, но горит вечное пламя в порубе, из которого слышно доньне его последнее пастьерское благословение... Еще едут купцы в Тмутаракань, хотя их уже убили и ограбили, а они поют и плывут мимо подступающих к самой воде лесных дебрей по дивной реке Дон... В Суроже на площади продают полуголых девушек с необыкновенно шелковистыми легкими волосами, с глазами цвета весеннего неба, с кожей белой, как благородный мрамор, - а внуки и правнуки их уже смуглы и кареглазы и уже толкуют не по-русски в Нубии, Исфагане, Калабрии, Эритрее... Уносит в штормовое море, в безвозвратность безымянных русо-

бородых мореходов с Двины, и вон они обживают ледяной берег Гренландии, а потомки их уже плывут в долбленых лодках мимо болотистых берегов земли, названной много веков спустя именем римской богини, покровительницы всего растущего и цветущего...

Пространство истории наполнено движением, звоном и многоголосьем, дымом пожарищ, взблесками мечей и тугим ветром вселенских катастроф, запечатленным в крике страданием и торжеством, бессонными токами человеческой мысли и озарениями духа. Пространство истории живо; могучее дыхание его толкает ныне живущих в спины - вперед! да сбудется то, что сбудется!

«Сознают ли мои современники, - размышлял Мережников, - исторический смысл своего существования?..»

Сознают ли они, что, прошивая пространство времени, наступая жизнями своими на небытие, отвоевывают у пустоты все новые и новые пространства, заполняя их? Вот Слава Фирсановский с Виталием... Вот Наташа в своей холодной Кандалакше... Старичок Часовников... Вера Станиславовна вкупе со своими женщинами и Балин... Вот несмышленная дочка его Джуля и разумница жена... Вот сам он...

«Нет, не сознаем. Просто живем, как трава. Да и создал ли кто когда-нибудь? Мономах? Гюрята? Нестор-летописец? Разве что летописцы, да...».

Вынырнув из глубин древности, как бы из самого себя, со странной улыбкой, с отрешенным взглядом Мережников вставал из-за стола и некоторое время прохаживался, потирая лицо рукой. Если такое случалось в служебном кабинете, он, чтоб развлечься, отправлялся по коридору длинного здания, выходил на улицу и вскоре появлялся в том помещении, которое служило ему комнатой отдыха.

- Здравствуйте, ваши величества! Что нового в подвластном вам царстве-государстве?..

Женщины были неизменно рады ему, тотчас открывалась дверь за стеллажами, и Григорий Павлович, улыбаясь, ожидал гостя. А гость любил бывать здесь.

44.

Соседку Фаю после долгого перерыва он встретил однажды на лестнице - она шла с какой-то женщиной и не поздоровалась с Мережниковым, только глянула коротко и, как ему показалось, безразлично. На другой день Владимир Андреевич увидел ее в ближнем от дома гастрономе и, немного задетый ее невниманием, подошел:

- Здравствуй, соседка.

Она ответила сдержанно:

- Здравствуйте, Владимир Андреевич.

Фая была с сынишкой, и Мережников улыбнулся малышу, пощекотал ему голую шею - тот засмеялся.

- Что-то давно не видно было тебя, Фаина, и не слышно.

- Ездила к маме.

- Далеко?

- По Мсте на теплоходе час пути.

Они разговаривали хорошо, как двое приветливых соседей. Она оглянулась настороженно туда, где были кассы и стояли люди. «Заботится, чтоб жена меня не увидела», - усмехнулся он.

- Почему ты не спросишь, отремонтировали мне газовую колонку или нет?

Она молча и с удивлением смотрела на него.

- Но ведь ты послала нам этих двух слесарей, - напомнил Владимир Андреевич. - Сказала: идите к соседям, у них колонка неисправна.

Она опять его не понимала. Его даже рассердил ее недоуменный взгляд.

- Но у тебя, по крайней мере, были газовщики?..

- Нет. Я же говорю: к маме ездила.

- Погоди, - Мережников слегка опешил, - то есть как не были?

- В прошлом году только, - сказала Фая, вдруг испугавшись чего-то.

- А-а, ну я так и думал, - непонятно произнес он, тотчас сообразив, в чем дело.

Владимир Андреевич вспомнил в эту минуту очень ясно, как

Любовь Ивановна стояла у окна, покусывая губы. Ему тогда показалось, что она сдерживает слезы, но это было не что иное, как злое ликование. Он попался на удочку, которую она так ловко забросила. «Ай да Люба! - промелькнуло сейчас в его голове. - Как говорится, пардон, не ожидал».

Они с Фаей пошли по магазину рядом, продолжая разговаривать о том, о сем.

«А и глуп же я!» - мимолетно подумал Мережников.

- Ну, как жилось у мамы? - спрашивал он, не зная, о чем говорить со своей соседкой. - Хорошо отдохнула?

- Даже отлично, Владимир Андреевич. А вы тут как жили?

- Я лучше всех, - ответил он рассеянно.

«Почему, почему Люба решила меня так разыграть? - не покидала его тревога. - Значит, подозревает... Подозревает и носит это в себе. И молчит! Так-так».

Мережников с соседкой вышли из магазина, ничего не купив, и здесь Фая остановилась, сказала, что дальше им идти вместе не следует.

- Это почему же? - удивился он.

- Нельзя, и все.

- А-а, конспирация!

Он засмеялся, однако не без удовлетворения отметил про себя разумную предусмотрительность Фаи.

- Ну, что ж, до свидания. Идите вы, я постою.

«Не спросила ведь прямо... - все более досадуя, думал он, пока Фая удалялась. - Затеяла этот глупый розыгрыш с газовщиками... Почему же ее подозрение легло именно на соседку? Чтоб убрать в квартире, ко мне могла прийти и другая женщина! Странно...».

- Владимир Андреевич!

Фая остановила мальчика и вернулась.

- Владимир Андреевич, - проговорила она, задыхаясь то ли от волнения, то ли от быстрой ходьбы. - Мне от вас ничего не надо, не подумайте... Прежнего не будет, это я знаю. Но я вас люблю. Я вас очень люблю, Владимир Андреевич! Без памяти люблю... Прям как дура...

Не дожидаясь, что он скажет в ответ, она вернулась к сынишке, схватила его за руку, и они торопливо пошли прочь.

«Ну вот, - сконфуженно подумал Мережников, оглядываясь зачем-то на магазин. - Подфартило, как выразались в старину».

Фая никогда не говорила ему о своей любви даже в минуты их близости, когда в забывчивости она называла его «ты», «Володя». А что он может ей теперь ответить? Ничего. Слава богу, что она и не ждет ничего. Хотя и то надо признать: не ждала бы, так не сказала бы сейчас.

И снова у него заскребло на сердце в предчувствии: нет, эта история не закончилась. Она еще будет иметь продолжение, и, увы, ее дальнейшее течение уже не зависит от его желаний. Предчувствие подсказывало ему: события постепенно выходят у него из-под контроля.

«Надо поговорить с Любой... Попытать ее осторожненько... А впрочем, ничего не надо, - отмахнулся он. - Пусть все идет, как идет».

45.

Перед началом учебного года Любовь Ивановна съездила в деревню, привезла от родителей дочку.

Вернувшись с работы, Владимир Андреевич увидел обеих на кухне, где Любовь Ивановна кормила Джулю сладостями и вкусностями, которые удалось достать в ближайшей домовой кухне и в магазине.

Джуля рассказывала, как бабушка учила ее доить корову, как в кусте крыжовника синичка выводила птенцов, которых можно было подкармливать червячками; о том, что Борька Сапелкин умеет свистеть в четыре пальца, а она только в два; о том, что под камнем возле пожарного сарая живет змея со змеенышами, и там непременно есть клад, она его стережет.

В этот вечер Владимир Андреевич почти не отпускал от себя дочку. Она вырывалась, тянулась то к матери, то просто побегать по комнатам, а ему хотелось, чтоб Джуля сидела у него на коле-

нях, что доставляло ему неизъяснимую радость: такая она была тепленькая и веселая, такая живая, каждой своей жилочкой деятельная, и такая родная, своя...

На другой день, не желая с нею расставаться, он взял Джулю с собой на работу.

Все, кто бы ни встретился им на пути на улице ли, в коридоре ли родного учреждения, останавливались, каждый выражал свое восхищение его дочерью. На неизменный вопрос: «Как тебя зовут?» - девочка отвечала с большим достоинством: «Джульетта Мережникова». В эти минуты она очень походила на мать: строгая, серьезная, красивая; и он гордился ею.

Папа с дочерью зашли в бабье царство.

- Ах! - первой воскликнула Людмила Романовна. - Это ваша дочь, Владимир Андреевич? - Вышла из-за своего стола, присела перед нею на корточки. - Какая прелесть! Что за глазки! И кудрявая. Надо же, до чего славная девчушка! Как тебя зовут?

Но на этот раз Джуля своего имени назвать не захотела. Она только строго и даже как бы свысока посмотрела на присевшую перед нею женщину и отступила на два шага и отвернулась.

- Ах, как я люблю детей! - продолжала восторгаться Людмила Романовна. - Готова усыновить или удочерить кого-нибудь. У меня есть подруга на Урале, ей трудно живется. Я ей говорю: отдай мне свою дочку, я воспитаю. Обещала подумать. Может, отдаст, а? Я воспитала бы хорошо. У меня с детьми всегда отличный контакт, Владимир Андреевич, а с вашей девочкой мы еще не привыкли друг к другу. Ты к нам будешь заходить? - спрашивала она Джулю.

- Да, - сказала та.

- Ну вот и хорошо! Вот и славно! - ворковала Людмила Романовна, то и дело оглядываясь на Мережникова. - Мы с тобой быстро найдем общий язык.

Как всегда, так и теперь, она была неизменно энергична и весела. Валентина верно сказала однажды при Владимире Андреевиче:

- Романовна-то наша, как тесто на дрожжах, так вся и ходит! Расцвела - откуда что берется!

- Как наступит сорок пять, баба ягодка опять, - заметила Вера Станиславовна довольно неприязненно.

Этот краткий разговор происходил, естественно, в отсутствие Людмилы Романовны, и при этом женщины хитро поглядывали на него. Мережников отнюдь не польщен был такими намеками, но постарался тогда не показать своей досады и вообще в их присутствии стал держаться строже.

У них были основания подтрунивать над ним. Едва только он переступал порог, как сразу попадал в зону притяжения Людмилы Романовны: она первой заговаривала с ним, настойчиво приглашала сесть неподалеку от себя и слушала заинтересованней всех, о чем бы он ни говорил. При этом она отнюдь не была назойливой, напротив - радушной, приветливой; Владимир Андреевич отдавал должное тому такту, с каким она вступала в любой разговор. Эта женщина знала себе цену и умела вести себя достойно.

Однажды он застал ее одну, и Людмила Романовна, не мешкая, перешла на доверительный тон.

- Ну, как поживает ваша девушка? Та, что очаровала вас своим голубым купальником. Рассказывайте!

- Увы, она меня не любит! - отшутился Мережников и так же шутивно прочитал:

Утешься, друг: она дитя.
Твое унынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское - шутя.

Надо было изгладить из памяти Людмилы Романовны тот нежелательный приступ его откровенности, и он с самым серьезным видом заявил ей, что девушка с именем Наташа - лишь плод его воображения, в действительности, мол, таковой не существует; он-де выдумал ее затем, чтоб испытать, как отнесется к подобной истории его собеседница, в чем и просит нынче извинения.

Она не приняла его версии.

- Я вижу, вы разочаровались, - несколько печально сказала Людмила Романовна. - А впрочем, это нетрудно было предвидеть. Ах, Владимир Андреевич! Вы умный, образованный, душевно богатый человек, и вдруг - простенькая, глупенькая девочка... Нет, это не для вас. И все-таки мне жаль, что ваше увлечение так ничем и кончилось. Искренне жаль, поверьте.

Ее непритворная печаль была приятна ему. Мережников слушал молча и внимательно и потом не раз с благодарным чувством вспоминал этот разговор.

Впрочем, не всегда беседы с нею удовлетворяли его.

- Милый Владимир Андреевич, - заявила она в другой раз, когда он так же застал ее одну, - жизнь без любви, как кушанье без соли, - пресно, скучно! А вы особенно нуждаетесь в женской ласке, как никто другой. Я вас так понимаю! Вы же в этом отношении совсем беспризорный мужчина, или бесхозный, как теперь говорят. Вам нужна не любовница, нет! Вам необходима женщина-мать. Такая, знаете ли, заботливая, нежная, хлопотливая, любующаяся вами, преданная вам... Да, да!

Чем увлеченней она говорила в этом духе, тем сильнее раздражался Мережников. Что за афоризмы, вроде «жизнь без любви - как кушанье без соли»! Что за пошлые рассуждения! Ладно бы на отвлеченную тему, а то о нем, о нем! Да еще в таком жалостливом тоне: вам-де нужна женщина-мать...

Он еле сдерживался от резкого замечания. Тут вошла Валентина, и разговор, принявший для него нежелательное направление, пресекся. Мережников боялся его продолжения и в последние дни избегал заглядывать в бабье царство.

Нынче зашел, не опасаясь, - это потому, что был с Джулей.

- Вера Станиславовна, - требовательно сказал он, - не слышу от вас восхищенных слов.

Та с самым серьезным выражением лица смотрела на его дочь и молчала. А Джуля из всех женщин выбрала в собеседницы именно ее:

- Что это у вас?

- Фломастер.

- Разве бывает такой фломастер?

И пустилась в дальнейшие расспросы. Вера Станиславовна приласкала ее, и девочка доверчиво прижалась к ней.

- Папа-то, папа-то тает, - заметила Тоня.

- Еще бы! Дочь-то, ишь, какая красавица! - Вера Станиславовна поцеловала девочку, чем заслужила еще большее Джулино расположение.

Когда вышли, Владимир Андреевич спросил у дочери:

- Тебе не понравилась эта женщина, вот которая присаживалась перед тобой на корточки?

- Нет.

- Почему?

- Она притворяется.

Джуля чутко уловила фальшь в поведении Людмилы Романовны. Эту фальшь чувствовал и Владимир Андреевич, она раздражала его.

- Купи мне фломастер такой, как у Веры Станиславовны.

- Обязательно куплю. И куплю и достану, чего хочешь.

В приливе непонятной нежности он сказал:

- Ты помни, Джуля, я буду рядом с тобой всегда, что бы ни случилось. Ты это очень хорошо запомни: у тебя есть папа и мама, есть и всегда будут, что бы ни произошло. Запомнишь?

- Да, - кратко сказала обычно не скупая на слова дочь.

46.

В этот день он мысленно поселил Наташу Иваненко в общежитии. Она, конечно же, приехала из своей Кандалакши и уже небось ходит по улицам Новгорода, и будет навещать тесную «Пончиковую» возле кинотеатра «Октябрь», куда он сам теперь любил заглядывать. Вечером отправится с девушками на Веселую горку, где танцплощадка и по вечерам играет оркестр и куда Меружников ни разу не показывался.

Владимир Андреевич часто представлял себе, как встретит ее нечаянно на улице. Он ждал этой встречи со дня на день и все

нетерпеливей. Вот-вот она выйдет из-за дома на перекрестке, покажется на той стороне улицы; сойдет с автобуса на остановке и столкнется с ним, идущим по тротуару. Встреча эта непременно произойдет, надо быть к ней готовым.

Мережников так часто обдумывал свой предстоящий разговор с Наташей Иваненко, что он запечатлелся в его памяти, подобно тому, у Княжой башни.

- Здравствуй, Наташа!.. Очень рад тебя видеть. Ну, какие новости в Кандалакше?.. Правда ли, что ветер с Белого моря пахнет рыбой? И неужели там на улицах деревянные мосточки, как в моем микрорайоне? Ты, конечно, ходила за водой с коромыслом? Догадываюсь. Ты удивительно похорошела за эти два месяца... Мне так хотелось написать тебе письмо!.. Нет, не решился. Ведь мы с тобой даже не знакомы! То есть я тебя знаю, а ты меня - нет. Надо исправить эту несообразность, Наташа!..

Он видел ее смущенную улыбку в ответ и теплый блеск глаз и слышал ее голос...

И вот так, разговаривая, они пошли бы куда-нибудь... По набережной от моста до Ярославова Дворища - это если бы он встретил ее на Торговой стороне... Или вокруг кремля - это если бы он встретил ее здесь, на Софийской стороне. Пусть даже просто гуляли бы по улице, в толпе...

- Это такая проблема, Наташа, - как докричаться до человека, который рядом с тобой! Поверь, это очень непросто: быть услышанным человеком, стоящим рядом, живущим рядом, быть им правильно понятым. Вот, я слышу его дыхание, могу взять за руку, разговаривать с ним, и все-таки он бесконечно далеко. Несчастья, исковерканные судьбы, великие и малые конфликты среди людей - почти все это из-за недоразумения по причине явного, вопиющего непонимания. Сын не понимает отца, жена мужа, сосед соседа - отсюда все несчастья. Ах, как это непросто - понять человека!..

- Вот и мы с тобой тоже... Вроде бы я говорю, ты слушаешь - чего же еще! А нет... Тютчев сказал: мысль изреченная есть ложь. То есть она искажена в слове говорящего и она искажена второй

раз - через восприятие слушающего. Видишь, какая это несовершенная коммуникация - человеческая речь! Чаще всего не связующая, а наоборот - разобщающая. Песня есть блатная: «Граждане, послушайте меня...». Тот же крик души: граждане, послушайте! А граждане слушать не хотят. И не понимают, зачем это нужно. И идут все мимо, мимо... Понимаешь? Отсюда болезнь века - одиночество в толпе людей...

- Вся мировая литература посвящена тому, чтобы установить надежную связь между двумя мирами, то есть между двумя людьми. Ведь каждый человек - это мир, он - как солнечная система среди прочих в нашей Галактике, он - как наша Галактика во Вселенной. Каким образом наладить связь между ними, что практически означает - от звезды до звезды? Кричать? Не скоро докричимся...

- И философия, и искусство, и религия, и литература - все служат одной цели. Тысячи лет лучшие умы человечества бьются над проблемой: как сделать, чтоб человек не искаженно, а истинно понимал человека. И тысячи лет не могут добиться этого. Люди по-прежнему общаются друг с другом самым примитивным, самым топорным способом - при помощи слова. Хотя само по себе это великое средство - слово. Тем не менее самый совершенный и самый красивый из всех существующих языков, которым мы с тобой владеем, - русский! - неспособен полностью удовлетворить нас. Так, Наташа?

- Как в космической связи от звезды до звезды: радиоволны слишком медлительны, световые волны тоже - нужны новые коммуникации, что-то принципиально иное. А пока этого «чего-то» нет, вот и мнутятся наши души, каждая в своем одиночестве. Моя, в частности... Да и твоя! Разве нет?..

- Мне кажется, принципиально новое средство взаимопонимания между людьми найдено, и давно уже, - тысячи лет назад, но мы до сих пор не можем освоить его, не умеем пользоваться им, может быть, из-за несовершенства человеческой души. Я имею в виду любовь. Ведь это то взаимопонимание, когда не требуется никакого посредства - ни речи, ни письменности. Двое людей

чувствуют близость друг друга, даже будучи разделенными стенами или пространством. Они знают, когда с любимым человеком случается несчастье, хотя бы в этот миг они находились в разных концах света. Их взаимное понимание мгновенно во времени и безошибочно. Конечно, это чудо...

- Люди, которые понимают друг друга таким чудесным образом, - счастливейшие люди на земле. Их мало, избранных; к сожалению, очень мало. Мы так неумелы и несовершенны в общении! Мы хотим и не можем взаимопроникнуться Любовью, а все так жаждем ее, так тянемся к ней и обжигаем крылья, как бабочки на огне...

Все это он ей говорил, а она слушала молча, и он ловил на себе ее удивленный и просветляющийся взгляд.

47.

- Я намерена сегодня нанести визит нашей соседке, - как бы между прочим обронила вдруг Любовь Ивановна. - Ты пойдешь со мной, Джуля?

Семья Мережниковых ужинала, на этот раз все вместе. Разговор шел как бы через Джулю; отец спрашивал о чем-нибудь дочь, адресуясь между тем к своей жене, мать же говорила дочери: скажи своему отцу то-то... А прямо друг к другу супруги избегали обращаться. Фраза о соседке была первой фразой, адресованной Любовью Ивановной непосредственно мужу, хотя и ее она, словно спохватившись, обернула к дочери.

- С какой целью? - осведомился Владимир Ан-дреевич нарочито безразличным тоном, якобы только затем, чтобы поддержать разговор.

- Начались занятия, очень много стало работы, - спокойно объяснила жена. - Некогда и убраться в квартире, не говоря уж о том, чтобы готовить обеды и ужины. Дочь стала первоклассницей, приходит из школы - ее кормить надо. Да еще бегать по магазинам! Не успеть мне.

Любовь Ивановна говорила это размышляюще и неторопливо, словно наслаждаясь производимым впечатлением.

- Хочу спросить у нашей соседки, не согласится ли она выполнять за меня свои обязанности на правах домработницы. Поскольку однажды уже выполняла, - не удержавшись, добавила она и усмехнулась. - Не знаю уж, на каких правах.

Жена не в первый раз позволяла себе подобные намеки, на которые Владимир Андреевич обычно никак не отзывался. Отрицать и оправдываться было глупо, но и не подтверждать же! На этот раз муж только пожал плечами.

Он ожидал этого и ранее. Владимир Андреевич понимал: отвлечь Любовь Ивановну от возникшего намерения теперь уже не удастся, оно созрело явно не сегодня. Если бы он вздумал угораздиться, это лишь укрепило бы ее в принятом решении. Дело здесь вовсе не в том, что Любовь Ивановна действительно хочет занять домработницу...

- Кстати, как ее величать, Владимир Андреевич? - осведомилась Любовь Ивановна.

- Ее зовут Фая, - твердо сказал Мережников, и жена с видимым удовлетворением кивнула.

- Тебя что-то беспокоит? - осведомился он.

- Меня беспокоит, что в квартире не убрано, что обед готовить некому. Только это, больше ничего.

- Слава богу, - отозвался он ровным голосом.

Разговор не вызвал никаких подозрений со стороны Джули, а между тем напряжение резко возросло, каждую минуту можно было ждать срыва.

После ужина Любовь Ивановна отправилась для переговоров, взяв с собой и дочь. Ясно, что Джуля нужна ей была затем, чтобы придать обычность неожиданному визиту - так понял Владимир Андреевич. Ничего особенного, мол, не происходит, просто соседка зашла к соседке, и девочка с нею - дело привычное.

Любовь Ивановна не волновалась, но придавала своему лицу холодный и деловой вид, что, собственно, и было признаком ее волнения. Владимир Андреевич слышал, как она позвонила, и как Фая открыла им, и как, переговорив коротко у открытой двери, гости вошли в Фаину квартиру.

Владимир Андреевич поспешил в свой кабинет и здесь прислушался: он различал голоса жены и Фаи, но не мог разобрать слов. Разговор, судя по всему, шел довольно ровный, вежливый, спокойный; сначала о вещах посторонних, потом, должно быть, перешли к главному. Фая сказала довольно явственно:

- Нет, я в две смены.

Видимо, Любовь Ивановна расспрашивала о ее работе.

Вдруг засмеялась Джуля - это она, должно быть, играла с мальчиком соседки.

А женщины по-прежнему разговаривали очень мирно и благожелательно, словно подобные беседы случались у них каждый день. Мережников, признаться, ждал каких-то возбужденных фраз, резких слов, но ничто не нарушило ровного течения беседы за стеной. И уж во всяком случае он не ожидал, что разговор этот будет длиться так долго. Казалось бы, о чем тут толковать? Гостья спросит: не согласны ли, мол? Хозяйка, конечно, ответит: нет. И все. А вот сидят, толкуют... О чем?

«Зря я все-таки вовремя не подготовил Фаю, - подумал Владимир Андреевич, чутко вслушиваясь в звуки за стеной. - Хотя бы тогда в магазине, надо было предупредить... Моя Люба хитра, может и разыграть соседку, как разыграла в тот раз меня...».

Любовь Ивановна вернулась с потаенно-странной улыбкой. Во взгляде, в выражении лица было что-то опять-таки от злого торжества, как в тот день, когда он признался, что Фая была у них в квартире. Видно, какие-то предположения Любви Ивановны явно подтвердились и на этот раз. Но какие? Мережников в напряжении ждал, что скажет жена. А та ушла на кухню, молча мыла посуду и, должно быть, размышляла.

- Она не желает! - наконец объявила Любовь Ивановна мужу.
- Иди ты, Володя, тебе она уступит.

Взгляд ее при этом был нехорош: и презрителен, и ироничен.

- Нет! - решительно сказала она через некоторое время.
- Даже если бы эта женщина и согласилась стать нашей домработницей, теперь я не согласна. Ох, рассмотрела я ее как следует: она так нехороша собой, что не годится даже в качестве прислуги.

Чтоб каждый день маячила передо мной такая уродина - надо ангельским терпением обладать, чтоб сносить ее.

- Откуда в тебе столько злости! - не выдержал муж. - Почему ты так... Неужели тебе не стыдно!

- Ах, оказывается, это мне должно быть стыдно! - Любовь Ивановна смотрела на него, качая головой. - Оказывается, мне.

- Ты говоришь о ней в таком издевательском тоне. Что она тебе сделала плохого? - Мережников не понимал озлобления жены. Ведь Любовь Ивановна знала лишь то, что Фая убиралась в их квартире, но и только! - Да, она некрасива. Почему ты ее за это презираешь? Мало ли некрасивых людей! Ну и что?

- Действительно, ну и что! - подхватила жена. - Я слышала, что уродство женщин некоторые мужчины воспринимают весьма своеобразно: оно их возбуждает. Должно быть, ты из их числа, - заключила она.

- Замолчи, - не попросил, приказал он.

- А я говорю: не смей... - так же тихо и побледнев, выговорила Любовь Ивановна. - Не смей ее защищать! Она низкая женщина. Да, я знаю, что говорю. Она именно низкая женщина. Подозреваю, что и ты ей под стать! Подозреваю, да!

Только теперь они оба заметили Джулю; девочка вышла из соседней комнаты и внимательно смотрела на родителей, переводя взгляд с одного на другого.

Любовь Ивановна дернула ее за руку и увела. Владимир Андреевич бесцельно листал книгу вздрагивающей рукой.

48.

Вахтерша, спустив по носу очки, читала книгу. Она подняла голову и выжидательно посмотрела на вошедшего: представительный мужчина, интеллигентный, хорошо одетый. Не начальство ли какое?

- Вам кого?

- В вашем общежитии проживает Иваненко Наташа? Это со старшего курса.

- Знаю такую. Проживает.

- Вызовите ее, пожалуйста.

Нет, начальство не просит, оно требует и приказывает. И не какую-нибудь Наташу, а сразу коменданта. Кто же этот?

- Отец ей, что ли?

Владимир Андреевич замешкался, но всего лишь на секунду, не более.

- Нет.

Вахтерша чутко уловила паузу, после которой он ответил, и, кажется, заподозрила что-то. Во всяком случае сочла необходимым задать еще один вопрос:

- А вы по какому делу к ней?

- Да зачем вам знать-то? - вежливо осведомился Владимир Андреевич и тотчас подумал: «Ну вот, не успел появиться и уже конфликтовал. И как это у меня получается!». Ссора с кем бы то ни было в общежитии никак не входила в его планы.

Вахтерша, поворчав, крикнула кому-то в коридор, чтоб позвали «Иваненкову». Мережников отвернулся от нее и перевел дух.

Пока что все шло неплохо. Он взял верный тон - независимый, уверенный. Вот так же надо разговаривать и с Наташей. В конце концов, кто она такая? Не велика барыня. И нечего тут волноваться.

Девичья фигура показалась в коридоре, и Мережников тотчас узнал Наташу по походке, мягкой, неспешной. Ему стоило большого труда, чтобы в эту первую минуту не выдать разом усилившегося волнения. Сейчас, когда Наташа вышла из сумрачного коридора в освещенное пространство тесного вестибюля, она показалась Мережникову вовсе не такой привлекательной, какой была на пляже или рисовалась в его воображении. В дешевеньком, домашнего вида платье она выглядела худенькой, лишенной начисто живости, почему-то озабоченной. У Мережникова сердце упало, он несколько увял, воодушевление покинуло его.

Наташа скользнула по нему безразличным взглядом, спросила у вахтерши:

- Ты звала, тетя Маруся?

- А вот человек тебя спрашивает.

«Глупо началось, пусть глупо и продолжается», - подумал Владимир Андреевич с непонятным к себе самому ожесточением.

- Здравствуй, Наташа, - он решительно шагнул к ней.

Постигшее Мережникова разочарование сделало его несколько более спокойным, он уже хорошо владел собой.

- Здравствуйте, - ответила она с плохо скрытым недоумением.

- Это я просил тебя вызвать, - он легонько взял ее за локоть, увлекая чуть в сторону, прочь от заинтересованной вахтерши.

- Ты помнишь меня, Наташа? - спросил он, понижая голос.

- Или нет? Конечно, наше знакомство было таким кратким! Да и не знакомство вовсе, а так, всего один разговор. Но для меня он... много значил... Помнишь, в июне, когда ты сдавала экзамены?..

Она тотчас отстранилась, освобождая локоть, сделала это бессознательно. И странно, как раз в эту минуту она опять нравилась ему, словно его душа расцвела ей навстречу. Мережников почувствовал, как снова прихлынуло волнение, и улыбнулся напряженной улыбкой. «Дурак!.. Клоун!.. Душевноконтуженый!»

- Да, - сказала она нерешительно, - я вас помню. - А что вам нужно?

Тут он затруднялся ответить сразу, замешкался.

- В общем... Как тебе сказать... Прежде всего поговорить с тобой. Очень важный разговор, важный для нас обоих... Понимаешь?

И опять та же улыбка. «Жалкий идиот!.. Дефективный».

- О чем поговорить?

Она хмурила брови, силясь понять.

Мережников снова замялся.

Что у нее за способность ставить вопросы вот так, в лоб! Пора бы уже и догадаться кое о чем, не маленькая.

- Наташа, ты все узнаешь чуть-чуть позже, - говорил он с легкой досадой и оглянулся на тетю Марусю. Та, к счастью, была занята телефонным разговором. - Но нам надо... лучше бы выйти.

Разговор очень важный, настолько, что... ну, никак нельзя здесь. Я прошу тебя, оденься, мы выйдем на четверть часа на улицу. Просто вот тут в сквере постоим... И я все тебе объясню.

- Мы можем пойти в красный уголок, - предложила Наташа.

- Нет, - мягко отверг он. - Лучше на улице.

- Не знаю... Я так занята, - сказала она в растерянности. - Там утюг нагрелся...

- Господи, что она говорит! - воскликнул он, улыбнувшись, потому что досада, невольно выказанная им, была здесь неуместна. - Какой-то утюг... когда речь идет о человеческой судьбе. Пойми, я не пришел бы из-за пустяка, это очень важно! Ну, что ты на меня смотришь? Как будто чего-то боишься. Вот тоже мне! Ну, возьми с собой Галю. Только, ради бога, пусть она держится в стороне. Предупреди ее, что она не должна слушать наш разговор.

Он говорил это с такой умоляющей и убеждающей интонацией, так горячо, что она наконец поняла: речь пойдет о чем-то серьезном, не пустом. Хотя все это довольно странно...

- Хорошо. Я сейчас, - согласилась она, словно сразу оттаяв.

Какое у нее милое лицо!.. И как хороши небрежно заколотые на затылке волосы!.. И платьице ей очень к лицу.

- Так я подожду на улице, Наташа, - обрадовано заторопился он.

Девушка кивнула.

- Только ты побыстрей, ладно? - это он уже почти дружески сказал.

Наташа ничего не ответила, она уходила в коридор.

Владимир Андреевич вышел и глубоко вдохнул холодный влажный ветер, разом опавший его разгоряченное лицо.

«Кажется, ничего, все идет нормально», - говорил он сам себе.

Довольный и деятельный, он ходил взад-вперед неподалеку от подъезда под шелестящими на ветру молодыми кленами и липами. Временами накрапывал дождь, однако сквозь просветы в облаках то и дело выглядывало солнце, и тогда мир преображал-

ся: блестел мокрый асфальт, загорались золотом деревья, и сам воздух наполнялся холодным осенним сиянием.

«Сначала о том, о сем, - в который раз выстраивал Мережников будущий разговор. - И лучше увести бы отсюда, по-дальше от любопытных глаз, на набережную, например. Или в парк... Впрочем, это далеко отсюда. А если бы можно в какое-нибудь уютное, теплое кафе!.. Может, в то, что возле моста? Занять столик в углу и, не торопясь, все обговорить».

Ожидание не тяготило его. По крайней мере он имел время собраться с мыслями и поуспокоиться.

Дождь совсем перестал. С деревьев на тротуар в прозрачные мелкие лужи падали крупные капли, вспухая пузырями, - это к хорошей погоде, а значит, к добру.

«В водах от дождя встают гворове... Постой, откуда это? Не помню... Дождь падал крупный, акы воловье око... Это Владимир Мономах... Что-то не идет Наташа. Елма же и сами видит дуждевные капле и водные гворы, акы кlobучьце бывающе... Вот она! Идет!.. Ну, ни пуха, ни пера».

49.

У него сжалось и гулко забилося сердце, когда он увидел ее, сходящую по ступенькам подъезда: так она простенько была одета и столько милого было в этой простоте. Он вдруг ощутил почти родственное чувство к ней, какое бывает к людям, с которыми давно и крепко сжился. «Нет, я не зря ее выбрал... Это провидение».

Владимир Андреевич сделал шаг и два ей навстречу, и они пошли рядом. Он что-то спросил у нее про общежитие и потом никак не мог вспомнить, что именно: то ли о том, нравится ли ей оно, то ли о том, хорошо ли она устроилась, когда приехала. И что ответила ему на это Наташа, он потом тоже не мог припомнить. Мережников все время держал в памяти ту, заготовленную заранее и продуманную много раз речь о самом главном и боялся ее потерять, построить разговор иначе, и тогда выйдет неудачно, поэтому говоря одно, думал все о том, о том.

Он нарочно оттягивал время; ему хотелось, чтобы самая ответственная часть разговора произошла в более укромном месте, а не здесь, когда их могут видеть из окон и даже, возможно, слышать. Поэтому спросил еще, почему она поступила именно в кооперативный техникум да еще приехала в Новгород вон откуда - из Кандалакши! Разве так уж у нее сильно желание стать... кстати, кем?

- У меня здесь сестра живет, - объяснила Наташа. - Но вы что-то хотели мне сообщить, - без обиняков напомнила она.

- Да...

Он оглянулся на общежитие - они уже отошли от него на приличное расстояние и вообще были одни в эту минуту.

- Наташа, я думал, что это объяснение... - собираясь с духом, заговорил Владимир Андреевич, - что этот разговор состоится у нас раньше. Во всяком случае, я готов был к нему давно. Разговор непростой и... и ты, пожалуйста, не прерывай меня, пока я все объясню.

Говоря все это, Мережников то и дело оглядывался на Наташу, ловя выражение ее лица. Она была не слишком озабочена, с улыбкой поглядывала вокруг и не ожидала ничего из ряда вон выходящего, хотя в общем все это странно было для нее. В то же время Наташа могла видеть, как он ужасно, катастрофически волнуется.

- Что бы я ни сказал, не прерывай, ладно? Выслушай, я тебя очень прошу!

У Мережникова билось в голове из всей этой горячей речи только одно: «Надо сказать: выходи за меня замуж. Надо сказать это, а дальше будет проще...».

- Я тогда на пляже подошел не случайно, - выговорил он. - Я долго искал повода, чтоб подойти. И вообще все это и сегодня тоже... Не случайно.

Наташа бросила на него быстрый взгляд и вдруг стремительно покраснела.

«Поняла, - сообразил Мережников. - Ну и слава богу!». Девушка отступила с тротуара на шаг в сторону и побрела под

деревьями, по усыпанной желтыми листьями траве, опустив голову и глубже засунув руки в карманы пальто, словно ей стало холодно.

- Наташа, дело в том, что у меня сейчас житейская катастрофа: разваливается семья. Может быть, я в этом виноват, а может, и нет, но это так. Мы с женой... мы расстаемся. Можно считать, уже расстались. И вот... У меня нет возможности ухаживать за тобой. Нет возможности, понимаешь, Наташа? - заторопился он. - Хотя, разумеется, я этого и хотел бы. Но, увы... если я тебя приглашу куда-то, в кино или просто гулять - ты сразу скажешь: зачем это? для чего? Вот как сегодня.

Девушка нахмурилась и остановилась, словно натолкнувшись на препятствие.

- Короче говоря, Наташа, я хочу, чтобы ты стала моей женой. Поэтому и пришел.

- Я?!

Она поглядела на него с опаской, как на сумасшедшего.

- Женой?!

Она засмеялась, потом неожиданно оборвала смех и опять нахмурилась.

- Зачем вы такое говорите-то? - выговорила она почти гневно.

- Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж, - повторил он уже твердо и уверенно. - Потому что ты мне очень нравишься. Очень, Наташа.

Девушка, не сводя с него взгляда, пошла назад, загребая ногами листву. Она как будто опасалась, что вот сейчас ее собеседник сделает еще что-то такое, отчего будет и стыдно, и страшно. Судя по всему, она раскаивалась, что вышла к нему.

- Ты погоди! - заторопился он. - Наташа! Я не все сказал.

- И не надо! Господи, глупость какая!..

- Но я же не все сказал, Наташа! - с отчаянием повторил Мережников. - Ты обещала дать мне возможность высказаться!

Отчаяние его было столь искренно и открыто, что девушка приостановилась, проговорив:

- А ни к чему все это высказывать.

Он понял, что ему позволено говорить дальше, и снова заторопился:

- Я знал, что ты не захочешь слушать. Поверь, я знал. А как же иначе! Мне тридцать пять лет, а тебе восемнадцать. И есть еще много-много причин. Но... не уходи. В конце-концов ты ничем не рискуешь. Я уложусь в десять минут, выслушай меня. Умоляю, Наташа!

- Не знаю, зачем это, - она независимо дернула плечом и оглянулась по сторонам.

Однако любопытство в ней возобладало, она стояла и старательно почекивала ногой палые листья. Скорей всего ей было и смешно, и досадно, и удивительно. Странная улыбка не сходила с ее губ - улыбка, готовая смениться выражением рассерженности или возмущения. Наташа иногда пытливо взглядывала на него и тотчас отводила глаза; она словно ждала, что вот-вот он скажет, что пошутил, и готова была посмеяться вместе с ним этому розыгрышу. Но собеседник ее отнюдь не расположен был к шуткам.

- Наташа, семейная жизнь не всегда складывается у людей, - говорил он с жаром, убеждающе. - У меня жена хорошая, отличная женщина, но... мы не любим друг друга! Мы поддерживаем более или менее хорошие отношения, чтоб сохранить, так сказать, необходимые приличия. Но так не может продолжаться все время! И не должно! Тем более что я встретил тебя. Твоей вины в том, что у меня разваливается семья, нет! Не подумай! Все началось гораздо раньше. И даже если б я никогда не узнал тебя, мы с женой все равно разошлись бы.

Она глянула на него недружелюбно. Мережников словно споткнулся.

- Почему ты так на меня посмотрела? - растерянно спросил он. - Не осуждай поспешно, Наташа.

- И вы решили бросить жену и жениться на... на мне?

- Да.

- Для этого вы пришли на городской пляж и выбрали. Так, да?

Такого прямого разговора он от Наташи не ожидал и потому растерялся. В эту минуту она показалась ему гораздо старше сво-

их восемнадцати, гораздо взрослее. И у нее, должно быть, твердый характер - это тоже было неожиданным для Мережникова.

- Почему же именно меня? - продолжала она. - Там было много других... Гораздо лучше.

- Нет, - только и смог сказать Мережников и покачал головой.

- Или вы подходите вот так ко всем?

Разговор шел у них теперь тихо, но от этого как бы возросло его напряжение.

- У тебя что, есть парень, которого ты любишь, да? - спросил Мережников.

- При чем тут это? - девушка вдруг улыбнулась своей милой, светлой улыбкой. - Нет у меня никакого парня.

- Хорошо, значит, будет. И вот подумай: ты выйдешь за него замуж. Разве с ним ты будешь счастливее, чем со мной?..

- Извините, - сказала Наташа, отступая. - Я вспомнила, что мне пора. Извините, - повторила она, - меня ждут.

Она повернулась и быстро зашагала к общежитию.

Владимир Андреевич проводил ее взглядом и тяжело сел на скамью, усыпанную мокрой листвой; сел чуть ли не со стоном, как глубоко старый и больной человек.

50.

«Не понимаю... не понимаю...» - повторял он. Мысли его шли вразброд, путались, он не мог направить их в одно русло, выстроить в более или менее связную логическую цепь.

В полной растерянности поднялся со скамьи и побрел не зная куда. Пересек одну улицу, вторую, вышел к Волхову и остановился тут. Слева, от моста, доносился непрерывный гул и рокот моторов; волны чуть слышно плескались о плиты набережной; сюда же прибывало реденькое ледяное крошево - Мережников, глядя и слушая, ничего не видел и не слышал.

«Да ведь я даже не сказал ей, кто я такой! Даже имени не назвал! - вдруг словно пламенем вспыхнула и обожгла его мысль. Она высветилась в общем хаосе, и тотчас все обрело ясность и

стройность. - О, кретин! Она не знает, кто я такой, что за человек, откуда взялся. Вдруг, здрастье-пожалуйста, является некий тип с улицы и предлагает ни много ни мало, а замуж. С бухты-баряхты, очертя голову, и так далее».

Вот она, разгадка всего. Он, конечно же, показался ей обыкновенным сумасшедшим, и только. Странно, что она еще слушала его. Могла бы после первой же фразы повернуться и уйти, и на прощанье покрутить пальцем у виска - он того достоин.

«Так на что же ты обижаешься, дорогой мой? - пылко говорил себе Мережников. - Чем ты обескуражен? Ты еще многого добился: все-таки она тебя выслушала, искренне принимая за нормального человека. Она сильно ошибалась! Ей встретился уникальный экземпляр дурака! А то, что разговаривала она вот так решительно, да и отвернулась от тебя, - это говорит о том лишь, что ты не ошибся: она прекрасная девушка! А раз так, отступать тем более глупо».

Мережников сразу повеселел и приободрился: положение его совсем не безнадежно. Разумеется, глупо было бы предполагать, что Наташа могла вот так сразу согласиться стать его женой. Если бы она согласилась, он сейчас стоял бы и так же твердил в недоумении: «Не понимаю, как она могла». Нет, то, что случилось, не совсем плохо, оно естественно и закономерно. Не все еще потеряно, не все! Разговор, конечно, вышел дурацкий, но ведь в этих делах кто бывал умен? Тут любой мудрец глупеет самым позорным образом, и примеров тому в истории не счесть. Да покраснеет половина человечества, вспомнив свое любовное объяснение! А вторая половина пусть горит со стыда.

И все-таки жаль, что он так несчастливо построил разговор, хотя вроде бы заранее его обдумал. Он так волновался! Почти не владел собой... А надо было держать себя в руках, и все, глядишь, получилось бы иначе.

У Владимира Андреевича возникло горячее желание вернуться сейчас же к общежитию, попытаться вызвать Наташу снова и поговорить еще раз. Он был так нетерпелив, что едва удержал себя от этого шага: нельзя, надо дать Наташе опомниться.

Для нее это тоже нелегкое испытание: является незнакомый ей человек, предлагает выйти замуж...

Надо дать ей время обдумать все. Теперь она, вольно ли, невольно ли, а призадумается. Так, так! Особенно, когда он даст ей понять, что вовсе не намерен отступить, а он это сделает непременно и немедленно.

«Я напишу ей письмо! - решил Мережников. - Да, я напишу ей и все объясню, обстоятельно и толково. Думаю, что на бумаге у меня получится гораздо лучше, нежели непослушным языком».

Перебирая шаг за шагом весь их разговор, он все с большей радостью думал о Наташе. Нет, он не обманулся: она хороша собой, она умница, она строга и прекрасно воспитана. Удивительно, какие девушки могут оказаться в заполярной Кандалакше и в торговом училище! Девушки, достойные самой возвышенной судьбы. Их пращурницы становились киевскими великими княгинями, королевами в европейских столицах, воительницами за веру и правду; они несли в себе проявления великого духа и глубинное течение мысли, постигавшей первооснову... И Наташа из них, да! Он в ней не ошибся. Она может и не совершить ничего и сойти в могилу безвестно, а между тем ей по плечу большая судьба. Лишь бы она это понимала!

51.

В тот же день Владимир Андреевич написал письмо Наташе Иваненко; правда, не решился сразу же отправить его. Наутро прочитал, долго размышлял над ним, что-то изымал и добавлял, потом переписал заново и теперь уже без колебаний бросил в почтовый ящик, для чего не поленился сходить на Торговую сторону, на Главный почтамт. Так вернее: завтра уж точно оно будет в руках Наташи. Может быть, даже сегодня?

Он как бы начал разговор с нею с самого начала, только на этот раз построил его более разумно. Прежде всего написал кое-что о себе - кто он и откуда. Нечто вроде краткой биографии, какие пишут перед поездкой за границу. Затем изложил предысторию своего «брачного предложения», с каким приходил к ней, а потом

уж осторожно и, насколько это ему удалось, убедительно просил девушку не спешить со своим «нет», поразмыслить разумно.

Ну, хорошо, - рассуждал в письме Владимир Андреевич, - сейчас у нее нет ни жениха, ни просто парня, с которым она была бы в дружбе. Но вот встретит она такового... Чтобы стать достойным ее любви, этот молодой человек должен быть личностью с большим напряжением духовной своей сути. Наташа полагает, что он таковым и будет? Дай бог! Чаще всего, однако, обманываются, разочаровываются...

«Учти, что большого выбора у тебя никогда не будет. Вероятней всего ты выскочишь за первого, который предложит тебе пожениться. Так, Наташа! Не обольщайся на этот счет! Природа позаботилась и наградила девушек достаточным легкомыслием, чтоб они не просто выходили замуж, а именно выскакивали. Не сердись, что я так шучу. Ты выйдешь за кого-то замуж потому, что он, видите ли, ровня тебе по возрасту... а я нет. Не знаю, как объяснить тебе, но все во мне протестует против этого!..»

Сначала, возможно, ей будет казаться, что любит мужа, а потом станет замечать, что он некрасиво ест, храпит по ночам, что у него жирные волосы, или еще что-нибудь неприятное и даже отвратительное: то пьян, то тупоумен, то злобен... Вот это написать бы ей, так разве такое напишешь! Ему необходимо сохранить доброжелательность даже к тому неведомому и грядущему ее жениху, который ничем не заслужил ее любви, но уже имеет на нее право, право молодости, а он, Мережников, его не имеет.

Если сама она не слепа, как большинство, и несет в себе большой душевный заряд, большую нравственную силу, то опаматывается и даже ужаснется своему замужеству, но будет уже поздно. Отсюда - на выбор: или остаться одинокой, или жить чужими друг другу. Обычная история!

И чем же будет заполнена такая жизнь? Лет пять-шесть ждать квартиры, а все эти годы свекровь или хозяйка частной комнаты будет тыкать ее носом: не так положила, не туда села... А когда получат наконец желанную квартиру - месяц за месяцем копить на полированный гардероб, на сервиз столовой посуды, на меховой

воротник к пальто... В праздник - непременно пьянка с неизбежными последствиями...

Так год за годом.

«Зачем тебе эта жизнь, Наташа? Разве ты не достойна лучшего? Со мной ты не будешь преследуема страхом: хватит или не хватит денег до получки. Постоянная забота о насущном куске хлеба или, напротив, о лишнем куске унижает человека, он рожден совсем не для того. Человек - категория духовная, а не биологическая... Со мной ты не унизишься до обывательского честолюбия, не потеряешься в суете. Я наполню твою жизнь высоким смыслом. Ты будешь счастлива со мной, Наташа. Если бы не был в этом уверен, то не предлагал бы стать моей женой...».

Подобного письма не писал он за всю свою жизнь никогда и никому и за всю свою жизнь не испытал при писании такого глубокого, тревожно-радостного чувства.

52.

В эти дни литературному музею в Старой Руссе «дали единицу», то есть учредили пост директора. Мережников сам в свое время писал об этом ходатайство в Москву; правда, пошло оно туда не с его подписью, но - не все ли равно, главное - чтоб у музея был директор.

Всем, в том числе и Владимиру Андреевичу, было ясно, что пост этот, если его учредят, должен занять не кто иной, как Валентин Иванович Сахаров. Это человек, влюбленный в Достоевского, и, еще когда ни о каком музее речи не шло, везде - и в Новгороде, и в Москве, и в Ленинграде - знали: есть одержимый человек, из породы подвижников, который все события великого романа «Братья Карамазовы» зримо и убедительно «привязал» к улицам и домам Старой Руссы. Валентин Иванович может провести с гостями целую экскурсию по памятным литературным местам родного города, объясняя: «В этом доме жила Грушенька...», «Через этот мосточек ходил Алеша...», «Вот гостиница, в ресторане которой сидел Митя...».

Достоевский был в изъяснениях Сахарова живым человеком, который отлучился ненадолго и вот-вот, каждую минуту может появиться. Речь Валентина Ивановича была пересыпана фразами, вроде: «Федор Михайлович сказал...», «Мнение Федора Михайловича таково...», «А теперь заглянем в кабинет Федора Михайловича...» Ради этой экскурсии приезжали сюда, в районный город, и писатели, и ученые, и общественные деятели.

Подвижники, подобные Сахарову, встречаются редко, но сколь хорошо, что они есть! Роль их в культурном движении чрезвычайна. Старой Руссе просто повезло, что один из ее жителей оказался таким человеком, так считал Мережников.

Валентин Иванович добился «выселения» музыкальной школы из двухэтажного дома, который некогда принадлежал Достоевскому; он неустанно сражался за то, чтоб весь прилегающий квартал оставался нетронутым, сохраняя общий дух «того» времени, чем весьма досадил не только властям, но и окрестным жителям: ни дом свой им не переделать, ни сарая в огородах построить; чуть что - тотчас Сахаров идет в горсовет жаловаться.

Валентин Иванович неутомим в поисках всяческих вещей - и подлинно принадлежавших писателю, и столь же подлинно относимых к «той» эпохе; он столь же неукротим в своих усилиях сосредоточить все это в одном доме, которому должно было стать музеем. Так продолжалось не год, не два, а десятилетия. Короче говоря, заслуги Сахарова в создании и становлении дома-музея, который в нынешнем году открывал свои двери именно как музей Достоевского, неоспоримы, очевидны. Однако директором назначили не Сахарова.

- Вы не объясните мне почему? - спросил Мережников у Балина.

Пусть назначение директора открывающегося музея не было делом Балина и их учреждения, но он, Балин, был причастен к этому.

- Чего тут объяснять! Ты знаешь не хуже меня, - отозвался Алексей Викторович.

- Но ведь это несправедливо! - Мережников, только что давший себе слово не горячиться, все-таки загорячился. - Человек

почти двадцать лет собирал материалы, бескорыстно, безвозмездно служил делу... вел переписку, хлопотал... Не будь его - нынче на месте музея ничего и не было бы!

- Этого никто и не оспаривает, - ровным голосом ответил Балин. - Но литературный музей - государственное учреждение, а не частная лавочка. Любой служащий есть государственный служащий, и к нему должно быть именно такое отношение. А твой друг никак не может этого понять, и с единственным своим сотрудником обращается, как со своим работником. По крайней мере так было до сих пор.

- Но всякое государственное учреждение должно нести в себе творческую созидательную силу! Оно должно иметь основанием своим и содержанием живую работу мысли и сердца...

- Как ты сказал? - заинтересованно спросил Балин, которому, видно, понравился непривычный блок слов.

- Оставьте! - с досадой ответил Мережников. - Мы говорим о Валентине Ивановиче, а не о словесных формулировках. Не всем нравится его характер, но творческий импульс в том деле - его! А теперь, выходит, человека отстранили, он оказался лишний. Я же знаю - сказали, что он уже в преклонном возрасте... и что может отправляться к чертовой матери на пенсию.

- Ну, не так уж... - прежним ровным и спокойным голосом возразил Балин, которому нравилось, что его зам горячится. - Он останется научным сотрудником, каковым и был.

- Сахаров - научный сотрудник при директоре? Рядовой служащий в созданном им же музее! Представить себе не могу! Он должен быть хозяином там. Хозяином, понимаете? А теперь он уйдет, не станет работать! Мы потеряем нужного человека, тогда как должны были сохранить любой ценой.

- Его сохраняют. Правда, не любой ценой - это было бы слишком. Директором ему не бывать. Для такого поста он не годится.

- Почему?

- Да потому что неуправляем. Потому что не подчиняется никому и ничему!

Балин отвечал уверенно, словно по бумаге читал. Или усвоил чье-то мнение? Похоже на то.

- У него неплохие связи с писателями, литературоведами, - знаем, знаем! - он считает себя на этом основании всесильным, совершенно ни от кого не зависимым. А я еще раз скажу: музей - государственное учреждение, а не частное владение кого-либо.

Любопытная Зоя, заинтересованная разговором своего шефа с Мережниковым, вошла, положила какую-то бумажку и удалась, скользнув по лицам обоих простодушно-веселым взглядом.

— Ты послушай, что он толкует во время экскурсий! - насмешливо сказал Балин. - Ведь почтенный Валентин Иванович не придерживается никаких научных методических разработок, рекомендательных установок!

- Слушал. Хорошо говорит.

- Тогда ты не уловил главного. «Карамазовых», равно как и их автора, можно трактовать и так, и этак. Да, да! Можно найти высказывания, которые будут работать против нас. Мало ли что он там написал! Что тебе объяснять - ты же понимаешь! А Валентин Иванович... Ха! Показывает во время лекций портрет попа и толкует, что вот-де этот поп был другом писателя.

- Ну и что?

- Вот именно: ну и что? Зачем про попа? Не хватало еще про Господа Бога...

- А чем вам бог-то не угодил? - начал уже откровенно задираться Мережников.

Балин не принял этого, оставил без внимания.

- Не понимаю. Иногда, рассказывая, он плачет... - Алексей Викторович пренебрежительно усмехнулся.

- Не может сдержаться.

- А я про что говорю! Не может сдержаться. Каков директор, а? Это экскурсанты должны плакать, а не Валентин Иванович. А так он плачет, а слушающим что делать прикажешь? Тоже заплакать?

- Послушайте, Алексей Викторович, - более спокойно начал Мережников. - Вы поймите: он талантливый человек. Это глав-

ное. И как всякий талант он немножко не укладывается в привычные рамки. Это, так сказать, издержки таланта, которые окупаются сторицей.

- Не надо издержек, - прервал его Балин. - Пусть он будет научным сотрудником. И все хорошо. Мы с ним поговорим, утешим. И вы со своей стороны успокойте друга...

Разговаривать с Алексеем Викторовичем бесполезно. Он уже воспринял установку, как собственное глубочайшее убеждение. И будет стоять - не поворотишь.

Расстроенный Мережников, покинув директорский кабинет, зашел к себе и долго ходил из угла в угол, не в силах заняться чем-либо.

53.

- А вот моя улица, - сказала Людмила Романовна. - Ой, как у нас темно! После светлого-то проспекта - и в темноту! Вчера горел вон там фонарь, а нынче, глядите-ка, и он потух. Я надеюсь, вы меня проводите, Владимир Андреевич.

Она не спросила это, она - пожелала.

- Собственно... - заговорил он и нерешительно остановился, всем своим видом давая понять, что у него есть важное и неотложное дело.

- Как?! Неужели вы отпустите свою даму в такую темень? Мало ли что со мною может произойти! Неужели вы намерены бросить меня на произвол судьбы?

Она уже негодовала напористо, бурно, хотя и улыбалась при этом.

- Как можно бросить! - тотчас сказал он. - Непременно провожу, даже почту за честь.

- Ну, разумеется! Вы рыцарь при любых обстоятельствах. Не правда ли?

- Рыцарь, рыцарь, - сказал он, неохотно смеясь. - Как вы могли в этом усомниться!

- Благодарю, я никогда в вас не сомневалась.

На город падал снег. Он ложился на мокрые тротуары, хлопьями лежал на листве, еще не облетевшей с деревьев.

Свернули в улицу, которая вовсе не была освещена фонарями, но окна многоэтажных домов по обе стороны светились, и в свете их так же, как и на главном проспекте, было видно, как все осыпаются и осыпаются с деревьев белые лепестки снежных цветов. «Мадам, уже падают листья...» - звучало в душе Мережникова некогда слышанное.

- Ну, как ваш диалог с Балиным? - спросила она.

- Какой диалог?

- А о Валентине Ивановиче. Знаете, я тоже возмущена: он, по рассказам знающих людей, интереснейший человек, и вдруг с ним так... Мы хотим его пригласить к нам, нечто вроде лекции о Достоевском или беседы - это было бы нам очень интересно. Однако каков Балин, а?!

- Ай да Зоя Павловна! - усмехнулся вдруг Мережников. - Тот она все заглядывала в кабинет, пока мы разговаривали.

- Ну, вы на нее не сердитесь, - засмеялась Людмила Романовна. - Все это не бог весть какие тайны. Так что с Валентином Ивановичем?

- Пока не знаю. Вчера приезжал из Ленинграда профессор, автор книг о Достоевском, и писатель Борис Горбушин. Борис - родом откуда-то с той стороны, из-за Старой Руссы. Так что оба они - люди заинтересованные, потому и приехали. Мы вместе ходили к секретарю обкома, говорили о Сахарове.

- И что?

- Конкретного пока ничего. В музее новый директор...

- Кстати, очень милая женщина, - вставила Людмила Романовна. - Она бывшая учительница, умна, мила, хороша собой.

- Ну вот. Не снимать же ее с работы! Надо искать иной выход, чтоб никого не обидеть, чтоб все были довольны. Самое лучшее - создать должность хранителя музея, как в Михайловском. Пусть директор занимается хозяйственными делами, а хранитель ведет научную работу и руководит экскурсионной. Это было бы самое разумное, к такому решению и в обкоме склоняются.

- Ну вот видите! Не зря вы хлопчете. Что-нибудь придумают для Валентина Ивановича достойное. Какой вы молодец, что заступаете за него!

Борис Горбушин с профессором, Глебом Ивановичем, вчера вечером были в гостях у Мережникова. Гости такие разные! - один еще молод, высок ростом, с неторопливой и негромкой речью - это Борис, другой - уже глубоко пожилой, говорящий живо и охотно, привычный ко вниманию и интересу. Глеб Иванович немного рассеян, за ним необходимо постоянно ухаживать: вилку ему подай, салфеточку подложи, тарелочку подвинь - так он, видно, привык. Владимир Андреевич сам собирал на стол: Любви Ивановны не было дома, она пришла позднее.

- А может быть, поедем, а? - то и дело прерывая разговор, уговаривал профессор писателя.

- Да Глеб Иванович! - говорил тот, снисходительно улыбаясь.
- Куда мы поедем, ночь на дворе!

- А мы потихоньку...

- Если бы ты знал, с каким трудом я уговорил его поехать! - объяснял Горбушин Мережникову. - Он же обседелся дома! Для него поход на соседнюю улицу - уже путешествие.

- Я привык к дому, - мягко улыбаясь, подтвердил Глеб Иванович.

- И только одно подействовало: я, знаешь, этак потихоньку, деликатно нажал на честолюбие. Говорю: только вашим авторитетом, профессор, можно помочь Сахарову.

- Не сочиняй, - тотчас возразил Глеб Иванович. - Надо как-то помочь Валентину Ивановичу - это меня заставило поехать. Но мы свое дело сделали, и теперь можно домой. Ждут меня там, понимаешь?

- Глеб Иванович, - укоризненно уговаривал Борис с той же ласково-укоризненной улыбкой, - я обещал доставить тебя жене в целости и сохранности завтра к полудню. Она отпустила его под расписку, - со смехом сказал он Мережникову. - Не беспокойся, Глеб Иванович, я это исполню. Мы поедем завтра.

Борис когда-то учился у профессора, и отношения у них, должно быть, с тех пор самые дружеские.

- Если бы не ты, я б не поехал, - вздохнул тот. - Ты пойми, она там беспокоится...

Он явно соскучился по своей супруге, тревожился, и тревога эта - трогательно наивна, что-то в ней детское и прекрасное.

- А мы сейчас ей позвоним, доложимся, успокоим...

«Нет, моя Люба беспокоиться обо мне не стала бы, и ждать меня столь нетерпеливо - тоже, - то был итог размышлений, которые владели им, когда возвращался домой, проводив гостей. - Она не заварит для меня чаю, не укутает пледом, не станет греть валенки у батареи парового отопления... Она и старушкой - на кафедре и - вещать...».

Глубокое беспокойство не отпускало Мережникова нынче весь день, он не находил себе места.

Ответа от Наташи Иваненко он, разумеется, не получил. Дни шли один за другим, и теперь Владимир Андреевич не знал, как поступить дальше. Явиться снова в общежитие? Не хватало решимости. Написать еще одно письмо? Но о чем? И как? Ведь он все объяснил... Может, что-то не так объяснил? Может быть, он чего-то не понимает и выразился неразумно, прямолинейно?

После работы идти домой не хотелось. Он отправился в Кремлевский парк и долго бродил там, размышляя. Вот если бы она ему ответила! Хоть что-нибудь. Хоть очень коротко...

Дошел до универсама, а когда возвращался оттуда улицей Горького, встретил Людмилу Романовну. Она его остановила, заговорила, под руку взяла.

«Мадам, уже падают листья...»

- Ах! Что за вечер сегодня! И этот снежок, и тепло...

От ее веселого настроения кое-что и ему передалось. Он становился поживее.

- Почему вы грустны, дорогой Владимир Андреевич? - спрашивала она. - Этак пушкинский Сальери говорит: «Ты, Моцарт, верно, чем-нибудь расстроен? Молчишь и хмуришься». А тот от-

вечает: «Признаться, мой Реквием меня тревожит». А вас что тревожит, милый вы мой?

И опять Владимиру Андреевичу, как это с ним бывало не однажды, вдруг захотелось поделиться тем, что было неотступно в его душе, чем бы он ни занимался; захотелось рассказать, как он ходил в общежитие, как написал письмо... Он знал, что именно эта женщина может развеять его назойливые думы.

- У вас тоже Реквием? - спрашивала она. - Говорят, вы пишете еще одну книгу.

- Летопись, - усмехнулся он невесело. - Бысть осень дождлива вельми, не дало солнцу просияти и до заговенья Филипова за две недели... Тое же осени состоялось собрание партийно-хозяйственного актива, приняты повышенные обязательства. И бысть энтузиазм велик на людех, мужи и жены шли на луга и пожни не бе бо их где уняти...

Она засмеялась, прижимая его руку:

- Как это у вас славно получается!..

- Помните, я вам рассказывал о девушке? - решил он.

- Разумеется! А разве роман развивается? Пора бы уж вам и соскучиться.

- Очень даже забавно развивается: я сделал ей предложение. Как это раньше говорилось: предложил руку и сердце.

Сказал вроде бы в шутку и насторожился: что она ответит?

- Хорошенькая забава! Весьма серьезное дело. Я надеюсь, она поступила разумно?

- Да. Она не захотела даже выслушать до конца.

- Так я и знала! - Людмила Романовна опять засмеялась. - На что еще может рассчитывать мужчина вашего склада!

- Вы хотели сказать: возраста? Я постарше ее чуть ли не на двадцать лет.

- При чем тут лета! Вы очень молодой человек, почти мальчик, отсюда и все ваши глупости.

С минуту она шла, напевая и размышляя о чем-то, потом в раздумье сказала:

- А что, может быть, вам действительно надо сделать пред-

ложение какой-нибудь девчонке? Вы на ней женитесь, поживете годик, убедитесь, что она непроходимая дура, которая быстро превратится в обыкновенную бабу, способную только к деторождению и ни к чему более, - вот тогда полюбите настоящую женщину. А пока что вы просто не созрели для серьезного чувства.

- Вы не поверили, что я сделал предложение по всей форме и получил отказ? - нетерпеливо спросил Владимир Андреевич, не услышавший от нее того, что желал услышать.

- Нет. Хотя... Вполне возможный вариант, - она пытливо оглянулась на него. - Ну-ка, попробуйте передать эту трогательную историю поподробней.

И Мережников поведал ей все, как было, только, разумеется, не назвал имени Наташи и не сказал, где она учится и в каком месте состоялось их решающее объяснение - никаких конкретных фактов. А все, изложенное в письме, передал так, как если бы сказал Наташе во время встречи.

- Вы неправильно поступили, - выслушав его, ответила Людмила Романовна с огорчением. - Вы не понимаете психологии женщины. Независимо от того, сколько ей лет - пятнадцать или пятьдесят - мы все сестры. Евины дочки, как вы однажды справедливо выразились. Ведь нам что нужно прежде всего? Нам необходимо восхищение нашей красотой, умиление нашими добродетелями, умом, образованностью, вкусом и так далее. А вы что? Вы действовали, извините меня, очень грубо, очень примитивно и самонадеянно. Сразу начали говорить о своих семейных неурядицах - это никому не интересно! Потом стали раскрывать перед ней материальные выгоды - фи! Я не ожидала от вас... Вы поступили просто неумно. Как же так можно!

Она заметила, что он самолюбиво надулся.

- И напрасно обижаетесь! Я искренне хочу вам добра. Мне самой досадно, что вы, такой хороший человек, - человек редкой души! - и метали бисер... Перед кем? Боже мой! Кто она? Что она? Обыкновенная курочка и, судя по всему, серенькая. Извините меня, если это оскорбляет ваши нежные чувства. Я, признаюсь, очень довольна, что вам щелкнули по носу. Так вам и надо, это на пользу.

Она вопросительно посмотрела на него: не лишку ли хватила, не оскорбился ли он? Владимир Андреевич поймал ее взгляд, с натугой улыбнулся:

- Продолжайте. Я смиренно слушаю.

- Если вы действительно имели такое объяснение с этой девушкой, а я подозреваю, что вы это просто выдумали... да-да! Меня не так-то легко обмануть. Но если такового поступка с вашей стороны еще не было, то, я готова поручиться, вы обдумываете этот вариант. И, возможно, что-нибудь предпримете. Так вот вам мой совет: напирайте на то, что вы ее любите... Безумно! С первого взгляда. И вы без нее жить не можете. Вы только о ней и думаете с раннего утра и до позднего вечера. Вы похудели, побледнели и вообще скоро умрете, если она не ответит на ваше чувство взаимностью. Вы не можете без нее жить, потому что она необыкновенна, светозарна, единственное явление в природе во все времена. Одним словом, штучная работа, а никак не массовое производство.

Она рассмеялась, довольная собой.

И Мережников несколько повеселел. В самом деле, неплохо это у нее получилось.

- Все-таки как вы мне нравитесь! - сказала Людмила Романовна без обиняков. - Где мои шестнадцать лет! Я бы вас заворожила.

- Ну да! Нужен я вам!

- Заворожила бы, закружила и увлекла! О-о, мы, женщины, это умеем, даже в самом юном возрасте. Вам, мужчинам, только кажется, будто вы выбираете себе подруг, а на самом деле мы хитро создаем вам, мужикам, иллюзию свободы выбора. Вот именно, только иллюзию.

Они развеселились оба, и шли, смеясь громко, и говорили оба в полный голос.

- И невинность изобразим, и смущение, и смятение, и бог знает что еще. О, я покрутила вашим братом во время оно! Ради меня какие только подвиги не совершались! Уж поверьте.

- А наш брат вашим? Разве не повелевал?

- Всяко бывало, дорогой мой. Я не о себе конкретно, а вообще. Однако мы уже пришли. - Она придержала его, и они остановились. - Мой подъезд. А мои окна - вот эти, на третьем этаже. Видите, они темны. Что ж, мне всегда так нравится с вами разговаривать, а сегодня особенно! Я не могу вас отпустить. Мы зайдем ко мне, и я напою вас чаем.

- Нет, - сказал Владимир Андреевич. - Уже вечер. Мне пора.

- У вас такая строгая жена и вы ее боитесь?

- При чем тут жена!

- О, я знаю!.. Много слышала о ней. Вы скажете Любове Ивановне, что зашли в библиотеку. Или в кино. Про меня не говорите, имени моего не называйте, ибо ни одна жена такого не простит. Ишь, гуляет с женщиной! Да еще вечером! Скажете, что просто встретили приятеля и побеседовали с ним. Может же такое быть! А теперь мы зайдем ко мне и посидим, как хорошие друзья, за чашкой чая. Поболтаем, пошутим. Ну же, Владимир Андреевич!

- Нет, - сказал он мягко, но настойчиво высвободил руку. - В другой раз. Давайте отложим это мероприятие.

- Ах, какой вы!.. Ну, хорошо, до завтра. Не далее, как до завтра. Я кончаю работу в шесть, как и вы. Мы встречаемся у памятника Тысячелетию России и идем ко мне пить чай. Договорились? Смотрите же, вы обещали!

54.

- Владимир Андреевич? - голос в телефонной трубке был девичий, взволнованный, он заставил его сердце больно трепыхнуться.

- Да, - отвечал Мережников столь же напряженно.

В кабинет его кто-то заглянул в эту минуту, и он замахал рукой: погодите, мол, не входите.

- Простите меня, пожалуйста, но я должна сказать...

Я не могу больше.

«Наташа!» - опухнула его догадка.

- Вчера мама заметила. Говорит: почему не спишь? Почему

глаза заплаканные? Почему только о нем думаешь?..

«Какая мама? - недоумение отразилось на лице Мережникова. - У нее сестра... Может, приехала?»

- ...А я не могу иначе. Я понимаю, что это глупо: мне, девушке, звонить вам, женатому человеку.

- А в чем дело? - спросил он, все еще недоумеая: «Кто это?»

- В общем так... - в голосе ее он явно услышал короткое рыдание. - Я хочу вас видеть. Мне очень нужно с вами встретиться.

- Пожалуйста... - сказал он растерянно.

- Я вам все объясню при встрече. Все-все! Я не могу больше. Я вас люблю, Владимир Андреевич.

«Да что это!.. Да не она вроде?..»

- А кто говорит?

- Я все объясню, потом... Так вы придете, Владимир Андреевич? Я буду ждать вас.

- Где? - машинально выговорил он.

- Приходите под арку кремля... Со стороны Волхова.

- Ах, под арку! - вскричал Мережников. - Конечно! Разумеется! Сейчас побегу. Здравствуйте, Вера Станиславовна! Как поживаете?

Короткое рыдание в телефонной трубке повторилось, и он услышал, как там, в бабьем царстве, хохочут захлеб женщины и как смеется сама она.

- Прекрасное театрализованное представление, - продолжал он как можно непринужденней, чтоб скрыть досаду. - В вас пропадает талантливая актриса. Немедленно бросайте свою контору и переходите в театр.

- Ой, господи! - выговорила Вера Станиславовна. - Извините, Владимир Андреевич, у нас тут производственная пятиминутка. Вот в первый раз меня постигла неудача. Дело не в моих способностях, а в доверчивости телефонных любовников. Но мы теперь поняли, что вы неподдающийся. Вы не из тех, которые.

- Неправда, - возразил он. - Я - как все.

- Напрасно вы так плохо о нем думаете! - явственно услышал он голос Людмилы Романовны. - Владимир Андреевич - че-

ловек сугубо романтического склада и вполне может поддаться.

«Уж не разболтала ли она? - вдруг подумал он, напрягая слух.

- Да нет, Руслановна не выдаст. Не должна бы...».

В бабьем царстве разговаривали весело, вперейбой.

- Вы допустили тактическую ошибку, Вера Станиславовна, - он тоже смеялся. - Вы не там назначили мне свидание. Вот если бы какое-то другое место, более романтическое: в укромной аллее парка, напротив Княжьей башни, например, - то я попался бы на эту удочку очень просто.

- Нет, с вами невозможно, - возразила Вера Станиславовна.

- Больше я не буду вас искушать. Это бесполезно.

- Он просто сухарь! - слышно было, заявила Тоня.

- Скажите гражданке Митрофановой, что она заблуждается. Я, как все смертные, подвержен. Ей-богу, подвержен. Попробуйте еще раз, Вера Станиславовна. Со второго захода вас ждет удача, особенно если опять застанете меня врасплох.

Они еще поговорили о том, о сем, весело смеясь. Потом Владимир Андреевич положил трубку и минуты две сидел неподвижно с сокрушенным видом, чувствуя, как все еще сильно бьется сердце. «И ты, гусь!» - сказал он себе и укоризненно покачал головой.

55.

- Негодяй! - с холодным бешенством выговорила жена, едва переступив порог родной квартиры. - Негодяй и потаскун! Дворовый кобель.

Владимир Андреевич, мгновенно облитый жаром, смотрел на нее. Он никогда не видел Любовь Ивановну в таком гневе. Обычно уравновешенная и рассудительная, сегодня она почти не владела собой. Но почему! Что она узнала?

- Ты бы хоть девчонок-то не трогал!

«Ах, вон ты о ком!» - он перевел дыхание, но душевное напряжение не отпустило, не отступило - напротив!

- Взрослый человек! - патетически продолжала она. - Отец

семейства! А девчонка-то еще несовершеннолетняя. Ей только вчера исполнилось восемнадцать. Она еще глупа, но ты-то, ты-то! Тебе уже под сорок, а ты ее совращаешь.

- Да, совращаешь! - повторила она после паузы.

Владимир Андреевич продолжал сидеть на диване, делал вид, что читает книгу. Любовь Ивановна, не снимая пальто, встала перед ним - олицетворение гнева, презрения и полного морального превосходства.

- Я говорю, хоть девчонок-то оставил бы в покое! Ты ей в отцы годишься! Да-да, у тебя при желании дочь могла быть такого возраста. Найди себе для этих дел скучающую разведенную бабу, выдавшую виды, - вот ей ты будешь пара. А то - девчонка, почти школьница! Боже мой! С кем я жила!

Она бросила пальто на стул и опять встала перед ним, очевидно испытывая некое удовлетворение оттого, что он не может поднять на нее глаз. Вдруг она засмеялась и, тотчас оборвав смех, выговорила с силой и торжеством:

- Как это глупо с твоей стороны! Как это по-дурацки! Глупее некуда.

Вспомнив о дочери, Любовь Ивановна закрыла дверь в детскую комнату и продолжала с прежним негодованием:

- В какое положение ты ставишь меня, если уж не дорожишь своей репутацией! Об этом ты подумал? Я - преподаватель, воспитатель, наставник юношества! - и имею распутного мужа!

Как это у нее получалось - она с такой выразительностью выговаривала слова «распутный», «по-дурацки», «совращаешь», что у Владимира Андреевича вздрагивало что-то в груди, и он усилием удерживался от того, чтоб не поморщиться, как от боли.

Вне себя от негодования Любовь Ивановна рывком схватила со стула пальто и вышла.

«Откуда она узнала? - торопливо соображал он. - Откуда?»

Ему очень важно было выяснить это. Одно дело, если сама Наташа... каким-то фантастическим способом встретилась с его женой и все рассказала ей. И совсем другое дело, если слух дошел помимо ее, Наташиной, воли и, может быть, даже вопреки ее желанию.

Жена снова предстала перед Мережниковым, снова уперла в него гневный взгляд, скрестила руки на груди. «Верховный судья», - усмехнулся Владимир Андреевич. Любовь Ивановна поймала эту усмешку.

- Ты круглый дурак, и ничего иного сказать о тебе не могу, - жестко изрекла она. - Будь ты поумней, догадался бы, что наш город не так уж велик, у нас ничего не скроешь. Здесь все на виду! К тому же тебя знают как облупленного.

- Уймись, - сказал он, нахмурившись.

- Ты вчера только выступал как лектор, как ученый, на тебя взирали с уважением. А нынче ты пристаешь на улице к девчонке с самыми гнусными намерениями. Чего ты добиваешься? На что надеешься? Что никто ничего не узнает? Ты оказался человеком очень не-далекого ума.

- Отдохни, - сказал он уже с большим нажимом.

Но Любовь Ивановну трудно было остановить. Она продолжала обличительную речь с тем же пылом и жаром. Муж отмалчивался.

- Что, небось сейчас тебя занимает вопрос, откуда жене все известно? - издевательски спросила она. - Боже мой! Да сестра этой девчонки замужем за Лилиным братом! Счастливое совпадение, не правда ли?

Кто такая Лиля, Мережников не знал, но спрашивать не стал.

- Лилия позвонила мне в институт и все рассказала.

Судя по всему, удивлению ее нет предела. Да и торжеству небось! Оно и понятно! Ну, как же, у Мережниковой муж пристаёт на улице ко всем проходящим мимо девушкам! Бегаёт за ними без стыда и совести, позабыв о собственных летах и о семье.

Любовь Ивановна ходила по комнате возбужденная, размашистыми шагами. Сегодня она была на себя не похожа - нервная, гневная, беспощадная.

- Я никогда не попадала в более унижительную ситуацию, чем сегодня. Никогда! - повторила она.

«А откуда стало известно этой сестре? - озадаченно подумал Владимир Андреевич. - Наташа сказала?»

- Письмецо наката... - с уничтожающей насмешкой выговорила Любовь Ивановна. - Расписал прелести грядущей совместной жизни. О, господи! Никогда не думала, что мой муж так глуп! На что ты рас-счи-ты-вал? На что?! Так она тебе и поверила! Сейчас вот и отдастся в твое полное и безраздельное владение?

- Письмо? - спросил он, как бы недоумевая.

- Я надеюсь, ты не станешь делать вид, будто не писал ей, а? К сожалению, этого ценного документа я еще не видела, но сестра этой девчонки, которую ты совращаешь, обещала мне завтра его показать.

Владимир Андреевич встал и пошел в другую комнату. Жена следовала за ним по пятам.

- Что, забеспокоился? Молчишь? Неужели тебе не стыдно! Впрочем, что я! Тебе никогда не бывает стыдно, какую бы низость ты ни совершил.

Последнее она произнесла с крайним ожесточением, особенно упирая на «низость».

- Меня одно только интересует: неужели ты даже не покраснеешь, когда сей образец твоего эпистолярного творчества будет, так сказать, обнародован?

- Я люблю ее! - сказал Владимир Андреевич, резко обернувшись, и от этих слов ему сразу стало легче. Он повторил эти счастливо найденные им слова: - Я люблю ее.

- Что? - чуть не по буквам выговорила жена и с изумлением уставилась на него.

- Я люблю ее, - сказал муж еще раз, чувствуя, что именно в этом его оправдание и перед женой, и перед сестрой Наташи, и перед самой Наташей. Да и перед собой тоже!

- Кого? - Любовь Ивановна была явно растеряна.

- Эту девушку. Люблю. Всеми силами души. Ты можешь издеваться... Все вы можете... А она будет моей женой. И я все мыслимое и немыслимое сделаю, чтоб она была счастлива. Вот так.

- Джуля! - позвала Любовь Ивановна. - Иди-ка сюда.

Мережников нахмурился и отошел к окну. Тягостное молчание повисло в комнате. Джуля выбежала из детской комнаты и

остановилась, с любопытством смотрела то на мать, то на отца.

- Ну-ка, милый папа, повтори, что ты сейчас мне сказал, - требовательно попросила Любовь Ивановна. - Повтори для дочери, пусть и она услышит.

Владимир Андреевич, ни на кого не глядя, деревянными шагами прошел мимо посторонившейся жены в прихожую, молча оделся и вышел на улицу.

56.

«Все человечество, вси плакааху, вси вздыхаху, и вси взывааху: увьи!»...

В Кремлевском парке работницы в желтых куртках сгребали опавшую листву. Ее было так много, что хлопот им хватит не на один день. С утра поднялся большой ветер, да и сейчас он еще шумел в парке и вот отряхнул, совершенно оголил деревья. Листва лежала сплошным ковром: под березами - золотая, солнечная; под кленами - огненная, багряная; под дубами - опять золотая.

Владимир Андреевич бродил между деревьями, заложив руки за спину, иногда останавливался, словно бы разглядывая что-то под ногами, или смотрел вверх, на небо.

Со стороны поглядеть на него - беззаботный, гуляющий человек любитесь кремлем и опавшими листьями, наслаждается тишиной и свежим ветерком с Ильменя; судя по тому, как он медлителен в движениях, как часто останавливается, закладывает руки за спину и смотрит вверх, на шпили кремлевских башен, дух его безмятежен, настроение радужно, думы светлы.

«Вот и наступил мой судный день, - хмуро усмехаясь, говорил себе Мережников. - Сколько веревочке ни виться... Как все нехорошо! А главное, унижительно. Мелко все, пошло... Недостойно».

Листва шуршала под ногами - откуда-то наносило дымком, очевидно, ее жгли. Ветер налетал порывами, и был он упруг и влажен, и потому казался полным силы и жизни.

«Осень, - вздыхал Мережников. - Октябрь... Какой она крик

подняла! Разве я так кричал бы, полюби она кого-нибудь? Нет. Ради бога! Люби. Открыто и честно... Сейчас начнется обычная новгородская осень: сумрачно, сыро, слякотно...».

На схеме, которую составили археологи, площадь, занимаемая Новгородом, раскрашена была в разные цвета в зависимости от толщины имеющегося культурного слоя. Наиболее насыщенный коричневый цвет - там, где он не менее шести метров. Чуть попрозрачней - до четырех. А в местах, где самый жиденький коричневый - там около двух метров всяческого житейского праха. Мережников гулял по густо насыщенному коричневому; под его ногами была толща земли, заключающая в себе тысячелетие: щепы древних новостроек, подметки сапог, костяные гребни, берестяные грамоты, бревна уличных настилов, битые горшки и обглоданные кости из этих горшков, остатки неведомо чего, золотая пыль ювелирных мастерских и заморская пыль с купеческих кафтанов...

Мережников усмехнулся: сколько здесь отшумело семейных событий вроде того, что произошло у них с Любовью Ивановной сегодня. Да и еще более громких! От сознания этого стало как-то даже легче. Своя беда-кручина отодвинулась, он уже мог как бы созерцать ее со стороны, даже с некой высоты.

Земля под ним вздыхала, плакала, стонала, гомонила на разные голоса. Какие бури в ней улеглись! Какие страсти успокоились!

«Все уляжется, - вздохнул Владимир Андреевич, успокаивая сам себя, и старался отвлечься мыслями от тягостных событий. - И я - как все, и я вместе со всеми. Вот осень какая чудесная...».

Рядом с ним, звучно щелкнув, упало что-то. Он оглянулся - желудь, телесно-гладкий, словно бы шелковистый на ощупь, и холодный, свежий, полновесный. Без шапочки. Мережников подошел к молодому дубу, слегка потрянул его, и слышно стало, как, звучно щелкая, попадали вокруг желуду. Он поднял несколько, покатав их на ладони, любуясь. В шапочке только один, зато он - само совершенство: крупный, тяжелый и тоже удивительно холодный. Это был не мертвый, а живой холод желудевого ядра, за-

таившего в себе жизненную силу, как упругость невидимой пружины.

Владимир Андреевич положил в карман того, в шапочке, огляделся, и взгляд его был задумчив и мягок. Перед ним была Княжая башня кремля, освещенная низким солнцем. Тени деревьев легли через ров до самой кремлевской стены.

«Ничего, - уже довольно бодро думал он. - Время - лучший советчик и целитель. И для меня, и для Наташи. А то, что нынче... То должно было случиться уже давно».

Он опять тряхнул дубок - и снова тяжелыми градинами западали желуди. «Акы воловье око...». Один упал на край листа, перевернув его, накрылся им. «Ах ты плут!» - сказал Владимир Андреевич и вяло улыбнулся. Заглянул под лист - лежит. Он оставил его там, зато подобрал рядом толстенького, полосатенького, похожего на маленького дикого кабанчика, и тоже зачем-то положил в карман.

В нем не было уже прежнего ожесточения и озлобленности, зато пришло знакомое, как боль, чувство одиночества и гнетущей тоски. Словно спасаясь от них, он прибавил шагу и очутился на центральной аллее парка и увидел перед собой Екатерининскую горку. Мережников свернул в сторону от аллеи, миновал разросшиеся кусты, пересек улицу и очутился у изгороди с металлической сеткой - вот он, Троицкий раскоп...

Эта часть древнего города - Людин конец. Вот здесь Черныцына и Добрыня улицы, тут же Редятина и Пробойная. Огромная яма раскопа - земля выбрана до самого дна, до «материка», глубже уже глина. Изъятая на участке работы бревенчатая мостовая, накат на накате, уходит в бок ямы, под асфальт нынешней Пролетарской улицы, спускаясь к Волхову. Что по ней возили? Дрова? Заморские товары? Торчат из боков раскопа спиленные полугнилые бревна - должно быть, остатки дворовых строений всех веков, и тут же щепы, черепки, прах неведомо чего; земля черна - перегнойная, густая, животворящая земля.

Археологи покинули раскоп месяц назад. А летом и по весне здесь так оживленно, такое напряженное кипение работы!

Мережников вспомнил, как пришел однажды сюда с дочкой: все были заняты кропотливо и серьезно делом, никто не отлынивал, не слонялся просто так. А работали здесь школьники, должно быть, целый класс: девочки перебирали, разминали, перетряхивали руками землю, мальчишки-подростки управлялись с носилками, таскали землю вверх, куда подъезжал самосвал, чтобы отвезти ее на городские скверы. Посреди раскопа стоял стол, возле которого распоряжались две девушки, - здесь предварительный осмотр кожаных подметок, пуговиц и, если крупно повезет, берестяных грамот. Что-то нынче за лето не много их нашли.

- Я тоже хочу быть археологом, - сказала вдруг Джуля и насупилась.

- Воля ваша, Джульетта Владимировна, - отозвался отец беззаботно. Тогда он был еще беззаботен!

Стоял жаркий день начала июня. Солнце пекло. Носильщики древней новгородской земли были раздеты до пояса, уже успели подзагореть; девчонки изнывали от жары, не решаясь раздеться, а между ними ходила павой археологиня в наилегчайшем купальнике - две узенькие полоски материи, только и всего.

Мережников с Джулей присели на краю раскопа на корточках, и папа объяснял дочери, почему в том колодце, сруб которого лопаточками бережно обкапывали школьники, нет теперь воды. Девушка в купальнике подошла и, глядя снизу вверх на Мережникова, сказала смело:

- А к нам посторонним нельзя. Выйдите, пожалуйста, за ограду.

Она при этом улыбалась и, хоть стояла перед ним почти совершенно обнаженная, ничуть не смущалась.

- Мне можно, - возразил Мережников.

- Почему это?

- Я личный друг Иванина, - тоже улыбаясь, объяснил он ей.

- Как много друзей у Иванина! Мне кажется, вы подаете дурной пример для прочих прохожих.

- Вы не имеете права! - вдруг сказала Джуля, грозно сдвинув брови.

Это дочь оскорбилась за отца, которого, как она поняла, попросту гонят отсюда. Девушка счастливо засмеялась и так, смеясь, отошла, стала рассказывать что-то подруге, кивая на Мережникова.

- Распустили вас, - добродушно ворчал Владимир Андреевич, ведя дочку к выходу. - Попробовала бы ты показаться в таком-то виде на Черницыной улице в одиннадцатом веке!..

Подъехал нарядный автобус, из него высыпали удивленно восклицающие иностранцы («англичане», - определил Мережников), столпились у изгороди. Долговязый турист с тяжелым фотоаппаратом бросил в раскоп горсть жевательных резинок в пестрой упаковке. Школьники, побуждаемые, должно быть, патриотическим чувством, и глазом не повели на резинки, одна из семиклассниц пренебрежительно наступила на резинку ногой...

Мережников улыбнулся, вспомнив об этом. Сейчас раскоп был пуст, заброшен, и желтая лужа с плавающим мусором стояла посреди него.

57.

Два дня Мережниковы не разговаривали.

Владимир Андреевич мучился неизвестностью: как там Наташа? Что с его письмом? Неужели оно ходит по рукам любопытствующих?

Эти думы угнетали его.

На третий день вечером, когда Джуля легла спать и уже уснула, Любовь Ивановна пришла к мужу, в его кабинет. Владимир Андреевич был занят тем, что старался заставить себя работать. В другое время она не стала бы его отрывать от дела, но тут подседа к столу, пренебрежительно сдвинув, переложив книги и рукописи со стула на пол.

- Владимир Андреевич, - сказала она ровным и благожелательным голосом. - Давай потолкуем спокойно. Я признаю, что погорячилась в тот раз. И... поступила неумно. Прости, ради бога. Очень уж меня возмутило это, да и больно уж неожиданно. Сва-

лилось на голову разом, вот я и... Ты это должен понять и быть снисходительным.

- Дальше что? - спросил он, зная, что это только вступление, а главное сейчас последует.

- Мы должны серьезно обсудить создавшуюся ситуацию.
- При слове «серьезно» веселые огоньки мелькнули в красивых глазах Любове Ивановны. - Ты немного начудил, да к тому же наговорил мне бог знает что.

Он пожал плечами.

- Я не могу всерьез принять твои уверения, будто ты... любишь эту девушку.

- Люблю, - ровным голосом произнес муж.

- Но ведь это так глупо! Я не верю этому, Владимир Андреевич! Не могу верить. Ты из упрямства все это говоришь. Но даже если... - она усмехнулась. - Ты у меня романтик и в житейских вопросах, извини, несколько глуповат. Даже если и полюбил - что ж! - мог бы и не таиться от меня, мог бы даже посоветоваться. Я очень хорошо к тебе отношусь - ты это знаешь - очень хорошо! И совсем не рассердилась бы на твое признание. Напротив!

- Люба, давай прекратим это. Ты у меня спросила, я тебе честно ответил. Вопрос исчерпан.

Она неожиданно засмеялась.

- Володя, я никогда не видела тебя таким. Извини.

Он тоже улыбнулся, улыбкой скрывая вспыхнувшую досаду.

Любовь Ивановна легко провела по глазам, смахивая выступившие от смеха слезы.

- Никогда бы не подумала, - выговорила она, - что у нас возможен такой разговор: мой муж утверждает, что полюбил другую. У меня есть соперница. И кто?! Девчонка... Будущая продавщица в магазине. Ситуация просто анекдотическая. Еще раз извини.

И снова засмеялась и тотчас подосадовала на себя:

- Да что это я нынче! Должно быть, к слезам...

Немного успокоившись, спросила:

- Что ж, она красивей меня? Лучше сложена? Умнее? Володя, ответь.

Он молчал, делая вид, что рассматривает лежащую перед ним рукопись.

- Значит, не хочешь со мной жить, - с непонятым выражением сказала Любовь Ивановна и вздохнула то ли в притворной, то ли в искренней печали.

На брак обдуманый я руку ей подам,
- начала вдруг она.

*И в храме встану рядом с нею,
Невинной, преданной, быть может, лучшим снам,
И назову ее моею.*

Мережников оглянулся на жену и задержал взгляд.

И весть к тебе придет, но не завидуи нам... -
медленно произнесла Любовь Ивановна, и запнулась, и попросила глазами: «Подскажи!»

Обмена тайных дум... -
подсказал он.

- Вот именно!

И она дочитала «Элегию» Баратынского, столь любимую Мережниковым, до конца.

- У тебя прекрасная память на стихи! - оживился Владимир Андреевич. - Вот не знал!

- А ты обо мне многого не знаешь, Володя. Живешь рядом, а не знаешь. Как это ты в письме написал... Человек до человека докричаться не может. Поистине так.

Он снова стал рассматривать рукопись.

- Мне очень нравится конец этой элегии, - грустно сказала Любовь Ивановна. - «И не вступай, молю, в напрасный суд со мною». Это ко мне обращено, так надо понимать. Не буду я с тобой в напрасный суд вступать, не буду. Как это пишется в рома-

нах: я покоряюсь судьбе. Любитесь, женитесь, будьте счастливы - бог с вами!

Хоть она и печальна была, но ироническая нота явственно звучала в ее голосе.

- Хочешь, расскажу тебе об этой девушке? Хочешь?

- Не говори о ней плохо, - попросил муж. - Она ни в чем не виновата.

- Я понимаю так: ты увлекся ситуацией. Тебя закружило, ты ослеплен. Не красотой, конечно, этой девчонки, а так, собственной выдумкой. Володя, она хорошая девушка, я не оспариваю, но ведь она... убогенькая!

На лице Любви Ивановны отразилась жалостливая гримаса.

- Я же тебя просил... - глуховато сказал муж.

Любовь Ивановна словно не слышала.

- Ты же у меня мужчина... в зрелом возрасте. Я понимаю твое увлечение и не осуждаю даже, хотя это в общем-то и свинство по отношению ко мне, твоей жене. Да и вообще, когда телесное берет верх над духовным - это недостойно человека. Ну да ладно! Так ты бы уж и выбрал себе объектом полнокровную, полноценную... полновесную, черт возьми! А Наташа - ты этого не знаешь - очень больной человек. Да, да!

Муж молча смотрел на жену и ничего не отвечал, только глаза его зажглись недобрым огнем.

- Ты не заметил, Володя, она ножки немного приволакивает? Не заметил?

- Нет! - сказал он довольно резко.

- Я ее никогда не видела, но вот знаю, что на пляже она была всегда в таком закрытом купальнике. Так ведь? Не трусики с лифчиком, а купальник, наполовину закрывающий спину.

Владимир Андреевич молчал, но насторожился и слушал внимательно. Жена, должно быть, знала такое, чего он не знал и о чем, возможно, не подозревал.

- Дело в том, что девушка в раннем детстве неудачно упала и повредила позвоночник. Ей делали операцию, и не одну. Года два

она лежала в гипсе. Ты представь, что это такое. Потом ее возили по разным знаменитостям, начиная от московских профессоров до бабок-знахарок в северных деревнях. Лет пять она могла передвигаться только с костылями, еще лет пять - с палочкой. Сейчас, к восемнадцати годам, она немного выправилась, обходится без посторонней помощи, учится в техникуме наравне со всеми. Это второй только год она ходит, как все.

Мережников уже не делал вид, будто занят важной работой, он смотрел на жену.

- Вся семья никак не нарадуется, глядя на нее. Наташина сестра Варвара, та, что здесь живет, не спускает с нее глаз. Брат приезжает из Тернополя поглядеть, как ходит младшая сестренка. Мать с отцом каждый день письма пишут, тревожатся, беспокоятся...

То, что Владимир Андреевич смотрит на нее, не отводит взгляда, сердило Любовь Ивановну.

- Наташа у них младшенькая, да убогенькая, потому самая любимая, - продолжала она. - И вот - представь себе - появляется тридцатипятилетний семейный человек, этаким здоровым упитанным мужиком, который начинает преследовать...

- Я не преследовал ее! - всколыхнулся весь, возмутился Владимир Андреевич.

- Так говорит сестра. И ты представляешь ее негодование? Она сама мать, у нее двое детей. Она говорила мне нынче: Любовь Ивановна, удивляюсь вашему спокойствию. Своего бы, говорит, мужа я растерзала за такое. И то сказать: ладно бы за бабой какой-нибудь! А тут девчонка... на которую они дышать-то боятся!

Владимир Андреевич резко встал и вышел из кабинета. Жена сопровождала его, ровным голосом говоря ему в спину:

- Она говорит: я над сестрой Наташкой столько слез пролила, в ней половина моей жизни. Возили ее в Крым каждое лето, подкапливая на это целый год деньжонок. Чтоб только она могла на песочке погреться, на южном солнышке, потому что это вроде полезно...

Владимир Андреевич пришел на кухню, сел за стол. Любовь Ивановна села напротив.

- Я люблю ее! - бросил он жене в лицо.

- Если бы так, я была бы утешена, - вздохнула Любовь Ивановна. - Боюсь, что ты лжешь и мне, и себе, и ей тоже. Лжешь! - произнесла она более громко и тут же, спохватившись, сдержала себя, замолчала.

Муж пожал плечами и невидяще уставился в окно. Он сейчас ясно понял, что жена говорит правду: Наташа действительно шагала тогда по песочку неуверенно и ложилась очень осторожно. Да и потом, когда шла с Галей по парковой дорожке, по мосту, что-то было своеобразное в ее походке, он это всегда отмечал. Она как-то по-особенному мягко ступала, что он - надо же, какой идиот! - воспринимал, как некую девическую грацию. А ведь это в ней жила постоянная боязнь боли! Да-да, она боялась резких движений, отсюда эта завораживающая, крадущаяся осторожность в жестах, в походке.

- Я не знал, - сказал он упавшим голосом и поднял взгляд на жену. - Я не знал, Люба.

Теперь, когда в его голосе прозвучало прямое обращение к ней, как призыв к сочувствию, Любовью Ивановной владело уже другое настроение. Она была сердита, даже обозлена, и не захотела продолжать разговор. Не отвечая мужу, встала и с достоинством удалилась, видимо посчитав свою миссию выполненной.

58.

После того как Мережников узнал о серьезном недуге Наташи, она как бы приблизилась к нему, стала понятней и объяснимей, весь облик ее обозначился четче. Теперь она была как никогда своя... близкая ему... родная. Ее несчастье становилось уже его несчастьем, ее страдание было Мережникову как свое собственное, а избавление так желанно, так страстно призываемо - равно как для себя. По крайней мере так Владимиру Андреевичу казалось, и он сам дивился этому новому в себе чувству.

Теперь у него было четкое понимание своей роли, своих задач, и он видел и то, и другое в ином, уже облагороженном свете, а это само по себе освободило его от гнетущего чувства вины, от сознания предосудительности своих поступков. Мережников сразу успокоился, стал деятелен и сосредоточен.

На другой день в назначенное им самим время Владимир Андреевич вышел из своего служебного кабинета, неторопливо пошел парком в сторону моста через Волхов.

«Я буду ее любить и беречь, - еще и еще раз успокоенно думал он по пути. - Буду очень ухаживать за нею. Наташа окрепнет совершенно, выздоровеет - так должно быть, ведь она столько перестрадала! Она заслужила преданность кого угодно и мою тоже. Если не выздоровеет насовсем - что ж, я все равно ее люблю и уж, разумеется, никогда не оставлю».

Теперь он особенно любил ее, и сознание этого, пришедшее как избавление, принесло необыкновенную легкость его душе, как от свободного полета.

В парке возле недостроенного фонтана он постоял немного, напевая неведомо откуда всплывшую в памяти песенку и осматривая все, что тут было нагрождено. Должно быть, только накануне сюда привезли и сгрузили бронзовые огромные статуи Садко с гусями и танцующей морской царевны. Царевна еще не танцевала - она лежала, поверженная на спину, стыдливо отвернув голову и беспомощно раскинув руки, а босой Садко сидел, тоже отвернувшись, не в силах превозмочь свою тяжелую неподвижность и обратиться лицом к опрокинутой навзничь дочери водяного ильменского царя.

«Ничего, - искренне сочувствуя, утешил их Мережников, - скоро вас поставят рядом и вы будете вместе. Тогда ты станешь танцевать, а он тебе сыграет на своих гусях...».

На откинутую руку царевны, в обращенную вверх ладонь какой-то шутник положил монетку.

Возле универмага, где цветочный базарчик, он долго ходил вдоль длинного прилавка, выбирал, составлял букет. В эту пору, когда уже начинались холодные утренники, - того и гляди подмо-

розит - владельцы окраинных огородов и дачных участков спешили продать цветы, пока не обожгло их дыханием приближающейся зимы, и потому базарчик был шумен, многолюден.

Букет из гладиолусов, махрово-красных, огненных, алых, снежно-белых, Владимир Андреевич бережно и аккуратно закутал в прозрачную бумагу, расправляя складочки, и с этим огромным свертком, напоминавшим спеленатого младенца, отправился по мосту на Торговую сторону.

Сегодня Мережников ни в чем не сомневался, не испытывал никаких колебаний - все было ясно впереди, потому и напевал он. А еще тому радовался, что поверил: надежды его не напрасны, Наташа согласится стать его женой. Почему-то вдруг очень поверил в это.

Над средним пролетом моста Владимир Андреевич остановился, вспоминая тот день, когда впервые увидел Наташу; долго глядел на пустынный пляж, испытывая от этого и радость, и нежность; по пляжу бегали мальчишки; парочка сидела в обнимку у самой воды на скамье; буксир с баржей приближался от Юрьева монастыря - все радовало его сегодня, на что бы он ни смотрел!

«Зачем ей учиться в этом техникуме? - размышлял он, шагая дальше. - Зачем ей вообще какая-то специальность, если она будет моей женой? Я в состоянии обеспечить нашу совместную жизнь. Договор на книгу заключен, еще одна рукопись одобрена, гонорар за журнальную публикацию нетронут. Бросим все: я - свою работу, она - училище. И уедем на юг, снимем комнату, будем ходить на пляж и лежать на солнышке. На юге еще тепло, бархатный сезон... Пожалуй, лучше всего к Сухуми, в Новый Афон - там теплее, чем в Крыму... Буду покупать своей юной жене дыни, виноград, абрикосы... Она станет веселой, счастливой и здоровенькой... Так, Наташа, так!»

Море нежности плескалось в душе Мережникова. Он любил сейчас и этот прозрачный день с высоким льдисто-холодноватым небом, и незнакомых людей, попадавшихся ему навстречу, и город, так ясно, так празднично высвеченный осенним солнцем - весь мир! Такое у него было настроение.

В знакомом вестибюле вахтерши не оказалось, на столе лежали только очки да вязанье из серых толстых ниток.

Владимир Андреевич постоял, переминаясь с ноги на ногу, положил цветы на подоконник и стал ждать, не появится ли кто. Где-то играла музыка, за стенкой разговаривали; кто-то бежал, должно быть, по лестнице с этажа на этаж; послышался громкий смех, хлопнула дверь. Немного погодя показались две девушки и, не взглянув на него, вышли на улицу. Остановить их он почему-то не решился. И вообще, придя сюда, он немного не то чтобы оробел, но чувствовал себя неловко, потому и хмурился.

Зазвонил телефон на столе, но Мережникову не хотелось, чтобы пришла та вахтерша; телефон, слава богу, скоро затих.

Наконец послышался рядом в коридоре говор, опять хлопанье двери и показалась толстая девица в домашнем халате. Владимир Андреевич попросил ее позвать Наташу Иваненко.

- Галина! - громко крикнула та куда-то в коридор.

- Ау! - отозвались оттуда.

- Где Наташка? Человек спрашивает.

«Чего орёшь!» - чуть не сказал ей раздосадованный Мережников и нахмурился еще больше: все шло немножко не так, как он представлял, шагая сюда.

Показалась Галя и бесцеремонно уставилась на него. Владимир Андреевич вежливо поздоровался с нею.

- А Наташи нет, - сказала та нелюбезно, не ответив на его «здравствуйте», и смотрела на необычного гостя взглядом, в котором были и острое любопытство, и враждебность.

Такая встреча настораживала: что-то она знала, эта Наташина подруга. Но ведь не спросишь, что же именно!

- А где она?

- Не знаю. К сестре небось ушла, к Варваре.

Толстуха тоже не уходила, что-то ее удерживало. Неужели и она тоже в курсе всех событий?

Мережников поколебался секунду, не более, потом взял с подоконника свой букет, твердо сказал Гале:

- Передай это ей. Скажи: я еще приду.

- Ее сегодня не будет весь день.

- Хорошо, значит, я приду завтра.

Галя состроила полунасмешливую, полуроздосадованную гримасу, приняла букет, переглянулась с толстухой. Обе не сказали при этом ни слова.

Мережников вышел.

59.

И этот, и следующий день Владимир Андреевич провел в ожидании. Сидел ли, ходил ли, разговаривал ли - мыслями он все время был не на своей, Софийской, а на противоположной Торговой стороне. Он то и дело представлял себе, как и что происходит «там»: вот Наташа вернулась от сестры... Галя передает ей цветы и говорит, что приходил... Как Галя называет его? «Твой кавалер»? «Тот мужчина»? Разумеется, что-нибудь ироническое. С ужимочками и гримасами. Какая она некрасивая и вульгарная! И в манерах, и в говоре. Почему она так враждебна к нему, Мережникову? Что он ей сделал плохого, этой Гале? Как это нехорошо, что все время между ним и Наташей стоят посторонние люди. И как их много! Стоят стеной... и жена, и Варвара, и эти подруги. И еще кто-то невидимый и неслышимый ему.

«Теперь вы все посторонние! - говорил им Мережников с торжеством и тут же гневно вопрошал: - Зачем вы вмешиваетесь? Зачем это вам? Разве у вас есть какие-то права? Отойдите...».

Самое важное - это как воспримет Наташа сообщение Гали о том, что он снова приходил. Это ее встревожит? Или ей станет досадно? А может быть, наоборот, обрадуется? Нет, вряд ли...

«Да почему «нет», черт возьми! Почему ты себя так низко ценишь! - взрывался кто-то в его душе. - Держись с достоинством! Уважай себя».

Легко сказать: уважай себя. А вот Наташа не подает никаких вестей. Должна же она ему позвонить! Или даже зайти. Ведь он сообщил ей и адрес, и телефон свой. Пусть придет, хотя бы затем,

чтобы сказать какие-то очень приятные для него слова. Пусть даже и вовсе неприятные, лишь бы не пропадала там вовсе, лишь бы как-нибудь отозвалась...

«А если вместо Наташи явится сестра?»

И такая мысль не раз беспокоила его.

«Устроит тарарам... Вот так сижусь в кабинете, открывается дверь, и входит женщина: вы товарищ Мережников?»

И действительно, осторожно постучав, в кабинет его заглянула незнакомая молодая женщина, спросила:

- Простите, вы Мережников Владимир Андреевич?

Он утвердительно кивнул, и лицу тотчас жарко стало: женщина показалась ему очень похожей на Наташу - «Варвара!». Гости, немного смущаясь, - «Вы разрешите?» - вынула из сумки нечто, завернутое в лоскут старенькой материи и в целлофан, стала разворачивать, приговаривая:

- Меня послали к вам... Археологи уже уехали, сезон у них кончился... Те, что копали на Пролетарской улице. А мне тамошние жители посоветовали: идите, говорят, к Мережникову, это верней всего. К тому же, мол, он тут недалеко, рядом.

И перед Мережниковым выкатился на стол свиток бересты, залепленный внутри еще сырой грязью.

- Мы не разворачивали ее, боялись испортить, - извиняющимся голосом говорила женщина. - Там что-то написано. Да и видно, что бересточка жухлая от старости. Как бы не повредить!.. А мы копали колодец... Брат копал... У себя в деревне...

Такое случалось и ранее, раза два или три: Мережникову приносили бересту с некими знаками, приносили с полным убеждением, что это именно древняя грамота, а оказывалась или грубая подделка, на которую поддавался тот, кто приносил, или просто старая береста со случайными царапинами. А нынче одного взгляда на эту жалкую трубочку было достаточно Мережникову, чтобы понять, что именно ему принесли: на бересте, даже если не разворачивать ее, уже виднелся край надписи - знакомое начертание угловатых букв. Владимир Андреевич насчитал восемь

строчек и, еще не намереваясь прочесть, явственно увидел в начале третьей строки слова «гусли богодвижимая...».

«Гусли богодвижимая»!.. Прекрасно!»

Вздрагивающими руками он придержал этот свиток, не отрывая от него взгляда и вместе с тем боясь и дышать на него. Владимир Андреевич не успел даже поблагодарить женщину, а та, подождав немного, незаметно вышла.

Мережников, спохватившись, догнал ее на лестнице, заговорил прямо-таки возмущенно:

- Что же это вы заторопились! Погодите, так нельзя...

Она смутилась:

- Я думала... все, больше не нужна.

Когда вернулись в его кабинет, Мережников приступил к вопросам. Он нарисовал примерный план колодца, и женщина отметила на нем то место, где лежал найденный свиток бересты. И где тот колодец был относительно дома. И где тот дом... Женщина приехала из-за Шимска, из села на реке Шелони...

«Боже мой! - чуть не простонал Мережников. - Да это же сенсация! Гром и молния с ясного неба! Берестяная грамота не в самом городе, а в селе, чуть ли не в сотне километров от Новгорода! Да это же... слов нет, вот что это такое!»

- Вы не думайте, там больше ничего не было, - успокаивала женщина Мережникова, видя его волнение. - Мы все внимательно осмотрели, каждую щепочку. Только это, больше ничего. И брат глядел, и учитель приходил.

Очевидно, жительница старинного села на Шелони опасалась, что придут археологи и разберут с таким трудом сделанный сруб колодца или, чего доброго, просто запретят пользоваться им, впредь до особого распоряжения.

Сколько же раз за минувшие века меняли бревна этого сруба и сколько выпало счастливых обстоятельств, чтобы свиток бересты сохранился до сегодня! Есть все-таки на свете некая высшая справедливость!

Владимир Андреевич все записал: и полное имя женщины и ее брата - «Какие молодцы! Да им премию надо! Сохранили,

привезли...», и когда была найдена береста, и где именно - «Надо разузнать, чье это владение! Кого-то из новгородских бояр...».

Он горячо поблагодарил свою посетительницу и был очень неловок в этом, даже перепутал что-то, произнося благодарные слова, так что женщина вдруг рассмеялась.

Наконец Мережников отпустил ее и погрузился в блаженное созерцание берестяного свитка, лежавшего перед ним на столе.

«Ах, молодцы! Они не стали его разворачивать. Ах, молодцы! - восторгался он. - Даже в целлофан завернуть догадались. Небось учитель подсказал. Честь и слава учителю! Как его фамилия? Ах, не спросил! Ничего, потом выясню».

Эта грамота была явно не делового свойства. Автор ее - поэт! Только поэт может найти такое определение, такое слово - богодвижимая! Певучее, торжественное, пространственное, исполненное высокого смысла... Какой эпитет утратился в русском языке! Прекрасное слово.

Мережников снова взял бересту в руки. Наружный виток ее чуть жив, почти утрачен, истлел, но сердцевина была нетронута: из черной грязи торчал покоробленный, но твердый край бересты телесно-молочного цвета. «Гусли богодвижимая» - на самом конце берестяной ленты, свернутой довольно плотно, а далее - вытлевший проем, вид которого причинял Мережникову почти физическую боль: какое там слово выпало?

«Надо позвонить в Москву Иванину. И Славе тоже, - подумал он, потом остановил себя. - Нет, подожди...».

- Гусли богодвижимая, - произнес он вслух и радостно засмеялся.

60.

От восторженного разглядывания находки его оторвал телефонный звонок.

- Владимир Андреевич? - услышал он в трубке чей-то знакомый голос.

- Да.

- Мне очень нужно с вами встретиться.

- Ну, Вера Станиславовна! Это неоригинально! - возмутился он, раздосадованный тем, что его, шутки ради, отрывают от дела столь приятного.

- Владимир Андреевич, - поспешно произнес тот же голос, - это я, Фая.

«Какая еще Фая?.. Ах, ну да!»

- Здравствуй, Фая. А я тебя принял за другую. Тут некоторые дамы веселятся иногда за мой счет. Не всегда к месту, честно говоря.

- Мне нужно вас видеть, Владимир Андреевич. Нужно сказать что-то важное... для нас обоих.

Он нахмурился.

- Что-нибудь случилось?

- Не по телефону бы, Владимир Андреевич...

Ну вот. На свидание зовут. Этого еще только не хватало! Зачем это она!

- Что, у тебя опять была Любовь Ивановна? - догадался он.

- У меня не была... Но мы с нею вчера случайно встретились, разговаривали.

Любовь Ивановна мужу своему об этой встрече ничего не говорила... Странно.

- Она опять агитирует тебя в домработницы?

- Да я не об этом хотела, Владимир Андреевич. Тут другое.

Голос Фаи звучал и тревожно, и радостно - очень взволнованно.

- У меня мама приехала, Владимир Андреевич. И вот... мне надо поговорить с вами.

«Ну, появление мамы - это не причина для свиданий!» - так решил Мережников. Он нетерпеливо посматривал на берестяной свиток, который надо было, не мешкая, «определить к месту».

- Извини, Фая, сейчас я занят и не могу...

- Но мне очень нужно! - просила и настаивала та, и это было в общем-то на нее непохоже. - Хотя бы на пару минут... Просто сказать вам несколько слов... А по телефону нельзя. Может, вы, Владимир Андреевич, выйдете сейчас в парк? Я буду ждать вас на скамейке.

Что еще за прихоти! Судя по ее интонации - ничего особенно тревожного не произошло: уж больно явственна радостная, даже торжествующая нота в голосе соседки. С чего бы это? И с какой стати ей вдруг занетерпелось встретиться с ним? Он вовсе не расположен каким-либо образом развивать свои отношения с нею! Кажется, раньше она это понимала, почему же теперь...

Он уже хотел как-то упрекнуть Фаю, но в это время появилась секретарша и возгласила от порога:

- Вас директор вызывает!

Выражение Зоиного лица было таково, словно она только что услышала нечто очень забавное и вот теперь едва сдерживает смех. Но Мережникова удивило совсем другое. Положив трубку с коротким «извините», он посмотрел на Зою вопросительно: не «просит прийти», а «вызывает» - это что-то новенькое. Балин никогда такого не позволял себе. Если нужно было что-то от заместителя, сам придет, еще и извинится за беспокойство. А тут «вызывает». Ни больше, ни меньше. Вот поди ж ты! А секретарша не добавила к сказанному ничего, повернулась и ушла, да еще как-то непонятно фыркнула. Это задело Мережникова.

Он состроил недоуменную гримасу, поднял трубку, набрал директорский номер:

- Алексей Викторович, я вам нужен?

- Да. Зайдите.

Вот так, коротко и сухо.

- Что-нибудь срочное и важное?

- А это как рассудить.

И Балин первый положил трубку.

Что-то не слишком любезно. Черти его там разбирают! Небось позвонили ему из обкома, высказали недовольство по какому-нибудь поводу, вот он и занервничал.

«Покоробится... - подумал Мережников озабоченно. - Размочить срочно и - под стекло. Только тогда все прочее».

Он принес чайник и стал греть воду, а пока вода грелась, озабоченно ходил из угла в угол кабинета, иногда трогая бок чайника, который, казалось, все еще оставался холодным.

«Загорелось у него: вызывает, видите ли. Подождешь. Есть дела поважнее...».

«Гусли богодвижимая» еще пела в его душе.

Наконец чайник чуть-чуть зашумел. Мережников налил теплой воды в большую стеклянную банку, пополоскал в ней рукой: не горяча ли - и осторожно опустил туда свиток бересты. Постоял, глядя, как сразу замутнела вода, и муть оседала на дно, и вывалился из берестяной трубочки кусок черной земли. Присел на корточки, рассматривая банку на свет, улыбаясь, пришептывая:

- Ах ты умница... Ах ты...

Он испытывал к этому жалкому свитку, заключававшему нечто сокрушительно важное, нежное чувство, как к живому существу.

Налюбовавшись таким образом, отправился к Балину; от двери однако бросил сожалеющий взгляд на свое сокровище, - жаль расставаться! - а выйдя, старательно, на два оборота ключа запер кабинет.

Шагая с рассеянным видом по коридору, Мережников вдруг поймал на себе заинтересованный, пристальный взгляд одной из сотрудниц. Это рассердило его: он не музейный экспонат, чтоб так его разглядывать.

Дверь в приемную была открыта; возле нее стояли две женщины, разговаривали оживленно вперебой. Увидев заместителя директора, обе замолчали и так, молча, пропустили его, а обрывок фразы, долетевший перед тем до Владимира Андреевича, как бы повис в воздухе:

- ...на партийном собрании будто бы...

61.

Директор встретил Мережникова с неожиданной официальной вежливостью; такая дипломатическая церемонность проснулась вдруг в Балине.

- Садитесь, Владимир Андреевич.

Мережников оплатил ему за любезность - ответил с полупоклоном:

- Благодарю вас, Алексей Викторович.

«Ты не знаешь, что мне принесли, и я тебе не скажу. Ты этого не достоин», - глазами сказал он Балину.

А тот ему возразил примерно так:

«Ты не знаешь, какие козыри у меня в руках. Ну и не петушись».

- Тут такое дело... - как бы нехотя начал Балин. - Поступило письмо.

Он остановился и посмотрел на своего заместителя довольно пристально, выждал прямо-таки возмутительную паузу, которая обозлила Владимира Андреевича; он еле сдержался от резкого замечания: чего тянуть! как будто дел нет! Ну, письмо. Дальше-то что?

- Вы не догадываетесь, о чем оно? - спросил Балин.

- Я предпочел бы строить догадки в другом месте и по другому поводу, - отозвался Мережников довольно сухо.

- Я тоже предпочел бы, - ровным голосом невозмутимо сказал Балин. - Но письмо это - об аморальном поведении...

- Моем? - тотчас спросил Владимир Андреевич, уверенный, что сейчас директор откинется на стуле и заговорит совсем иным тоном: «Ну, что ты!», - и тогда можно будет иронически улыбнуться или сказать что-нибудь сердитое. Но директор неожиданно подтвердил, все так же с непривычным ему «вы»:

- Да, именно о вашем.

И вот тут холодным ветерком обдало Мережникова. Он понял, что Балин неспроста столь любезно его встретил и неспроста так уверен в себе в этом разговоре. Да и «вызвал», опять же, а не «попросил прийти».

- Письмо поступило в обком партии, - не торопясь, продолжал директор. - Оттуда передали мне с резолюцией: разобраться на месте, доложить.

- Анонимка? - спросил Мережников почти безразличным тоном.

- Нет, почему же... Подпись есть, вот она.

Балин пошевелил листами бумаги, что лежали перед ним, но

Мережникову их не предложил для ознакомления, даже как будто боялся, как бы тот не взял их, потому придавливал ладонями. Листы из школьной тетради в клеточку, исписаны крупным почерком...

«Кто это писал? Не о том ли Фая звонила? Чем-то она была все-таки очень взволнована... Или эта самая Варвара? А может, сама Наташа? Нет!.. Моя жена? Да нет же! Люба не способна на такое. И не может быть, чтоб Наташа! Тогда кто?».

Он даже на Галю, грешным делом, подумал, и на Людмилу Романовну тоже, и на Веру Станиславовну - не устроила ли очередной розыгрыш? - мысленно перебрал всех, и это в течение нескольких секунд, пока Балин молчал, должно быть, составляя в уме следующую фразу.

«Итак, кто?»

- Пишет женщина, и суть ее жалобы вот в чем. Она утверждает, что вы, дорогой Владимир Андреевич, пристаёте к ее младшей сестре...

Вот теперь все ясно: Варвара! Никак не успокоится.

- ...которая всего несколько дней назад была несовершеннолетней. Замуж предлагаете, и все такое.

Балин принадлежал к тому типу людей, которые могут твердо и непреклонно смотреть в глаза собеседнику. И, говоря все это, он не отводил взгляда от лица своего заместителя, а выносить это было нелегко, потому что позиция у директора была прямо-таки подавляющая. Балин сознавал это, потому так неспешно, словно смакуя, вел разговор.

- Так ли, нет ли, я не знаю, - продолжал он вроде бы скучным, равнодушным голосом, - но вы поймите меня, Владимир Андреевич, правильно: поступил сигнал, мне велено разобраться. Я, как и вы, - лицо подчиненное. Подумал-подумал и вот прежде всего пригласил вас, чтобы обсудить по-товарищески, по-дружески. Если окажется клеветой, мы выразим женщине свое возмущение, о чем и доложим в обком. А если подтвердится, то опять-таки выразим наше возмущение, но уже вам, дорогой Владимир Андреевич. Так обстоит дело.

Все что угодно мог предполагать Мережников, но только не такое течение событий! Речка, что текла, скрытая от посторонних глаз или почти скрытая, взломала лед и теперь разливается...

- Так как же у вас это вышло, Владимир Андреевич? - директор нажал на голос. - Тут написано: осаждаете девчонку... не даете ей проходу... Предлагаете замуж... Так или не так?

Мережников молчал. Каждая фраза, произнесенная Балиным, была ему оскорбительна. Его уличали в безнравственности! И кто!.. Надо же такому случиться!..

- С цветами приходите в общежитие, - Алексей Викторович коротко хмыкнул в смехе. - На виду у всех якобы. Компрометируете девушку. Нехорошо, если так. А?

Владимир Андреевич сидел, погруженный в глубокое-глубокое размышление; он не слышал всего, что говорил Балин, но тут живо возразил:

- С цветами все-таки лучше, чем с газетой, свернутой в трубочку. Так ведь?

Балин сделал вид, что не понял, о чем речь. А может, он и в самом деле не понял? Но в любом случае это не доставило утешения Мережникову: все равно силы слишком неравны. Да и не до того ему было, чтоб препираться с директором родного учреждения. Сегодня ему было не до того.

- Что ж... - в раздумье сказал Балин. - Видимо, придется собирать партийное собрание, разбирать персональное дело. Будем принимать меры.

- Партсобрание?! - протянул изумленно Владимир Андреевич и встрепенулся весь.

Вот теперь они смотрели друг на друга.

- А как бы вы думали?

- Так я же беспартийный!

- А это не важно. Парторганизация имеет право рассматривать любые вопросы, в том числе и персональное дело беспартийного товарища. Вы у нас заместитель директора культурно-просветительного, а точнее, идеологического учреждения. Идеологического! Ясна ситуация?

Мережников опустил взгляд.

Письмо в обком - это ягодки после цветочков, принесенных им в общежитие. Все бы ладно, только какую роль сыграла тут Наташа, - вот что заботило сейчас его больше всего. Похоже на то, что она содействовала...

- Эта женщина уже мне звонила, - продолжал нажимать Балин. - Я имею в виду ту, что написала жалобу. Она заявила, что непременно сама будет присутствовать на партсобрании.

- При чем тут Варвара? Пусть Наташа...

Владимир Андреевич сбился с голоса и замолчал.

Не нужно было вслух произносить имен. Надо же, сорвалось с языка. Ничего не нужно говорить - всякое с Балиным только усугубляет дело, вернее, способствует огласке, а это ни к чему.

- Наташа - это кто? Та девушка? - уточнил оживившийся Алексей Викторович.

«Но я не собираюсь ничего скрывать! - словно оправдывая себя за «болтливость», мысленно воскликнул Владимир Андреевич. - Теперь пусть знают все, весь белый свет!»

- Она что, еще в техникуме учится? Как ее, кстати, фамилия-то?

- Вы меня изволите допрашивать? - овладев собой, осведомился Мережников.

- Да нет! - весело возразил Балин. - Я ж не следователь. Просто мне поручили разобраться, вот и...

Мережников рассеянно посмотрел в окно.

«Я люблю ее! При чем тут партсобрание. За любовь не судят. Впрочем, этот готов судить... А-а, ну да, ведь это ему на руку!»

- Значит, правда, - в раздумье неспешно сказал директор. - А я, признаться, поначалу не поверил. - И перешел на грубоватый тон. - Как это получилось у тебя? Ведь мы же с тобой столько знакомы! А? Владимир Андреевич? Никогда б не подумал! Серьезный, семейный человек - и вдруг девчонка! Я понимаю, что в письме много лишнего: замуж, то да се... Чепуха какая. Но главное-то остается!..

Алексей Викторович замолчал и снова уставился на своего заместителя.

- Ты что, влюбился, что ли? В девчонку-то?
Мережников встретил его взгляд, сказал твердо:

- Я напишу вам заявление.

- Какое? Что ты тут ни при чем? Я - не я, и лошадь не моя. Да?

Короткий покровительственный смешок прокатился в горле Балина, а ладонь непроизвольно погладила исписанный лист бумаги в клеточку: куда, мол, денешься! Тут все запечатлено - не вырубешь топором.

Но опять-таки Мережникову было не до него. Ход мыслей одного явно не совпадал с движением мыслей другого.

- Я увольняюсь, Алексей Викторович, - с прежней твердостью и решительностью сказал Мережников.

- Да брось. Не паникуй, - сразу умиротворяясь, отвечивал Балин. - Чего заспешил? Не горит.

Мережников, словно окончательно очнувшись, взял с директорского стола лист чистой бумаги, стал писать. Балин следил за ним весьма благожелательно.

- Черт его знает! - сказал он, сочувственно вздохнув. - Какая-то каша заварилась. Может, тебе и впрямь уйти с работы да и уехать из города с глаз долой. На время, а? Пожалуй, это разумно. Мне, конечно, трудно судить...

В тоне его голоса уже проскальзывало этакое начальственное великодушие. Он принял лист, протянутый Мережниковым, выдвинул ящик стола, достал из него папочку, положил заявление в нее, потом папочку - в ящик и неторопливо задвинул.

- Погоди, - сказал он вставшему Мережникову. - Вот чего: не пори горячку... Я посоветуюсь. Позвоню по начальству и постараюсь тебе помочь. Чтоб не волынить с увольнением. А этой бабе скажу что-нибудь... В общем, ее я беру на себя. Слышишь? Чтоб не рыпалась больше никуда и не писала никаких бумаг. Вот только девчонку придется оставить в покое.

- Да иди ты! - бросил Мережников с неожиданной грубостью.

- Оставь, оставь ее. Зачем она тебе? Или мало баб, скучающих и одиноких?..

Последние слова Балин говорил уже в спину уходящему Мережникову.

62.

Вернувшись в свой кабинет, Владимир Андреевич некоторое время стоял перед столом задумавшись. Потом оделся, вышел на улицу и только тут вспомнил о бересте. Вернулся, осторожно поставил банку в сейф, пренебрежительно отодвинув в сторону стопку каких-то документов.

«Вот она, гуль богодвижимая! Вот где радость!».

Однако не было радости. Другое, гораздо более сильное чувство оттеснило ее и заполняло теперь Мережникова.

«Придете, благочестия любители и целомудрия рачители, чистоте же убо и премудрости взыскатели...».

Он аккуратно запер сейф и вышел на улицу.

«Я должен с нею поговорить, - твердил Владимир Андреевич сам себе. - Ну, должен же я с нею встретиться!».

Парковой аллеей, мимо фонтана с Садко, мимо Весёлой горки, мимо детской карусели, по мосту Мережников шагал торопливо и решительно. Теперь ему было не до высокого и холодного неба, не до прохожих и проезжих, не до пустынного пляжа, остававшегося справа и видного отсюда, с моста, как бы с птичьего полета.

«Как же это случилось, Наташа? - спрашивал он дорогой. - Почему наше с тобой - и только наше! - становится всеобщей потехой, предметом любопытства посторонних людей? Это недостойно нас, Наташа!»

Он поймал себя на том, что чуть ли не вслух произносит эти фразы. Поднял воротник, спрятал подбородок за отворот пальто, чтоб никто не услышал, если в рассеянности что-то и скажет вслух.

«Разве я сделал тебе что-то плохое, Наташа? - продолжал он. - Разве я переступил грань приличия? Разве был назойлив или груб? Что тебя обидело? У меня не было тех скверных намерений, которые мне нынче приписывают. Неужели ты поняла меня, как они? Я был, по-моему, честен с тобой. Разве нет? Во всяком случае откровенен. Я не хитрил, не изворачивался, не лгал... Я

шел с открытым лицом и говорил не шепотом, а в полный голос. Зачем же ты так, Наташа? Как же это все получилось?».

Да полно, она ли это должна подойти к нему у Княжой башни! Может быть, он ошибся... Может быть, он обратился не по адресу, и она совсем не та, кем должна быть.

Неужели он поторопился? Поспешил открыться, поспешил с потайным заветным словом, в котором так обнажено и так уязвимо движение его души...

Мережников сел на скамью в скверике перед зданием кооперативного техникума, решив сидеть здесь до тех пор, пока не покажется Наташа. Зайти в само здание он не решился: надо поберечь и девушку - вдруг он и в самом деле ее компрометирует!

«Я! Компрометирую!» - вместе с тем возмутился он.

Откуда-то с озера, что ли, залетал порывами холодный, промозглый ветер. Минут через двадцать Мережников почувствовал, что уже продрог, однако запахнулся плотней и продолжал сидеть. Решимость его отнюдь не поколебалась.

В парадные двери техникума выходили и входили, и поодиночке, и компаниями девушки, но Наташи среди них не было. Он сразу узнал бы ее - нет, она не появлялась.

Так просидел он и час, и больше, и уже начал сознавать, что выбрал отнюдь не самый лучший способ встретить Наташу, что все это сидение довольно глупо и надо что-то предпринять более решительное. Вдруг увидел, как в пальто, накинутом на плечи, выбежала Галя и направилась к нему через дорогу. Он сразу понял, что она бежит именно к нему, а не куда-нибудь.

- Здравствуйте, - выговорила Галя, запыхавшись. - Вы Наташу ждете?

Он молчал.

- Наташа уехала. Ее нет.

- Опять в Кандалакшу? - спросил он после паузы.

- Мне не велено говорить, куда именно.

- Не говори. Я все равно найду.

- Наташка перевелась в другой техникум и уехала насовсем.

Так распорядилась Варвара. Это ее сестра.

Владимир Андреевич молчал. Молчала и Галя, ожидая, не спросит ли он что-нибудь. Он спросил:

- Почему же она уехала так спешно?

- А вы не догадываетесь?

В Гале как будто боролись два чувства: неприязнь к нему и в то же время некое благожелательное любопытство.

- погоди, - сказал ей Владимир Андреевич, видя, что Галя хочет уйти. - Я у Наташи спросить хотел... Она получила мое письмо? Дошло оно до нее? Ты ведь знаешь.

- Знаю. Да, она получила.

- А почему письмо оказалось у сестры?

- А что, у вас неприятности, да? - вызывающе спросила Галя.

- Письмо я Варваре передала. Отобрала у Наташки и передала.

- Ясно.

- И когда вы в тот раз приходили в общежитие, Наташа была в комнате. Мы с нею дружим, и я не могла допустить... Вы ведь женаты!

- Правильно, ты молодец. Но что делать, если я ее люблю, Галя!

- А вам это нельзя.

Девушка смутилась и стала смотреть в сторону.

- Я не хотел сделать ничего плохого ей, - тихо и очень убедительно сказал Владимир Андреевич.

- А все равно получилось плохо. Она очень переживала. Особенно когда узнала, что Варвара написала заявление... куда-то там. Она плакала... и вообще.

- Та-ак... Это правда, что она уехала?

- Нет. Сегодня уедет или завтра. Вы ее не ищите, она у сестры. - Галя помялась и сказала тихо: - Поедет к брату в Тернополь. Будет учиться в таком же техникуме, как наш.

- Спасибо, Галя.

Вздыхнув, он поднялся.

- А цветы я Наташке передала, - торопливо добавила она, - но тут пришла Варвара и увидела их. Она сразу догадалась, от кого

они. Велела выбросить, а Наташка не позволила. С этого все и началось.

Ветер налетал порывами, девушка неловко куталась в накинутое пальто.

- До свидания, Галя. Беги, а то простудишься.

Он дошел уже до людного перекрестка, когда она догнала его, схватила за рукав, спросила строго и требовательно:

- А вы, правда, ее любите?

- Да, - сказал он.

- Она тоже говорит, что, наверное, вы совсем неплохой человек; может быть, даже и впрямь любите. Только я все равно не верю. Хотя... - Галя засмеялась, - если б со мной так, то поверила бы.

И побежала назад, придерживая полы пальто руками.

63.

Во всем этом разговоре с Галей было два радостных момента, которые очень ободрили Мережникова и направили строй его мыслей в несколько ином направлении. Первый: Наташа воспротивилась тому, чтобы выбросить цветы, и даже, видимо, рассорилась из-за этого с сестрой. Второй: она ему верит. Может быть, не насовсем, но верит! И это великолепно. Она - умница.

«А я еще отчаивался! - укорил себя Владимир Андреевич. - Как это малодушно! Дошел даже до того, что стал сомневаться и упрекать...».

Волна благодарности и нежности к Наташе подступила к его сердцу. Нет, он не ошибся в ней! Это она... И только она!

Сегодня уезжает... Что ж, может быть, это и неплохо. Напротив, даже хорошо! Наташа вырвется из среды, которая так враждебна к нему, Мережникову, и которая диктует ей свою волю, навязывает свое, не считаясь с ее желаниями.

«Тернополь... Тернополь... Должно быть, хороший город. Это же южная Украина! Там еще лето небось. Надо позвонить в Киев. Пусть ребята похлопочут о двух путевках на Карпаты, как год на-

зад хлопотали о моем переводе в свою столицу. Горы - это тоже приемлемый вариант. А я сегодня позвоню в Тернополь о гостинице... Пока поживу, как путешествующий...».

Опять радостная мелодия зазвучала в его душе; по мосту он шагал на Софийскую сторону, весело оглядываясь окрест.

Идти к себе ему не хотелось, и он от самого подъезда родного учреждения повернул прочь, пересек площадь и зашел в бабье царство.

- Здравствуйте, ваши высочества! Как вы тут?

Мережников был весел и настроился поболтать с женщинами о чем-нибудь, развеяться немного. А где и развеяться, как не здесь! Но что-то изменилось в бабьем царстве, словно сам воздух стал холодней, словно от стен и шкафов повеяло чужим, чужим...

На этот раз только Людмила Романовна была рада ему; разговаривая с кем-то по телефону, улыбнулась, закивала головой и рукой замахала: садитесь, мол. Вера Станиславовна с Валентиной посмотрели на гостя довольно отчужденно, а Тоня отвернулась и то ли чихнула легонько, то ли хихикнула.

«Надо же! Неужели и сюда слушок приполз! - подивился Мережников. - Так скоро!»

- Придете, благочестия любители, и целомудрия рачители, чисто те же убо и премудрости взыскатели, - проговорил он и довольно бесцеремонно уселся на стул, потом вызывающе спросил, обращаясь ко всем сразу: - Ну, как поживаем? Что-то вид у вас кислый.

- У вас кислее, - заметила Тоня не без ехидства.

- Ну нет, я не сказал бы, - уверенно возразил Владимир Андреевич. - Более того: я полон радости, оптимизма и всего такого вот... самого бодрого!

Он почему-то очень обозлился в эту минуту: «Сидите тут, как мышки - ушки настороже! Ловите каждый шорох».

Людмила Романовна положила трубку и со словами «Я сейчас вернусь» ушла: куда-то ее срочно позвали. Проходя мимо

Мережникова, она то ли ласково, то ли ободряюще коснулась его плеча.

- Говорят, вы женитесь, Владимир Андреевич, - сказала Вера Станиславовна в наступившей тишине. - Уж правда ли, нет ли...

Валентина с Тоней переглянулись. Слова Веры Станиславовны были поняты ими как сигнал к началу всеобщего наступления - это Мережников понял чуть позже.

- Правда, - подтвердил он. - А что?

- Ишь, как нынче хорошо: женился на одной, надоела - бросил, завел другую...

- Что ж с одной-то жить! - рассудила Валентина. - Одно и то же каждый день приедается.

- Да ведь Любовь Ивановна Мережникова, по-моему, не из тех, кто приедается. Красивая, образованная, обходительная - чего же еще надо?

- Откуда вам знать-то, Вера Станиславовна! - якобы защищала гостя Валентина. - Может, мало обходила, может, чем и не угодила. Бывает! А к тому же и то рассудить: если деликатесами-то человека кормить каждый день, ему ведь и черненького хлебца захочется...

Тоня слушала их восторженно, едва сдерживаясь, чтоб не расхохотаться вздохом. Она только изредка попискивала от сдавленного смеха.

Мережников слушал все это довольно ошалело. Такой откровенно враждебной атаки он в бабьем царстве не ожидал.

- Да вам-то что! - обескураженно возразил Владимир Андреевич. - Не на вас же я женюсь! Ваше дело постороннее.

- Куда нам! - это Вера Станиславовна довольно спокойно сказала. - Вам надо молоденькую... Со школьной скамьи.

- Оно и понятно, - грубовато вторила Валентина. - Кто-то любит говядинку, а кому-то подавай телятинку.

- Вы у нас девочек любите, Владимир Андреевич.

- Я и вас тоже люблю, - возразил он, надеясь на миролюбивый исход разговора.

- Где уж нам! - Вера Станиславовна вздохнула. - Что-то мы от вас ни писем, ни цветов не получали.

- Ишь, чего захотела! - фыркнула Валентина. - Вот Владимир Андреевич за вашей дочкой поухаживал бы. Сколько ей? Пятнадцать? Ну, значит, ему в самый раз...

- Да вы с цепи, что ли, сорвались! - не выдержав, гневно бросил Мережников. - Что вы на человека кидаетесь, не разобравшись?

- Эх, Владимир Андреевич! - вздохнула Вера Станиславовна. - Что тут разбираться, коли все ясно! Не ожидали мы от вас таких подвигов. Чего угодно, только не этого. Взрослый человек, солидный, с ученым званием, при должности, депутат... Пошутить можно, а зачем же всерьез-то! Ведь я теперь от вас свою Надюшку стеречь должна!

- А я сестренку младшую, - добавила Тоня, самая незлобивая из всех. Вот уж зря он ее величал «Хитровановой!»! Ей-богу зря.

- А ведь вы - отец семейства. У вас у самого дочь растет, - заметила Вера Станиславовна. - Вот она подрастет, и какой-нибудь... будет к ней приставать. Как это вам понравится?

Потом Валентина добавила свое суждение. Потом снова Вера Станиславовна... Мережников только переводил взгляд с одной на другую и не мог найти ни необходимых доводов, ни необходимой паузы в их обличительных речах.

- Та-ак... Ну ладно, поговорили... - сказал он и резко встал и направился к двери. - Хорошего помаленьку.

- Да уж идите-ка, - сказала тем же неприязненно-назидательным тоном Вера Станиславовна. - Бог подаст, а мы люди бедные.

Валентина тоже напутствовала его, но слов ее Владимир Андреевич не разобрал. Он хотел что-то сказать им в ответ, но только махнул рукой и вышел вон, вне себя от сознания своего бессилия и какой-то огромной несправедливости, которую творили с ним и которую он, как видно, все-таки заслужил.

На главной площади кремля его поджидало еще одно испытание: возле памятника Тысячелетию России, опираясь на его ограду, стояли и увлеченно беседовали двое - Часовников-Сушко, в пальто и шляпе, интеллигентный, строгий, и с ним моложавая

женщина, одетая по осеннему времени в зимнюю шубу; женщина была румяна от холодного ветерка, от меховой одежды и увлекательной беседы, во время которой ее спутник, весьма склонный к пылким речам, призывающе взмахивал рукой вверх, где ангел с крестом венчал памятник-колокол, осеняя божественным покровительством тысячелетнюю Россию. Пожалуй, про спутницу Григория Павловича можно сказать, как о совсем молодой особе, - что она хороша собой. Во всяком случае так мимолетно подумал Мережников.

Григорий Павлович заметил его издали и, судя по всему, что-то сказал своей спутнице о нем; а та стала вдруг озабоченной и строгой, в ответ что-то выговорила своему спутнику - это был краткий диалог единомышленников, которые быстро пришли к общему согласному мнению.

Не заметить их было нельзя, и Мережников подошел, вежливо поздоровался. Григорий Павлович, вопреки его ожиданию, со своей подругой знакомить его не стал; на лице потомка то ли тульских, то ли брянских дворян отражалось душевное напряжение, которое Владимир Андреевич поначалу неверно истолковал: волнуется, мол, старик молодожен, неловко ему. Когда поздоровались, Часовников сказал негромко, но достаточно твердо:

- Не одобряю, Владимир Андреевич, - и покачал головой, поджимая губы. - Не могу одобрить последних событий в вашей жизни. Извините, не приемлю.

И женщина смотрела на Мережникова строго, как учительница на проштрафившегося ученика, которому теперь непременно надо снизить оценку за поведение.

Владимир Андреевич не вдруг понял, что говорит ему приятный человек Часовников, столь радушно, столь радостно встречавший его всегда. А потом его озарило: ах, и этот все о том же! Он, должно быть, вместе со своей новой женой уже побывал в бабьем царстве, а уж там их обоих «просветили» - просветили именно в том духе, в каком только что ополчились на самого Мережникова.

- Будьте счастливы, ваше степенство, - резковато сказал он и

энергично потрянул руку Григорию Павловичу, потом настойчиво повторил: - Будьте счастливы! Да, да! И слушайте почаще музыку - музыка смягчает нравы. Понимаете?

- Нет, - честно признался несколько озадаченный Часовников.

- И прекрасно! Тем действенней влияние высокого искусства. А мне позвольте проститься с вами. И надолго. Возможно, мы уже не сыграем с вами ни одной партии и даже не увидимся никогда. Считайте, что вы меня заматовали. Я увольняюсь и уезжаю. Да-да! Вы же, однако, вспоминайте иногда наши партии. И не спешите рокироваться, ваше степенство, ни в ту, ни в другую сторону... Еще раз пожелаю: будьте тут без меня тихо и безмятежно счастливы!

Он говорил это как бранился, говорил в сильнейшем волнении, потому Часовников был несколько растерян и не знал, что ответить. А когда необходимые слова наконец пришли к нему, Владимир Андреевич уже удалялся...

64.

Холодно было под осенним небом, неуютно, одиноко, и тоска опять подступила к сердцу Мережникова; хотелось, как в детстве, заплакать, просто так, от великой грусти и собственной беспомощности.

Он поднял воротник пальто, поеживаясь, втянул голову в плечи, глубоко засунул руки в карманы - и брел так, огибая кремлевскую стену по внутренней асфальтовой дорожке, старательно оглядывался по сторонам, словно ища, на что бы отвлечься.

«Лучше всего лететь самолетом завтра же. Поселиться в гостинице и встречать на вокзале все поезда с севера, а в аэропорту все самолеты из Киева и Ленинграда - не так-то их там много, и тех, и других! Она едва ступит на перрон или сойдет с трапа самолета, а я к ней: «Здравствуй, Наташа. Я тебя тут давно жду...».

Двое мальчишек пробирались по верху кремлевской стены, прячась между зубцами ее...

Из ресторана «Детинец», что занимает церковку и Покровскую башню, выбежала молодая женщина в белом халате, высыпала что-то из ведра в контейнер с мусором, поставила ведро и, поправляя волосы, улыбалась...

Из окон музыкального училища доносились неумелые, но сильные и чрезвычайно бравурные аккорды на фортепьяно, а в лад ему нежное пиликанье скрипки...

Все живут, все чем-то увлечены, все радуются и полнокровно воспринимают жизнь - так и должно быть. Из-за чего же он - не больной, не старый, не убогий - почему же он мается? Из-за чего страдает? Из-за собственной глупости. Разве нет? Так, так! Ведь вот не стал бы Виталий городить огород, как это делает он, Мережников! Смешно даже представить себе, чтоб Виталий пошел в общежитие... послал письмо...

«Ну, что ж, - хмурился Владимир Андреевич, самолюбиво поджимая губы. - Каждый, как умеет...».

Белые ледяные пузыри на асфальте звучно лопались под ногами. Вот уже третий день, как вечерами стало заметно подмораживать, а нынче морозец и вовсе отстаивался крепкий.

У Вечного огня стойко перетерпели мороз мальчики с карабинами - стояли неподвижно, в строгости, по-взрослому; и, как обычно, несколько досужих зрителей ждали, когда будет смена караула...

«Не попасться бы опять на глаза высоконравственному старичку Часовникову. Небось показывает достопримечательности жене. Славная вроде бы женщина».

Молодожены ушли, не видно. У них медовый месяц.

На площади туристы сгрудились вокруг экскурсовода, голос которого разносило слабым ветерком: «Тринадцатого века... одиннадцатого века... Мстиславе Великом...».

Под въездной аркой кремлевской стены шаги отдавались гулко, как под сводами храма... На скатах древнего рва белыми подпалинами стлался по траве иней...

«Главное - это встретить ее. А потом все устроится как-нибудь. Можно даже пожить в Тернополе, если там не дождливо.

Слякоть и сырость надоели мне и в Новгороде. А лучше все-таки к морю».

Из всех приморских городов, виденных когда-либо Мережниковым, его больше других привлекал Судак, хотя был он там всего лишь однажды, да и то недолго, с неделю - отдыхал «дикарем». Есть в этом городишке местечко под названием Уютное - на горе, возле крепости, построенной еще отважными генуэзцами. Тут, в частном доме, у старика со старухой жил Владимир Андреевич целый месяц. Дом примечателен был тем, что оброс всяческими пристройками, каждая из которых являла собой творение прихотливой фантазии хозяина, не желавшего возводить нечто капитальное. Все эти закуточки, в каких, например, хозяйственные колхозники новгородцы держат кур или овец, хитроумный судакский домовладелец приспособил под жилье для таких вот озябших северян, как Мережников. Тут были верандочки, терраски, сарайчики, клетушечки, отгороженные навесы и прочее.

Владимир Андреевич занимал веранду, а чтоб не подселили соседа, платил за две койки.

Ветер с моря парусил занавески на его веранде, лампочка под потолком была маленькая, светила еле-еле и при сильном ветре мигала. Мережников против таких обстоятельств не протестовал, они ему нравились. Старик хозяин, бородатый дедок Антон Алексеевич, испытывал большое любопытство к смирному постояльцу, который не пил вина, не курил и не водил к себе женщин. Наконец хозяин не выдержал, явился с дипломатическими вопросами.

- А вы, Владимир Андреевич, должно быть, большой начальник?

Выяснив в итоге довольно продолжительного разговора, что Мережников - кандидат наук, Антон Алексеевич уважительно протянул:

- А-а, ну, кандидаты - это большие люди!

Мережникова рассмешила не сама фраза, а тон, каким она была произнесена, и выражение лица хозяина дома.

Вот можно опять к Антону Алексеевичу на его веранду. А

впрочем, у него есть отличная жилая комната - с ковром посредине, с телевизором, с диваном - ее хозяин бережет для особо состоятельных квартирантов. Вот в ней и поселиться бы! И гулять опять вдоль крепостной стены, смотреть оттуда, с высоты, на море, на Судак - древний Сурож.

В Суроже на площади продавали некогда полуголых девушек с необыкновенно шелковистыми, нежными волосами, с глазами цвета весеннего неба, с кожей белой, как благородный мрамор... Вот по этим площадям и гулять с Наташей! Любоваться, как играет ветер ее легкими шелковистыми волосами, и цветом ее синих, как весеннее небо, глаз.

С другой стороны бухты гора поднимается платформой и обрывается круто к морю. Что за вид оттуда! Море плещется далеко-далеко внизу... Вот бы туда сводить Наташу! И посидеть там, болтая о том и о сем.

Можно поехать и куда потеплее - в Новый Афон. Мережников там не бывал, но у него есть адрес: в Новом Афоне у Славы Фирсановского близкая родня, и Слава сказал, что можно приезжать в любое время, всегда примут.

Во всех этих городках сейчас на базарах продают дыни, виноград, груши, кислое вино в бочках... Будет чем порадовать Наташу!

В штормовые дни они вдвоем будут ходить вдоль берега и слушать, как перекачивают волны валы галечника...

65.

- Как славно, что я вас увидела! - говорила Людмила Романовна. - Смотрю, что это за мужчина бродит в одиночестве по парку? И далеко было, а сердце подсказало: это он. И я пошла к вам, как на огонек, как на звездочку. А теперь вы мой пленник, и я напою вас давно обещанным чаем. Видите, мы уже пришли.

Ее приглашение было ему на этот раз кстати: домой идти не хотелось, а на улице он уже набродился и основательно продрог.

- У меня есть заветная бутылочка марочного коньяку. Я вас

уже обещала напоить чаем с коньяком, а теперь должна исполнить. Не правда ли?

Она тихонько подтолкнула его к подъезду.

- Какой из меня гость! - слабо упирался Мережников. - Я нынче в расстроенных чувствах. Все меня обижают, все обличают и упрекают...

- Не обращайтесь вы внимания на эти глупости! Мало ли что плели вам эти бабы! Они совсем не добрые, как это раньше вам могло показаться. Какие они царицы! Так себе, клухи домашние. Я о них даже и разговаривать не хочу. Слышите? Забудьте о них.

Перед своей дверью она вынула из сумочки ключ, сунула его в замочную скважину поспешно, нетерпеливо, как будто боясь, что гость может повернуться и уйти именно в этот последний момент.

В квартире у нее было чистенько и прибранно - это сразу отметил Мережников, едва они вошли. Только на тумбочке перед трюмо в некотором беспорядке лежали расчески и шпильки, стояли баночки и флакончики разных форм и цветов. Пахло застоявшимся ароматом духов, но сквозь этот аромат ему, человеку некурящему, почудилось, что пахнет и папиросным дымом.

- Посидите пока в одиночестве. Вот вам журнал мод, полюбуйтесь на красивых женщин, а я вас на минутку покину.

С этими словами она ушла в соседнюю комнату, а гость сел на диване, с любопытством оглядываясь. «А что, у нее неплохо, - подумал он. - По крайней мере тепло-то как... И уютно!».

Очень скоро Людмила Романовна вышла - в нарядном богатом халате, небрежно запахнутом; пояс завязан на боку большим бантом; складки на груди - двумя большими звездами; воротник прихотливо огибает полную белую шею. Просторные рукава послушно соскользнули вниз, обнажая руки, когда она подняла их, чтобы поправить перед зеркалом прическу, - локти округлые, истинно женские, с ямочками.

Она прошла на кухню, мимоходом улыбнулась ему. Владимир Андреевич проводил ее взглядом, потер ладонью лоб, пригладил волосы.

- Знаете что, - сказала она, появляясь оттуда, - мы с вами, пожалуй, не будем садиться за стол, лучше на диване - я люблю сидеть на мягком.

Мережников согласно кивнул. В эту минуту и Балин с письмом, и продуваемый холодным ветром сквер перед торговым техникумом, и бабье царство с враждебными ему женщинами, и Часовников со своей моложавой женой отодвинулись куда-то.

Людмила Романовна приставила рядом журнальный столик, покрыла его вышитым льняным рушником, достала из буфета две фарфоровые расписные чашки на таких же красивых блюдцах, сахарницу, бутылку с коньяком и две хрустальные рюмочки - все это расставила и села рядом с ним, оживленная, улыбающаяся. Небрежным жестом, будто в рассеянности, она провела ладонями по халату, разгоняя складки, и теперь Владимир Андреевич боялся опустить глаза: в полах халата отчетливо вырисовывались ее полные ноги.

- Так о чем мы с вами столь прекрасно говорили на улице? - обратилась она к нему.

- О любви, - напомнил он, улыбаясь. - Вы рассказывали про хирурга, которого очень любили, а я спросил, почему же вы с ним не поженились.

- Ну, замуж выходить, - сказала она размышляюще. - Конечно, я могла бы выйти за него замуж - только зачем? Посудите сами: к чему это замужество? Лишние осложнения, и только. И мне, и ему. У нас и мысли такой не возникало. У него была жена и две девочки. Ради бога! Пусть он будет примерным семьянином. Разве это мешало нам?

Она засмеялась и торопливо добавила:

- Впрочем, это ведь было очень давно.

- Вы были с ним счастливы? - уточнил он.

- Да. И, надеюсь, он тоже. И также надеюсь, вы меня не ревнуете?

По лестнице кто-то протопал, и коротко брякнул над дверью звонок. Хозяйка досадливо нахмурилась, легко поднялась и прошла в прихожую. Дверь открылась, послышался бубнящий мужской голос:

- А я это... иду мимо и вспомнил. Вам не нужно кафельной плитки?

- Ах, дядя Вася! - отвечала Людмила Романовна с веселой досадой. - Вы что, забыли, что предлагали мне вашу плитку на той неделе?

- А я это иду мимо... Плитка-то дешевая. Да можно и задаром вовсе...

- Ай-яй-яй, дядь Вася. Пить надо меньше!

- Я могу... вы не верите?.. За просто так, от чистого сердца.

- Ничего не надо, идите с богом, - все более досадуя, сказала Людмила Романовна. - У меня гости сидят, а вы тут...

- Ну, я завтра зайду-ду-ду... бу-бу-бу...

Дверь хлопнула. И хмурящаяся и улыбающаяся Людмила Романовна вышла к Мережникову, разводя руками:

- Вот видите: поклонник... Зовут дядь Вася, скоро на пенсию пойдет, уж внуки небось, а туда же... Ведает всеми канализационными трубами в нашем квартале. Представляете? Большой начальник!

Она засмеялась, потом со словами: «Ой! Чайник-то кипит!» - поспешила на кухню.

Людмила Романовна принесла два чайника, большой и маленький, поставила большой на пол, на газеты, он еще пошумливал; а маленький, с алыми розочками на боках, к чашкам.

- Ну вот, - сказала она и повела плечами - так ей было хорошо. - Что же, я думаю, мы с вами по наперсточку одолеем сначала?

Она разлила коньяк, подняла свою рюмочку, оттопырила пухлый мизинец с красным ноготком.

- Ну, дорогой мой, - сказала задушевно, - на брудершафт.

Осторожно, боясь расплескать из рюмочек, они встали оба, зацепились руками, выпили, глядя при этом друг на друга.

- Мир, дружба, - сказала она. - Теперь мы на «ты».

Они сели рядом. Закусывали конфетами с лимоном и улыбались оба.

- А ведь у нас с вами, Владимир Андреевич... как бы это сказать... есть еще одна связующая нас нить.

Он посмотрел на нее вопросительно.

- У меня в Новгороде есть сестра, зовут ее Злата... Редкое имя, не правда ли?

- Злата Максимовна?! - не без удивления воскликнул Мережников.

- Вот именно. Сестра она мне двоюродная, но мы очень дружим. Однако она все скрытничала, а вот недавно открылась. И вы мне не сказали, что знакомы с нею!

- У нас телефонное знакомство.

- Ну, мы его превратим в личное и непосредственное. Ваш друг Виталий собирается приехать в Новгород. И очень скоро.

- Когда?

Людмила Романовна лукаво посмотрела на него:

- Ну, это зависит... от состояния печени мужа моей сестры. Когда он уедет в санаторий, тогда и следует ожидать Виталия.

Они засмеялись оба. Людмила Романовна доверительно положила свою теплую ладонь на его руку:

- Вот приедет ваш друг, и мы вчетвером соберемся здесь у меня... Договорились?

«А я же уеду в Тернополь!» - чуть не признался Владимир Андреевич, но сдержался. Не хотелось ему именно теперь заводить разговор о Наташе ли, о том ли, что с нею связано. Наташа явно не умещалась сейчас в его душе, отступила куда-то...

Людмила Романовна опять налила в рюмочки, и опять выпили - «За тех, кого нет здесь!»

- Ох, какая я пьяница! Голова кружится, - сказала она и с нежной заботой заглянула ему в глаза. - Вам хорошо со мной?

Он не кривил душой:

- Да. Очень. Я как-то отогрелся! Распустился совершенно. А то ведь прямо заоченел! И душой, и телом. А теперь оттаял.

- Ну вот, это главное. Чтоб вам было хорошо. Тогда и мне будет хорошо.

Она стала наливать чай. Носик чайника позванивал о край чашки.

- Видите? - сказала она и загнула широкий рукав, чтоб не мешал. - Рука уже дрожит, как у настоящего алкоголика. Допились мы с вами, нечего сказать!

Он взял ее за локоть обеими руками:

- Придержаться надо.

Кожа ее была шелковиста, особенным женским теплом была наполнена эта рука.

Хозяйка поблагодарила его взглядом, а поставив чайник, погрозила пальцем и сказала, слегка покраснев:

- Владимир Андреевич!.. Что это у вас в глазах появилось? Ай-яй-яй!

Она сидела на диване, чуть откинувшись на спинку его: полы халата разошлись, но она то ли не замечала этого, то ли не хотела замечать. Оглядываясь на нее, Мережников видел бретельку лифа на голом плече, розовевшем в свободном распахе халата, видел и почти физически ощущал глубокую тень между большими холмами груди, и ему становилось тесно дышать. Он спешил прихлебнуть чай, чтобы не пересыхало во рту.

Владимир Андреевич то и дело ловил улыбчивый взгляд хозяйки, который дразнил и ободрял. Она понимала что-то, чего не понимал он, и это его смущало.

66.

«Ну что же, - подумал гость, отставляя пустую чашку. - Пора и честь знать».

Он вздохнул, представив, как выйдет сейчас на улицу... как придет домой...

- Вы еще не видели мою библиотеку! - живо сказала покрасневшая Людмила Романовна. - Пойдемте, я вам покажу.

Он послушно встал вслед за нею, огляделся.

- Это не здесь, в соседней комнате. Идемте. Библиотека моя, правда, небольшая, но вполне достойна хорошего книжного шка-

фа. А шкафа нет, поэтому я книги держу в спальне... Ой, господи, как я опьянела! Вы не замечаете, что у меня заплетается язык?

- Нет. Но это оттого, что я тоже с головокружением, - сказал Владимир Андреевич, непонятно отчего все более и более волнуясь.

Что-то было в ее голосе такое, что передалось и ему.

- Здесь у меня не убрано, - проговорила она, когда они вошли в спальню, - так что вы не судите строго. Гостя не ждали.

Спальней была небольшая комнатка, широкая кровать занимала в ней добрую треть, и она действительно была не убрана, а вернее сказать, просто разобрана и еще не смята: подушки лежали аккуратно, край атласного одеяла отвернут, на козырьке - сложенное покрывало. Рядом с кроватью - старый диван с круглыми валиками-подлокотниками, столик со швейной машинкой и полки с книгами - вот, пожалуй, и все, что успел он заметить в спальне.

- Я ведь не собираю большую библиотеку, - говорила между тем Людмила Романовна, дыша при этом так, словно они не из комнаты в комнату перешли, а поднялись этажа на три выше. - Но здесь мои любимые авторы.

А он никак не мог заставить себя рассматривать книги, просто провел по ним пальцами, говоря:

- Да-да... А что это? Учебник по хирургии. Подарок?

Только сейчас, бросив случайный взгляд, он заметил на ногах у нее остроносые, расшитые шлепанцы, какие видел в сувенирном киоске.

- Какие у вас туфли! - сказал Владимир Андреевич непринужденно.

- Вам нравятся?

- Да.

- А я? - спросила она негромко.

Разговор принял вдруг такое направление, что Мережников никак не мог справиться с сердцебиением.

Какое-то время, продолжительность которого трудно было осознать, они стояли друг перед другом молча. Она подняла

руки, положила ему на плечи - широкие рукава скользнули вниз, обнажая их до локтей.

- А я? - повторила она.

- Вы тоже, - произнес Мережников севшим голосом.

- Ты, - поправила она. - Ты.

- Да, ты.

- Вот так...

Он вышел на улицу. То ли снежинки, то ли звездочки инея, крутясь, медленно падали откуда-то, то ли с темного неба, то ли с деревьев.

«Мадам, уже падают листья...».

Он оглянулся на фасад дома, из которого вышел, и тотчас нашел ее окно. Как раз в эту минуту тень проплыла по шторе - видно было, как женщина там, в комнате, приостановилась, подняла руки к голове, потом медленно провела ими вдоль тела, должно быть, расправляя складки халата, и исчезла.

Мережников постоял, не двигаясь с места. У него был вид ошеломленного человека, который силится и не может понять, что же произошло... и как это могло произойти...

67.

На липовой аллее, ведущей к железнодорожному вокзалу, стали попадаться прохожие, здесь было и посветлее, и повеселее, но, пройдя железнодорожные пути, Мережников опять попал в безлюдье и тишину. Только дощатые мосточки поскрипывали под ногами. Огни микрорайона светили впереди, и два-три из них были огнями его собственной квартиры, но они не манили Мережникова, не влекли.

Была в нем пустыня, большая, гулкая, холодная. Ничто в ней не произрастало, и не светили над нею ни солнце, ни луна, не мерцали звезды. Душно было, мертво, нехорошо.

- Владимир Андреевич!

Он обернулся, вздрогнув.

- А?

Перед ним стояла Фая, радостная, улыбающаяся.

- Вы так задумались... - она засмеялась. - Я уж третий раз вас окликаю, а вы не слышите.

- Да, - сказал он неопределенно. - Гуляю вот... Задумался.

- А я вас давно жду. Мама пришла, говорит: была у соседки, а хозяина еще дома нету, - оживленно говорила Фая. - Она у меня чудная такая, мама, то есть очень общительная. Познакомилась с вашей женой нынче утром возле мусорной машины, и Любовь Ивановна пригласила ее к себе посидеть. Мама вернулась, все рассказывала... А я вот узнала, что вас нет, и вышла, дежурю.

Он смотрел на ее раскрасневшееся, улыбающееся лицо и тоже невольно улыбнулся. Как она далека была от его тревожных! Как далека и потому легка ему. Мережников даже обрадовался Фае.

- Ты звонила мне, - вспомнил он. - Что-то надо было сказать?

- Ну вот я и хотела предупредить вас, что мама познакомилась с Любовью Ивановной.

- Ну, так хорошо! - сказал он почти весело. - Ради бога! Это их дело. При чем тут мы с тобой?

- Хорошо-то хорошо, только я боюсь... Любовь Ивановна такая хитрая!

- Хитрая? - переспросил Мережников.

- Да, - Фая, смутившись, засмеялась. - Она все время так ведет разговор...

Мережников и Фая брели уже по той улице, на которой был их дом. Владимир Андреевич остановился: пора бы и попрощаться с соседкой.

- Я уверена, она и маму расспрашивала, потихоньку, незаметно. А мама у меня такая простодушная, она все разболтает, - весело говорила та.

- Постой, - насторожился Мережников. - Разве ты своей матери что-то рассказала обо мне... и о нас с тобой?

- Да нет, господи! - опять смутилась Фая. - Конечно, нет. Я вас никогда... Но мама знает другое, - тут Фая замялась, потом осторожно, тихо выговорила: - Она знает, что я... беременна.

В наступившей за этой фразой паузе Мережникова будто ударило электрическим током.

- Ты беременна? - спросил он потрясенно.

- Да. Но вы не беспокойтесь, Владимир Андреевич! Я как раз и хотела вам сказать, чтоб вы не беспокоились.

- Погоди... Почему я должен беспокоиться? Разве...

Впервые за время разговора Фая встревожилась, видя потрясенное лицо Мережникова.

- Разве это... от меня?

- Да, - очень тихо сказала Фая. - От кого же еще! Но я никому... никому не скажу, чей это ребенок.

- Но, стой! - с жаром сказал он и - замолчал. Оглянулся - они стояли на автобусной остановке.

- Присядем, - предложил он и сел на холодную, запорошенную снежком банкетку.

Фая тоже села. Мережников молчал, замер, словно перетерпывая сердечный приступ.

- Да что вы, Владимир Андреевич! - горячо заговорила она. - Вы не подумайте... Я очень счастлива, что у меня будет ребенок. Я его выращу, воспитаю, и никто никогда не узнает - вот клянусь вам! Отцом-матерью клянусь.

- А ты намерена родить? - быстро спросил он, подняв голову.

- Конечно.

- Но ведь это невозможно! - с тихим изумлением проговорил Мережников.

- Почему же... - Фая очень мило улыбнулась. - Я от любимого Антошку рошу, а от вас-то... Поймите, я очень счастлива, Владимир Андреевич. Мне и мама говорит: не вздумай чего-нибудь - вырастим! Еще как вырастим, Владимир Андреевич! Поверьте, я действительно очень-очень рада...

Она продолжала говорить торопливо, то и дело повторяясь, и голос ее отдалялся от Мережникова, отдалялся... Он уже не слышал его.

«Эта женщина будет матерью моего ребенка, - думал он, глядя на нее. И снова повторил про себя: - Эта женщина будет мате-

рю моего сына... или дочери... У нее будет ребенок от меня».

- Я хотела вас предупредить... - доносилось до него. - Если Любовь Ивановна что-нибудь подумает... я ей ни-ни, не признаюсь! Хоть режь меня. Я лучше на себя наговорю что-нибудь. Не тревожьтесь, Владимир Андреевич...

Этакая почти материнская заботливость к нему проснулась в Фае. Соседка его утешала: ты, мол, мальчик, нашалил, набедокурил, но не плачь, все образуется.

Он встал.

- Уже поздно, Фая. Спокойной ночи.

- Да, надо идти. Мама, наверно, дивится: куда это я на ночь глядя ушла. Утро вечера мудреней, Владимир Андреевич!

Она засмеялась.

«Эта женщина... И мой ребенок за стеной... Будет играть с жестяными игрушками...».

Он повернулся и пошел в противоположную от дома сторону.

- Куда же вы, Владимир Андреевич?! - донеслось до него.

Он обернулся. Махнул рукой:

- Прогуляюсь... Не беспокойся обо мне, Фая... Дальше я пойду один, - добавил он сам себе.

68.

У него словно бы выключилось сознание. Мережников перестал воспринимать внешний мир, углубившись в беспорядочное размышление. Опомнился уже далеко от дома, когда увидел перед собой въездную арку в кремль. Здесь он огляделся с недоумением: «А как же я здесь очутился? И зачем сюда пришел?»

И не мог вспомнить, где, в каком месте пересек железную дорогу, какой улицей шел, встречал ли кого на пути, - словно его перенесло по воздуху.

Он растерянно потрогал замок, которым была заперта металлическая решетка, перегородившая въездную арку - и тут не везет! Раньше он и не знал, что кремль запирается на ночь. Мо-

жет быть, знал, но как-то это его не касалось. А именно сегодня ему необходимо было попасть в кремль: там тишина и безлюдье, можно без конца ходить по асфальтовой дорожке вдоль стены и думать, думать... Однако вот как попасть туда?

Мережников прислонился спиной к решетчатой двери, не пустившей его в кремль.

Тихо и безжизненно было в ночном городе. Морозным ветерком сдувало иней с деревьев, и легкие, как пушинки, иголки его взблескивали в свете ближнего фонаря. А у дальних - вокруг каждого радужная коронка ореолом стояла.

Все-таки до чего же тихо и безлюдно! Казалось, не было сейчас окрест ни единого человека - люди покинули город, оставив его, Мережникова, одного.

Острое до боли чувство одиночества, как чувство все-ленского холода, заставило его вздрогнуть. Замаячившая вдалеке, возле Дома Советов, фигура одинокого прохожего, была отрадна ему.

Владимир Андреевич пошел прочь и бездумно свернул в парковую аллею возле рва. Хруст ледяных пузырей под ногами отдавался от молчаливой стены кремля. «Вместо живой лужи, в которой отражались и солнце, и небо, и люди, остается только мертвый слепой пузырь», - подумал он, и эта мысль, всплывая среди других, показалась поразительной.

Он шел по той самой дорожке мимо Покровской, Спасской, Княжой башен, на которой столько раз встречал девушку с ясными синими глазами и длинной русой косой. Она подходила к нему, и свет ее глаз был завораживающе ласков, и голос ее звучал лишь для него. Она говорила: «Не прерывай меня, пока я не скажу всего...». И он не прерывал. Она говорила: «Вы самый необыкновенный человек на свете». И он с этим соглашался.

Вот здесь она подходила, именно здесь...

«Я вас люблю и хочу посвятить вам всю свою будущую жизнь».

Он нежно и благодарно целовал ее, и они вместе шли к Волхову.

Вот пляж, на котором она лежала под солнцем, и вставала, и шла к воде, чуть загребая горячий речной песок босыми ногами. Да, это была она. Он обещал ей, что наполнит ее жизнь высоким смыслом. Обещал, а ведь не имел ни права, ни оснований обещать что-либо, не имел... И не лета его, не Любовь Ивановна тому причиной - просто он оказался невысокого роста. *Маленький.*

«Прощай!..»

Мережников поежился, как от холода или болезненного озноба, и поднял воротник пальто. Стоять на месте он не мог из-за сугубой душевной сумятицы, да и морозец подгонял.

Возле ямы Троицкого раскопа он остановился и снова вспомнил тот жаркий июньский день... и девушку-археологиню, ходившую павой... и дочку свою Джулю, строптиво и обидчиво восставшую за честь и достоинство отца... и нарядный автобус с восклицательными возбужденно иностранцами.

Владимир Андреевич спустился вниз - вода, наполовину заполнившая раскоп, накрепко схвачена была ледком, а тот уже припорошен инеем. Здесь когда-то проходила Черницына улица. Потому Черницына, что неподалеку располагался девичий Варварин монастырь. Та Варвара строго и неукоснительно блюла добродетели черниц от покушений мирских людей. То были Антонкотельник, Гаврила-щитник, Яков Храбрый-гвоздочник, Семейка Сысоев сын... Чуть чего - Варвара, в сознании Мережникова удивительно похожая на Веру Станиславовну, писала берестяную грамоту об аморальном поведении того или иного прихожанина посаднику, вроде Мирошки Нездинича или Юрия Онцифоровича, а то и попу, что кланялся Олисею Гречину об иконе деисусного чина - пусть поп наложит епитимью на провинившегося. Так ему и надо. Не блуди.

К Варваре уходили девицы, сбросив с пальца перстенок с заветным «Полюби мя», в горести и сокрушении сердца: и ты постыл и кольцо постыло!

«А Филатко обнищав сошел безвестно...».

И уж не было раскопа - Владимир Андреевич стоял на льду Волхова, разъявшего Новгород на две половины.

Вселенская ночь властвовала окрест. За рекой, мимо Ярославова Дворища, промчалась, посвечивая фарами, легковая автомашина - должно быть, «скорая помощь». Не одному ему плохо в эту ночь...

В задумчивости Мережников побрел от берега - под ногами легонько треснуло, хрустнуло, но твердь была надежна, он это чувствовал. Где-то впереди, на самой середине Волхова, в невидимой отсюда промоине легонько хлюпала вода о закрайку - мороз схватывал ее и никак не мог укротить. Но весь обширный залив Мячино и обширное побережье возле кремлевского пляжа были накрепко закованы льдом. Узкая полоса черной воды тянулась от бывшего некогда Великого моста к новому, бетонному.

«Тое же осени снесе вода и снег и лед в Волхов, и бысть велика вельми и вышибе пятнадцать городень Великаго мосту...». Вот так: вышибло эти самые городени, и рухнул мост... А кто виновен? Стихия? Нет - строитель! Надо было возводить мост, несокрушимый, вечный...».

Владимир Андреевич прошел уже половину расстояния до острова, и лед держал. Раза два гулко, словно гром по туче, пробежала трещина из-под ног и замерла вдали, возле Воскресенской слободки. Из-под ног выскочило что-то и заскользило по льду, удаляясь, и затихло тоже далеко: должно быть, осколок льда, брошенный мальчишками днем.

Владимир Андреевич невольно прислушивался к этим звукам, досадливо хмурился. Этот внешний мир отвлекал его от размышлений. Он шагал и шагал; под ногами ровная гладь, не споткнешься, а боковым зрением ловил справа близкий край острова, что отделял Мячино от Волхова. Так и шел, одинокий темный человек в ночи.

Он не мог стоять или сидеть - это было бы ожидание чего-то. А ждать теперь было нечего, и Мережников шагал, почти не глядя, куда идет, и не сознавая, зачем идет именно в эту сторону. В эту ли, в другую ли - не все ли равно!

Никогда он не чувствовал в себе такой сильной тоски. Бывало, он грустил, а думал, что тоскует... К нему приходила печаль, а

ему казалось, что это и есть тоска. Ему было горько, а он говорил себе: тоскливо! И вот теперь пришла настоящая тоска, и присутствие ее в нем было как боль страшной раны, от которой никуда не деться. Она вытеснила из него все; и о чем бы он сейчас ни думал, то казалось ему лишним, ненужным, - осталась одна только эта боль, словно тяжелый камень лежал в его груди и давил, давил...

Он очнулся, когда на него стала надвигаться громада бетонной опоры, возвышающаяся из воды. Лед здесь потрескивал сильней, пришлось податься ближе к берегу. Мережников сделал это чисто механически, не сознавая опасности.

Как миновал Юрьев монастырь, Владимир Андреевич опять-таки не заметил - снова перенесло его по воздуху в одно мгновение. Только что был у мостовых опор, а теперь оглянулся - монастырь непривычно громоздился в отдалении слева на берегу, а правее горели огни города, который казался отсюда маленьким и далеким, а сам он стоял на льду озера, зыбком, как волна.

«Странно, - подумал Мережников, дивясь новому ощущению. - Я никогда не был здесь... Никогда отсюда не видел города. Он как будто уже чужой...».

И поразился тому, как отодвинулась его прежняя жизнь со всем своим привычным укладом, со всеми заботами и печальями.

«А береста? - запоздало спохватился он, увлекаемый, плененный непривычным чувством. - Я же так и не прочел... Гусль богодвижимая...».

Ему подумалось, что то было послание ему оттуда, из вековой дали, где живет безымянный для него Олельков племянник, что увез Иринеицу за Галич, за горы; где пробирается Замятня, сын новгородского купца Некраса, к верховьям реки Вым; где перевозит странников и нищих через реку Великую юная псковитянка; где плывут на стругах купцы по Дону, плывут и поют... Оттуда, из вековой дали, некто, верно и преданно любящий его, прислал ему стеклянное колечко с заклинанием - вот оно, на пальце!

Тишина царила окрест - полная, всеобъемлющая тишина. Только неясный шум доносился непонятно откуда, то ли от ми-

гающего электрическими огнями города, то ли от мерцающих звезд, то ли это озеро дышало...

Владимир Андреевич долго стоял так, глядя на город, на монастырь... «И постави церковь святаго Василиа на холме, идеже стоял Перун и прочии их демонстии кумиры», - это здесь, вот оно, слева, Перуново мольбище.

А вправо плоско темнел берег. «Нередица где-то здесь», - машинально подумал Мережников. Нередицы не было видно.

«Филатко обнищав сошел безвестно...».

Он повернулся спиной к городу: озерная даль безмолствовала и дышала ему в лицо холодом. Слабый, почти незримый свет плеснулся в небе и потух. Мережников смотрел туда, где и в ясный день не видать противоположного берега. Темное лоно озера, закованного молодым льдом, смыкалось с небом, как будто прямо со льда начинались звезды, яркие и крупные в эту морозную ночь.

«Сими звездами несмысленими звездословцы предвозвещают доброденство и злоденство, некими же и долготу жития поведают».

Словно подчиняясь некоему могучему велению, Владимир Андреевич пошел туда, в эту неверную темноту и даль. Непонятный восторг охватывал его душу, постепенно нарастая. Изредка оглядываясь назад, он видел, что город отодвигается стремительно, словно проваливаясь куда-то, и наоборот, звезды приближались, крупнели, раздвигались, давая ему пространство для полета.

Снова слабый свет плеснулся из края в край неба и потух. Колючим воздухом пахнуло в лицо, холодя щеки. Шум и шорох роящихся звезд стал слышнее, ближе, и кто-то легонько ударил по струнам...

1979 г.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ:**ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРАСАВИН****КНИГИ:**

1. **ЯСНЫЕ ДАЛИ:** повести и рассказы.
- М.: Московский рабочий, 1971.
2. **НА МОЕЙ ЗЕМЛЕ:** повести. - М.: Современник, 1973.
3. **ХОЗЯИН:** повести. - М.: Молодая гвардия, 1974.
4. **В СЕРЕДИНЕ ЛЕТА:** повесть. - Л.: Лениздат, 1975.
5. **ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ:** повести. - М.: Современник, 1978.
6. **ПОРЕЧЬЕ:** повести. - М.: Современник, 1981.
7. **ХОРОШО ЖИВУ:** повести и рассказы.
- М.: Советский писатель, 1982.
8. **МАСТЕРА:** роман. - М.: Молодая гвардия, 1984.
9. **ЯСНЫЕ ДНИ:** повести. - М.: Советская Россия, 1985.
10. **СЛОВО О МОЕЙ НЕРЛИ:** повести.
- М.: Современник, 1986.
11. **ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ:** повести.
- М.: Советский писатель, 1990.
12. **ВЕЛИКИЙ МОСТ:** повести. - М.: Современник, 1990.
13. **ТЁПЛЫЙ ПЕРЕУЛОК:** повесть.
- М.: Детская литература, 1990.
14. **РУССКИЕ СНЕГА :**повести.
- Тверь.: Тверское издательство, 1998.
15. **НОВАЯ КОРЧЕВА:** повести и рассказы.
- Тверь.: Альфа-пресс, 2008
16. **К ВЕЛИКОМУ МОРЮ:** повесть.
- Тверь.: Научная книга, 2010.
17. **Полное собрание художественных произведений в 14-ти томах.** - Тверь.: Наука и культура, 2010.

ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛАХ:

- 1. ПОБЫВАТЕЛИ, НА ОТШИБЕ:** рассказы.
- «Волга», №5 - 1966.
- 2. ДЕВИЧЬИ СНЫ:** рассказ. -
«Сельская молодежь», №1 - 1967.
- 3. ЖЕНЬКА:** рассказ. - «Волга», №5 - 1968.
- 4. ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ...:** повесть. - «Нева», №7 - 1968.
- 5. ХОЗЯИН:** повесть.
- «Октябрь», №7 - 1969.
- 6. ЯСНЫЕ ДНИ:** повесть. - «Знамя», №9 - 1970.
- 7. ХОРОШО ЖИВУ:** повесть. - «Звезда», №9 - 1977.
- 8. ТРОПИНКИ НАШЕГО ДЕТСТВА:** повесть.
- «Волга», №3 - 1978.
- 9. СЛОВО О МОЕЙ НЕРЛИ:** повесть без вымысла.
- «Волга», №1 - 1980.
- 10. ТА, ЧТО ОСТАЕТСЯ:** рассказ. - «Москва», №10 - 1980.
- 11. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОГНЯ:** роман.
- «Волга», №№11,12 - 1983.
- 12. РЕКА ЗАБВЕНИЯ:** повесть.
- «Север», №1 - 1984.
- 13. ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ:** повесть.
- «Новый мир», №8 - 1989.
- 14. ОНИ НАСТУПАЮТ:** повесть. - «Волга», №№6,7 - 1990.
- 15. НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ:** повесть. - «Нева», №7 - 1990.
- 16. ВАЛЕНКИ:** повесть. - «Новый мир», №4 - 1992.
- 17. СВИДЕТЕЛЬСТВО О ЖИЗНИ:** повесть.
- «Знамя», №12 - 1992.
- 18. ГРИБЫ С ГЛАЗАМИ:** повесть.
- «Русская провинция», №1 - 1993.
- 19. ГРИБЫ С ГЛАЗАМИ:** повесть - «Москва», №12 - 1993.
- 20. ВРЕМЯ НОЛЬ:** повесть.
- «Русская провинция» №2 - 1994.

21. **ХУТОРОК:** повесть.
- «Дядя Ваня», лит. альманах Чеховского общ-ва, №2 - 1994.
22. **ВОРОВСКАЯ НОЧЬ, ОЗЕРО:** рассказы.
- «Тверь»: Альманах. - 1994.
23. **ДИКИЙ РЫНОК:** повесть.
- «Русская провинция» №1 - 1995.
24. **ПУСТОШЬ:** повесть. - «Бежин луг», №2 - 1995.
25. **«ПРИВЕТ, СТАРИК!»:** повесть.
- «Дядя Ваня», лит. альманах Чеховского общ-ва, №1 - 1995.
26. **АРХИПОВ (СНЫ ЗОЛОТЫЕ):** рассказ.
- «Русская провинция», №1 - 1996.
27. **РУССКИЕ СНЕГА:** роман. - «Москва», №9 - 1996.
28. **ПУСТОШЬ:** повесть. - «Волгп», №11-12 - 1996.
29. **НОВАЯ КОРЧЕВА:** очерки.
- «Русская провинция», №4 - 1996.
30. **НОВАЯ КОРЧЕВА:** очерки. - «Новый мир», №2 - 1997.
31. **ДЕЛО СВЯТОЕ:** повесть.
- «Дальний Восток», №2 - 1997.
32. **ДЕЛО СВЯТОЕ:** повесть.
- «Русская провинция», №3 - 1997.
33. **ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СТРАСТИ:** повесть.
- «Москва», №12 - 1997.
34. **САМОЗАХВАТ:** рассказ. - «Москва», №6 - 1998.
35. **ДЕД:** эссе. - «Новая юность», №6 - 1998.
36. **ХОЛОПКА:** повесть.
- «Русская провинция», №3 - 2000.
37. **ХУТОРОК:** повесть. - «Нева», №11 - 2000.
38. **СТИХИ** - «Русская провинция», №2 - 2001.
39. **ПРО ПОЛКОВНИКА:** повесть.
- «Русская провинция», №3 - 2001.
40. **«ПРИВЕТ, СТАРИК!»:** повесть.
- «Русская провинция», №4 - 2002.

41. **РУССКИЕ СНЕГА:** роман. - «Роман-газета», №3 - 2004.
42. **ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ:** повесть. - «Дон», №6 - 2004.
43. **ВРЕМЯ НОЛЬ:** повесть. - «Дон», №5 - 2005.
44. **«ПРИВЕТ, СТАРИК!» :** повесть. - «Дон», №2 - 2006.
45. **ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ХРОНИКИ:** повесть
- «Наш современник», № 8 - 2006.
46. **ПРО ПОЛКОВНИКА:** повесть. - «Подъём», № 9 - 2006.
47. **ПИСЬМЕНА:** роман.
- «Дон», №№ 10 - 12 за 2006, №№ 1 - 2 за 2007.
48. **ХОЛОПКА:** повесть. - «Русский путь» №2(11) - 2006.
49. **ДЕЛО СВЯТОЕ:** повесть. - «Подъём», №4 - 2007.
50. **ЯМУГА:** повесть. - «Наш современник», №1 - 2008.
51. **ПРИЧИСЛЕН К ЛИКУ:** повесть. - «Подъём», №1 - 2008.
52. **ХОЛОПКА:** повесть. - «Подъём», №4 - 2008.
53. **ВРЕМЯ НОЛЬ:** повесть.
- «Всемирная литература»(Минск), №4 - 2008.
54. **ТРУБА ЗОВЁТ:** повесть. - «Подъём», №2 - 2009.
55. **СПОЛОХИ:** рассказы. - «Подъём», №8 - 2009.

Отпечатано в Филиале ГУП МО «КТ»
«Клинская типография»
141600, Моск. обл., г. Клин, ул. Ленина, 7.
Тел./факс 5-83-97
E-mail:58397@mail.ru.
Заказ 489, тираж 30.

